

5
2005

РОСССНЯ XXI

5. 2005 сентябрь-октябрь

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

Взрыв в Лондоне. Что это такое?
Как повлияют на нас и на мир? _____ **4**

Геоглобалистика

Владимир Дегоев

«Народ собрался в дорогу...» _____ **50**

Алексей Шевцов

Вызовы и возможности строительства
союзного государства России и Беларуси __ **64**

Грани катастрофы

Степан Сулакшин

Реальные механизмы российской
экономической политики _____ **80**

Россия в мире

Леонид Фридман

Омноговариантности
международных экономических
сопоставлений(окончание) __ **104**

Страницы истории

Александр Ужанков

Концепты «Русь» и «Русская
земля» в мировоззрении
древнерусских книжников
XI–XV вв. _____ **134**

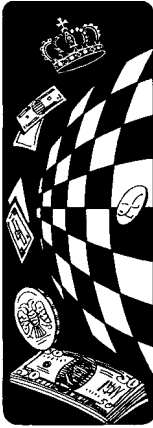
Редакционная почта

Владимир Бородулин

«Несмотрелибымоиглазанавсе
это!». Ободномстранномпризнании
ученогоионекоторыхпроблемах
формированиянаучныхшкол __ **164**

Contents in English look at the page 184

РОССИЯ XXI

Сергей Кургинян

**ВЗРЫВЫ В ЛОНДОНЕ.
ЧТО ОНИ ТАКОЕ?
КАК ПОВЛИЯЮТ НА НАС
И НА МИР?***

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР**

The author analyzes information pertaining to explosions in London. Information published in media allows tracing a connection between terrorist attacks and secret services and between terrorist attacks in London and similar events in Madrid. The author expounds an opinion that terrorists actually fit into scenarios elaborated by secret services. Leaders of the global Jihad are confident that the only way through which they can influence the European governments is the influence upon the European nations, that is by «exporting the Iraqi war» to Europe. The author considers the general framework of relations between Islamism and the West in the past, the present and the future. If in the past Islamism was an ally of the West in confrontation with the USSR, nowadays it is in conflict with the West while in the future Islam will be an US ally against China. The first jolts of this future already destabilize Central Asia. It takes power to pass from one framework to another for such passage entails a war of interests and, first of all, war of world order projects. However Modern is collapsing now and post-modern is in offense seizing position once occupied by Modern. It is not so easy for the West to elbow its way out from under the debris. A new idea is necessary for that effort, a new great meaning which the West is afraid to seek.

* Доклад на заседании клуба «Содержательное единство» 14 июля 2005 года.

Часть первая.

Нельзя, чтобы наш взгляд скользил по поверхности

Мы живем в специфическом климате. Мимо нас проносятся кометы страшных событий. За кометами волокутся огромные информационные шлейфы... Кого-нибудь это волнует? Кто-то собирается хоть как-то эти шлейфы... Ну не скажу «разгрести», но хотя бы выборочно зондировать?

Наши аналитики пишут о событиях в Лондоне очень специфическим, становящимся уже почти что общепринятым образом.

Вкратце – им нужно высказать гипотезу. Точка.ру. Я не о так называемых политологах говорю. Те и гипотез не выдвигают, а просто что-то быстро пробалтывают. Ну, например, «ислам нас зачистит» или «мы его» (консолидировавшись вокруг чего-то эдакого).

Но я не о политологах... Об анализе... Это другое.

Что же произошло в Лондоне? Есть ли хоть что-то о фактуре события, его особой тонкой структуре, значимых деталях?..

Если этого нет (а этого не может не быть, в том числе в открытой печати), то чем аналитик отличается от обывателя? Тем, что гипотезы высказывает? Ну, и обыватель... На одной лавочке бабуся кудахчет: «Ах, ох, террор». А рядом поддавший дедок умничает: «Это все англичанка гадит». Никого не хочу обижать, но пропустить мимо своего внимания назревающее в нашем сообществе **отращение к фактурам** тоже не могу. Это часть навязываемой нам колониальности, дикарства, опрощения (причем вторичного, ведь было иначе). И это то, что надо преодолевать. Иначе навязываемая России резервация получит, так сказать, опору в действительности: «Вот ведь какие – и поделом».

Гипотезы опережают фактуры и подверстываются к идеологическим предпочтениям. Мой коллега-патриот мне уверенно говорит: «Ну, мы-то с вами знаем, кто взрывал башни 11 сентября 2001». Имеется в виду, что сам же Буш и взрывал. Я отвечаю: «Иван Иванович! Лично я ничего не знаю. Если бы я знал, мне бы гораздо легче жилось. В каком-то смысле я бы тогда чувствовал себя на коне. А я чувствую нечто прямо противоположное. Но трепыхаюсь, вчитываюсь в фактуры, строю модели...

Анализирую все, что могу: стиль теракта, данные о нем... Особенно первоначальные. Они совсем не причесанные. И, кстати, к другим видам прихожу. Но главное – не даю себе опроститься. Не становлюсь в ряды, не шаманю вместе со многими».

То же – у себя, в ситуации с Норд-Остом или Бесланом... То же – с Лондоном...

Да, конечно, есть терроризм обычный и терроризм особый. Спецтерроризм, где спецслужбы и те, кто должен быть этими спецслужбами обезврежен, находятся в очень специфических соотношениях. И каждый раз, когда происходит нечто по-настоящему крупное, начинаешь снова возвращаться к этому спецтерроризму (он же «стратегия напряженности»). Но даже такие возвращения должны быть... И фактурными, и «новофактурными». Что-то дополнительное должно выныривать из шлейфа новых комет. Иначе мы толчем воду в ступе.

Ведь всё же люди умерли как-никак. А мы?

Хватит ли у нас энергии в сегодняшнем, вообще как будто обесточенном, а тут еще и ложноотпускном, очень проблемном (о чем еще скажу) состоянии хоть на то, чтобы взглядеться в этот тип фактур? Желательно (из уважения к смертям) еще и выловить нечто хоть минимально новое – во всем. Как в старом, так и в новом. Старое, кстати, иногда кусается пуще нового. Но начну все же с относительно нового.

Часть вторая.

Спецаспект проблемы глобального терроризма – информация, заслуживающая внимания

27 октября 2002 года – военный аналитик газеты «Лос-Анджелес Таймс» Уильям Аркин настаивает на том, что под эгидой министра обороны Дональда Рамсфелда осуществляется проект, предполагающий в том числе и провоцирование террористических групп на совершение актов насилия. За счет этого якобы можно эффективнее выявлять и обезвреживать эти группы. Подобные действия, по мнению Аркина, должна осуществлять новая организация – группа PLOG. Иначе – группа активных упреждающих мероприятий. Группа создана внутри ведомства Рамсфелда, насчитывает 100 сотрудников, имеет годовой бюджет 100 млн. долларов.

Если расшифровывать птичий язык, на котором изложены задачи группы, то речь идет о том, что она (группа) должна осуществлять тайные операции, провоцирующие особо опасных террористов на ответные действия, в ходе которых этих террористов и обнаружат (а значит, и обезвредят).

Под провоцирующими на обнаружение действиями имеются в виду тайные военные операции, в том числе убийства, взрывы и многое другое. Причем отнюдь не только в Афганистане и Ираке.

1 мая 2005 года – Питер Маас публикует в «Нью-Йорк Таймс Мэгэзин» (а это уже совсем не «Лос-Анджелес Таймс») отчет, согласно которому в Ираке для борьбы с террористами созданы особые, местные антитеррористические (внимание!) **полувоенные** (!) диверсионные подразделения. Читай – эскадроны смерти?

И в самом деле, кто готовит (консультирует, обучает) парней, которые на полувоенной основе должны бороться с иракскими повстанцами, ведущими активную террористическую деятельность? Этих полувоенных парней готовят специалисты с соответствующей биографией.

Например, один из таких – Джеймс Стил, который в 80-е годы возглавлял группу из 55 советников, военнослужащих специальных сил армии США, работавших в Сальвадоре... Для специалистов работа в Сальвадоре в тот период является однозначным свидетельством участия в деятельности эскадронов смерти.

В связи с этим в самих США уже развернулось обсуждение проблемы «сальвадоризации Ирака». То, что солдаты и офицеры сальвадорских батальонов смерти вытворяли с населением, достаточно общеизвестно. Говорить, что советники, инструкторы армии США «обучали солдат и офицеров местных боевых батальонов (полувоенных формирований!!!) действиям, включающим серьезные нарушения прав человека», это значит заменить вполне конкретный ужас холодной юридической формулой.

Старшим советником иракского МВД является американец Стив Кастел. Он в прошлом был высокопоставленным должностным лицом Администрации по борьбе с наркотиками (АБН). Стив Кастел тоже работал с местными силами в ходе организованной США «войны с наркотиками». Территорией этой войны (как все мы понимаем, не сводимой к борьбе с наркобизнесом) были Боливия, Перу, Колумбия. В числе

прочего Каstell участвовал в охоте на Пабло Эскобара, главу Медельинского картеля.

А теперь главное. Анализируемая нами война с наркотиками, по мнению всех специалистов, была прикрытием для реальной войны с латиноамериканскими повстанцами, в том числе и не имеющими никакой связи с наркокартелями. Что для нас важнее всего, в этой войне со стороны борцов с наркомафией применялись активные террористические действия. Как для подавления повстанцев, так и для создания атмосферы страха и вытекающего из этой атмосферы повышенного запроса на безопасность.

Об операциях «Гладио» сказано уже достаточно много. И я не буду (а по времени просто и не могу) повторять данные десятков томов исследований. Итальянских в особенности, но и не только. Суть все в том же – в задействовании террора против своего населения для изменения атмосферы в обществе и обеспечения победы нужных политических сил. Вновь речь идет об активных террористических мероприятиях. Причем отнюдь не на территории противника...

А вот выдержка из некоего, долгое время считавшегося сомнительным, документа. Вначале – просто цитата.

«Возможны периоды, когда правительства стран, где размещены американские войска, проявляют пассивность или нерешительность перед лицом подрывной деятельности коммунистов и, по мнению секретных служб США, не реагируют на эту деятельность с достаточной эффективностью. Чаще всего такие ситуации происходят тогда, когда революционеры временно отказываются от применения силы, надеясь таким образом приобрести преимущества мирным путем, что вводит лидеров стран пребывания американских войск в заблуждение, заставляя их считать, что ситуация стабильна. Армейская разведка США должна располагать средствами для проведения специальных операций, которые убедят правительства стран, где размещены американские войска, и общественное мнение этих стран в реальности угрозы, которую представляют повстанцы».

Теперь – маркировка документа.

Это ПУ-30-31В, иначе – «Полевой устав армии США 30-31В». Он называется «Стабильность разведывательных операций – особые зоны». Подписан генералом Уильямом Уэстморлендом 18 марта 1970 года.

Специалисты считают, что данный документ реально выпускался «людьми Гелена», бывшими нацистами, вошедшими в число американских консультантов по борьбе с коммунистической опасностью.

Почему я именно сейчас заговорил о документе ПУ-30-31В? Потому что трудно было обсуждать этот документ в условиях, когда американская (и в целом западная) сторона на большом эмоциональном накале называла этот документ советской (русской) фальшивкой.

Опыт международного диалога показал мне, что, не имея в руках серьезных фактов, лучше избегать таких сомнительных тем, если не хочешь влиться в (и впрямь малосимпатичные, что сказать) ряды так называемых конспирологов.

Но на настоящий момент мне известно, что не абы кто, а человек-легенда ЦРУ, Рей Кляйн, замдиректора ЦРУ с 1962 по 1966 гг., друг Чанкайши и его сына, руководившего тайванской разведкой, шеф Академии в Пэйтоу («Розового дома»), школы, где готовились кадры политической войны для всего мира, дал интервью документалисту Аллану Франковичу. Франкович напрямую спрашивает Рея Кляйна (кому уж знать, как не ему!), является ли ПУ-30-31В фальшивкой. Казалось бы, ответ напрашивается сам собой: «Да, фальшивка».

Но вот что (дословно) говорит по этому поводу, так сказать, эксперт №1: «Знаете ли, подозреваю, что это подлинный документ» (ну, сказал «подозреваю», останись), но Кляйн продолжает: «**Я не сомневаюсь** (выделено мной. – С.К.) в подлинности этого документа. Я его никогда не видел, но описанные в нем военные операции как раз того рода, какие должны осуществляться по усмотрению президента и министра обороны в "подходящих случаях"».

ЦРУ подставляет армию? Так ли это важно? Важно, что есть экспертиза подлинности. И такая, что ее трудно игнорировать.

А в условиях наличия подобной экспертизы иначе начинают смотреться сведения об одном заседании Комитета объединенных штабов в 1962 году. На заседании (и это широко обсуждалось весьма авторитетными лицами) был представлен и обсуждался план уничтожения американских активов (в том числе людских, то есть ни в чем не повинных граждан – не Ирака, не Италии, а США) ради оправдания вторжения на Кубу. Называлось это «Операции Нортвудс».

Кеннеди не принял этот план... И кое-кто считает именно это мотивом его убийства.

В любом случае – участники заседания не шизофреники и не наркоманы. Они могли включить такое обсуждение в повестку дня, только если для этого была нормативная база. В том числе и в виде устава, чью подлинность теперь фактически подтверждает не абы кто, а Рэй Кляйн.

Временно я оставляю интригующую всех спецтему (тем более, что ничего конкретного моя апелляция к ней не несет) и перейду к тому, что в шлейфе лондонской «терркометы» содержится непосредственно.

К хоть какой-то фактуре, то есть.

Часть третья.

Нетривиальное в сведениях о лондонской катастрофе

Я не хочу сейчас разбраковывать сведения. Я и не могу этого сделать без того, чтобы совсем иначе подключиться к произошедшему. Но я и не хочу это делать. Потому что считаю все сведения, рождающиеся в первый момент, заслуживающими внимания. Почему? Потому что в первый момент после крупного эксцесса могут выплеснуться такие сведения, которые потом будут затерты, отфильтрованы, вычищены. А это фактически сведет к нулю нашу возможность разобраться в случившемся.

Вот почему нужно фиксировать все первые горячие информационные выплески. Особенно нетривиальные. Потом их можно будет разбраковать. А сначала надо просто спасти их от своеобразных «стерилизаций».

Каковы же эти нетривиальные сведения?

Тут на первом месте, конечно, стоит интервью Питера Пауэра британским средствам массовой информации. Питер Пауэр, бывший сотрудник Скотланд-Ярда, ныне глава консалтингового агентства «Visor Consultants», дал интервью Би-Би-Си Радио 5. В интервью он прямо заявил, что его компания, профиль которой связан с управлением поведением в кризисных ситуациях, принимала участие в учениях, сценарий которых предполагал одновременный взрыв (имитационный, разумеется) бомб именно на тех станциях подземки, где в тот же день (**понимаете, день учений!**) взрывы и произошли.

Причем реальные взрывы произошли в 8:50. А по сценарию учений имитационные взрывы должны были произойти в 9:30. То есть спустя 40 минут после взрывов реальных. «При мысли об этом совпадении у меня до сих пор волосы встают дыбом», – сказал Питер Пауэр. Пауэр не назвал имя заказчиков учений. Он сказал лишь: «По очевидным причинам не хочу называть их имя, но они слышат меня». Пауэр отметил также, что в учениях, которые он консультировал, участвовало более тысячи человек.

Год назад такие же учения уже проводились. Учения с 1000 людей в лондонской подземке не могут проводиться частной структурой. Речь идет в любом случае о «госначале», не чуждом спецслужбам.

Информация Пауэра носит крайне важный характер. И очень интересно, как с ней обойдутся англичане, уже, естественно, засекретившие свои расследования. Случайность здесь фактически исключается. Ну, и что тогда?

Как минимум, террористы встроились в проводимые учения. Но это значит, что у террористов должны быть «кроты» в спецслужбах. То есть речь идет о серьезной организации.

Возможно, эта организация использовала обнаруженных, как бы бесхозных шахидов. Тем более, что никто не скрывает: у этих юных и не очень юных энтузиастов был скрывшийся руководитель. А возможно, шахидами кто-то прикрывался. Такое тоже бывает. Здесь важно не это. А феномен связки «террористы – спецслужбы». Мы только что обсуждали этот феномен в отрыве от лондонской фактуры, на базе исторических прецедентов. И вот вам, пожалуйста, фактура вполне конкретная.

А поскольку она есть, то мы имеем право снова двигаться от лондонских событий к «прочему разному». Но не вообще разному, а тому, что как-то с Лондоном связано.

Масса экспертов настаивает на плотнейших связях между лондонской и мадридской историями. Подробнее я еще к этому вернусь.

Здесь же хочу лишь обратить ваше внимание на то, что в апреле 2004 года не частное лицо вроде Пауэра, а облеченный ответственностью министр внутренних дел Испании заявил, что двое подозреваемых во взрывах поездов были полицейскими информаторами. И что же? Не донесли? Или донесли, но их не услышали?

А теперь от фактов к слухам, которые, как минимум, тоже надо учитывать. Сразу же после 11.09, не где-то, а в американских спецслужбистских кругах, начались разговоры о том, что в этот страшный день 11 сентября ЦРУ проводило учения, сценарий которых предполагал атаки самолетов на ВТЦ и Пентагон.

Нельзя не вспомнить и Москву 1999 года. Когда глава МВД Рушайло сказал, что силами его ведомства был предотвращен теракт в Рязани, а глава ФСБ Патрушев заявил: «Я хотел бы поправить выступавшего ранее главу МВД. В Рязани был не теракт, а учения, проводимые по вашей просьбе».

Я вовсе не собираюсь делать из всего этого оголтелые выводы. Я просто фиксирую, что если все это так, то террористы встраиваются в чужие сценарии, маскируются под участников постановки, проносят взрывчатку под этим видом.

Есть ли основания так считать? Эксперты утверждают, что именно таким технологиям маскировки «под врага» в 80-е годы учили и «Аль-Каиду», и много еще кого. Это не экзотика, а хорошо прописанная, привычная и известная асам спецслужб технология встраивания. Так, значит, дело все же идет об асах, а обозначаемые дилетанты лишь та или иная «фигура прикрытия»?

Лично я уверен, что это так.

Теперь – о типе взрывчатки. У меня, естественно, нет на руках данных экспертизы. Но я умею читать газеты и журналы. И понимаю, что солидные издания дорожат своей репутацией.

Журнал «Time» (куда уж солиднее), ссылаясь на данные конфиденциальных источников (а они у такого издания, безусловно, есть), сообщает, что лондонская взрывчатка «не похожа на взрывчатые вещества, используемые для проведения гражданских взрывных работ, и имеет явно военное происхождение».

Газета «The Times» прямо говорит, что террористы использовали высококачественную военную взрывчатку.

Далее – что компоненты всех четырех адских машин одинаковы.

Далее – помогающий лондонцам глава антитеррористического подразделения французской полиции Кристоф Шабо прямо говорит: «Это очень подозрительно! Как они добрались до такой взрывчатки. Либо

спекулятивным путем, например, с Балкан, либо у них есть свои люди среди военных, которые могут им обеспечить доступ к складам!»

Что касается Балкан, то исламские боевики (кстати, кто их там выковылывал и зачем? – Мы-то знаем) давно черпают из этого «очага» присутствия НАТО необходимые слагаемые террористической деятельности.

Летом 2004 года, например, в тайнике в Калабрии было обнаружено и конфисковано 100 кг тротила, и это не единственный прецедент.

11 июля немецкая газета «Билд ам Зонтаг» приводит мнение сотрудников израильской разведки Моссад. Если газета блефует, то необходимы соответствующие опровержения. Потому что безнаказанно так блефовать нельзя.

Если же газета обладает доказательными сведениями, то это крайне интересно. Поскольку по этим сведениям (повторяю, вполне возможно, спекулятивным) Моссад передал британским спецслужбам свой отчет. В этом отчете говорится, что взрывчатка, которая была использована в Тель-Авиве в апреле 2003 г., с большой долей вероятности идентична той, которую использовали лондонские террористы 7 июля. **Анализ взрывчатого вещества показал, что оно было произведено в Китае и переправлено в Великобританию в минувшем году. Вещество было спрятано активистами террористической организации, связанной с «Аль-Каидой». В статье также говорится, что вещество было произведено на заводе ZDF, находящемся в 65 километрах от Пекина, и называется CX-123. Это очень сильное вещество, гораздо более страшное, чем пластиковая взрывчатка, а его состав позволяет провозить его через границы, не вызывая подозрения на рутинных проверках, цитирует газета якобы имевшие место слова нынешнего главы Моссада Меира Дагана.**

Руководители Моссада – вообще люди неразговорчивые. А нынешний глава Моссада Меир Даган по неразговорчивости многократно кроет рекорды, которые когда-либо ставили его предшественники. С чего бы ему так откровенничать перед достаточно бульварной немецкой газетой, непонятно. Но мы не можем пройти мимо данного информационного сообщения. Оно слишком яркое, слишком сильно резонирует с новыми выявляющимися мировыми тенденциями. Ведь само наличие напряженности в американо-китайских отношениях ни у кого не вызы-

вает сомнений. Оно настолько очевидно, что несомненно будет иметь все новые и новые подтверждения.

Конечно же, одновременно с этим будут происходить и процессы, прямо противоположные. Американско-китайские отношения слишком масштабны для того, чтобы исчерпываться одной тенденцией (обострением) и не содержать в себе тенденции прямо обратной. И тем не менее...

Справедливости ради надо зафиксировать, что версий по взрывчатке несколько.

Балканская.

Как мы видим, китайская.

Далее – советская и ливийская.

Как сообщает газета «Financial Times», источники в спецслужбах заявили 12 июля, что взрывчатка, использованная в лондонских терактах, скорее всего, была тротилом, произведенным на военных заводах бывшего советского блока. Предположение спецслужб основано на том, что после распада СССР и свержения коммунистических режимов в Восточной Европе большое количество тротила, изготовленного на крупных государственных заводах, попало в руки нелегальных торговцев оружием. Таким образом, в этом регионе сформировался большой черный рынок торговли взрывчаткой и оружием. Источник газеты также добавил, что следы тротила были найдены экспертами-криминалистами, работавшими на местах взрывов. При этом он отметил, что происхождение взрывчатки будет крайне трудно определить, поэтому главной задачей стало изучение остатков взрывных устройств и часовых механизмов.

Некоторые эксперты не исключают возможности того, что для изготовления бомб была использована взрывчатка Semtes. Ее приобрели в Ливии боевики из Ирландской республиканской армии, которые осуществили с помощью этой взрывчатки ряд терактов в 1990-х гг.

В «китайской» версии мне интересен ее источник, а не ее особая аутентичность. Я это все фиксирую и иду дальше.

Все чаще поступают сведения о совсем, совсем-совсем недилетантском характере осуществленной... так и хочется сказать, стратегической спецакции.

«LA STAMPA» пишет 13 июля: «Американский источник, близкий к расследованию, в конфиденциальном порядке сообщает: "Теракты в Лондоне – крупное дело по двум причинам: во-первых, полное отсутствие разведанных о терактах, во-вторых, техника их проведения". Департамент полиции Нью-Йорка направил группу следователей в Лондон, подобным же образом поступило ФБР, не считая агентов, уже находящихся на месте... Американские источники, близкие к следствию, утверждают, что "англичане не имели подозрений относительно этих терактов. Это значит, что ячейки научились действовать в условиях максимальной секретности, избегая контактов с внешним миром". Если это так, другие теракты могут иметь место в любом другом уголке мира, при этом следует учесть, что по обычным каналам разведслужбы получают слишком мало информации»¹.

Вопрос о генезисе лондонских терактов (кто и зачем), конечно, является ключевым. И при его обсуждении нельзя, повторяю, пренебрегать никакими фактами. В том числе теми, которые адресуют к родству лондонских взрывов с мадридскими. Нельзя пройти мимо того обстоятельства, что среди вещей, обнаруженных у «мадридских» террористов, были карты Лондона, а некоторые из задержанных утверждали, что следующей мишенью станет британская столица.

Национальный разведцентр Испании предупреждал британских коллег, что «Аль-Каида» еще 29 мая отдала своим сторонникам приказ совершить крупные теракты в Европе. В Интернете было размещено письмо «К моджахедам Европы» с призывом начать «приготовленную атаку». В письме отмечалось, что «неверные крестоносцы раскрыли свое истинное лицо, надругавшись над Кораном» на американской базе в Гуантанамо. Письмо заканчивается словами: «Пусть неверные знают, что мы их разгромим». Подписано оно «европейской бригадой» организации «**Бригады Абу Хафса аль-Масри**», тесно связанной с «**Аль-Каидой**» и «подписавшейся» под терактами в Мадриде.

Кстати, для полноты картины надо подчеркнуть, что при сходствах мадридского и лондонского событий есть и отличия. Например, качество применяемой взрывчатки. В ходе расследования терактов в Мадриде 11 марта 2004 г. было установлено, что использованная взрывчатка

¹ См.: <http://www.inopressa.ru/lastampa/2005/07/08/15:18:44/teract>

была приобретена в Астурии у бывших шахтеров, укравших динамит со склада на угольной шахте «Кончита».

То есть та взрывчатка носила невоенный характер. А теракт имел более внятную цель, которая и была достигнута, – вывод испанского контингента из Ирака **под давлением** террористических обстоятельств.

Что касается Великобритании, то засвеченные после лондонского шока секретные материалы Минобороны говорят о том, что британцы вовсе готовились к выводу войск (и я лично, имея свои источники, в это верю). Но в таком случае цель терактов в Лондоне была прямо обратной! Чтобы войска... не вывели! Чего, по-видимому, и добились.

Часть четвертая. Кто исполнитель?

Надо хотя бы бегло просмотреть все версии, находящиеся в графе «исполнитель».

«Тайм» указывает на существующее предположение, что «вдохновитель террора» Усама бен Ладен «мог не давать прямого приказа организовать теракты в Лондоне», а провели их люди, вдохновленные примером «террориста номер один». По мнению представителей европейских спецслужб, «старая гвардия террористов ушла в небытие». «Сейчас мы имеем дело не с теми (тренировавшимися в Афганистане) активистами, которые знали друг друга, а с новым поколением, у которого короткая биография», – заявил в интервью «Тайм» представитель немецкой разведки.

По мнению французских спецслужб, которое также приводит журнал, это поколение экстремистов «проникалось террористической идеологией не в условиях специальных лагерей», а дома, **изучая «основы террористического дела» через видео и Интернет.**

13 июля в Лондоне названы имена предполагаемых террористов-смертников, которые взорвали себя 7 июля. Полиция нашла документы всех четверых предполагаемых террористов в местах, где произошли взрывы. Это дает право полагать, что они погибли, но никто не подтверждает до конца данного факта. Согласно документам, все четверо

террористов-смертников были **британцами пакистанского происхождения**.

Английские СМИ со ссылками на ведущих дело следователей приводят имена: 22-летний Шезад Танвир, 19-летний Хасиб Хусейн и 30-летний Мохаммед Садик Хан. Трое смертников были друзьями и соседями. Они жили в городе Лидс. В этом городе полиция уже обнаружила домашнюю фабрику по производству бомб. Смертники приехали в Лондон на поезде. На станции «Лутон» к ним присоединился четвертый смертник. Его машина была найдена рядом со станцией. В автомобиле обнаружены взрывчатка и готовые бомбы. На место совершения терактов смертники отправились со станции «Кингз-Кросс». Камеры видеонаблюдения засняли сцену прощания террористов. У всех террористов за спиной висели рюкзаки с взрывчаткой.

Уточняют, что все трое опознанных террористов – пакистанцы из хороших семей, родившиеся и выросшие в Англии, в районе Лидса в Западном Йоркшире – одном из основных мест поселения иммигрантов из мусульманских стран. Незадолго до терактов двое из них ездили в Пакистан, однако на подозрении у полиции никто из них не состоял. У следствия нет сомнений, что смертники действовали не в одиночку, однако пока личности других, причастных к терактам, неизвестны. Шеф лондонской полиции сэр Иан Блэр не исключает возможности новых взрывов на территории Британии; высказываются предположения, что к нанесению удара готовится еще одна группировка.

Руководство британских спецслужб доложило премьер-министру Блэру о том, что на территории Соединенного Королевства более 200 террористов, прошедших тренировочные лагеря, готовы в ближайшее время нанести новые удары, пишет британская газета «The Sun». И что, по данным разведки, около 50 террористов готовы действовать уже сегодня. Все эти террористы являются гражданами Великобритании – некоторые родились на острове, некоторые получили паспорт через иммиграционные службы. В докладе спецслужб также отмечалось, что большинство из них проходили подготовку в лагерях Бен Ладена в Сирии, Афганистане и Пакистане. Газета сообщает, что на доклад разведчиков Тони Блэр отреагировал спокойно, заявив, что для принятия правильных решений необходимо сохранять спокойствие.

9 июля на одном из исламистских сайтов распространено заявление организации **«Бригады Абу Даби Хафс аль-Масри – европейское отделение»**, которая взяла на себя ответственность за теракты в Лондоне. Полиция устанавливает подлинность этого заявления. Ранее ответственность за взрывы, осуществленные в Лондоне 7 июля, взяла на себя группировка **«Тайная организация "Аль-Каиды" в Европе»**.

Как передает Sky News, польские спецслужбы обыскивали в Люблине дом подозреваемого в организации лондонских взрывов британского гражданина пакистанского происхождения.

По данным Грани.ру, следственные органы Великобритании подозревают в организации терактов сирийца Мустафу Сетмариам Насара, которому приписывают и участие в подготовке терактов в Мадриде весной прошлого года. Насар считается духовным наставником Абу аз-Заркави и, полагают, может скрываться в Ираке, Афганистане или Пакистане.

Мустафа Сетмариам Насар, известный также как Абу Мусаб аль-Сури, является членом «Аль-Каиды» и бывшим инструктором лагерей в Дерунте и аль-Гурайбе, занимавшихся подготовкой террористов в Афганистане. Насар родился в 1958 г. в Алеппо (Сирия). Он был членом радикального «Сирийского мусульманского братства». Покинув Сирию в восьмидесятых годах, он путешествовал по странам Ближнего Востока и Северной Африки и вступил в связь с «Алжирской исламской группой». В 1987 г. он поселился в Мадриде и, вступив в брак, получил испанское гражданство. Находясь в Испании, написал ряд воинственных статей под псевдонимом Умар Абд аль-Хаким. В 1995 г. переехал в Великобританию, где выступал в роли европейского агента «Аль-Каиды». В конце 90-х Насар часто ездил из Европы в Афганистан, куда в 1998 г. перевез свою семью. Сейчас он может находиться в Афганистане или Пакистане. Согласно недавним неподтвержденным сообщениям, он мог принимать участие в организации взрывов в Мадриде 11 марта 2004 г.

Британские власти сомневаются в том, что за терактами стоят мусульманские экстремисты. Вместе с тем бывший руководитель лондонской полиции лорд Стивенс считает взрывы в Лондоне делом рук британских террористов. В интервью воскресной газете «News of the World» лорд Стивенс сообщил, что, по некоторым данным, 3 тысячи

людей, родившихся или живущих в Британии, прошли подготовку в лагерях «Аль-Каиды». По словам бывшего шефа полиции, власти полагают, что наиболее вероятными организаторами и исполнителями взрывов стали либо британцы, прошедшие подготовку в лагерях «Аль-Каиды», либо другие люди, тренировавшиеся в этих лагерях.

Вот, пожалуй, основные высказанные на сегодняшний день версии, которые тиражируют СМИ.

Часть пятая. «Исламский след» глазами тех, кто его ответственно мониторит

Есть две крайности – принятие банального в качестве несомненного и отрицание банального лишь в силу того, что оно банально. Иначе – конформизм и снобизм. Мне не хотелось бы, чтобы мы при обсуждениях кинулись в одну из этих крайностей. Или же кидались из одной в другую, как делается чаще всего. Радикальный исламизм слишком настойчиво подается в виде безальтернативного источника произошедшего, чтобы можно было поддаться с ходу этой слишком brutальной и прямолинейной настойчивости. Тем более, что ангажемент тут, конечно же, налицо.

Но значит ли это, что можно отметить данную версию только потому, что она грубо пропихивается и имеет слишком очевидный ангажемент?

Этого никогда нельзя делать! Потому что нас интересует не оригинальничание ради него самого! Нас интересует понимание сути постольку, поскольку можно что-то сделать для того, чтобы в каком-нибудь другом метро (нашем собственном, например) не корчились в огне ни в чем не повинные люди.

Я даю широкий обзор версий и возможностей для того, чтобы не было неконструктивной заданности. Поскольку заданность не позволяет помешать новым несчастьям.

Но в рамках этого обзора версий я, конечно, буду самым внимательным образом рассматривать версию о действиях радикального исламизма.

При таком рассмотрении важнее всего в общем гуле ангажированных голосов отловить и зафиксировать мнение тех, кто наиболее серьезно и основательно следит за данной тенденцией, опираясь на разного рода достоверные сведения.

В числе подобных серьезных специалистов для меня очень высокий рейтинг имеет израильский эксперт – господин Реувен Паз, осуществляющий проект изучения исламистских движений (PRISM) в рамках Центра глобальных исследований международных проблем (GLORIA). Я много раз мог убедиться в том, что господин Реувен Паз никогда не выдает желаемое за действительное. И очень ответственно подает сведения, действительно отделяя зерна от плевел, серьезную информацию от недостоверных интерпретаций.

В связи со случившимся в Лондоне господин Паз обращает внимание на следующее².

Взрывы в Лондоне должны, по его мнению, возвращать к феномену некой книги, озаглавленной «Иракский джихад: надежды и риски». Эта книга, написанная в сентябре 2003 г., была опубликована в декабре 2003 г. на нескольких джихадистских сайтах в Интернете. В ней содержались намеки на будущие акции в Мадриде, которые и произошли в марте 2004 г. Написанная анонимным автором книга была опубликована «Иракским центром оказания услуг муджахиддинам», организацией, название которой похоже на название «Бюро услуг» (Maktab al-Kidamat) – материнской организации «Аль-Каиды», учрежденной в конце 80-х годов в Афганистане.

В книге сделан анализ ситуации в Ираке и в нескольких европейских странах, участвующих в иракской войне и направивших в Ирак войска. Книга написана с целью представить войну в Ираке как предмет главной и высшей озабоченности всего мусульманского мира, всех, исповедующих ислам. Испания накануне выборов, намеченных на март 2004 г., представлялась авторам книги самым уязвимым звеном. И действительно, взрывы привели к смене

² См.: *The Project for the Research of Islamist Movements (PRISM)*

// www.e-prism.org

правительства в Испании. Мадрид стал первой главой рассматриваемой истории.

Авторы книги «Иракский джихад» анализируют далее связь иракских событий с Великобританией. Великобритания для них «не заслуживает того, чтобы тратить на нее много сил: она сильное, индустриально развитое государство, неспособное, однако, длительное время выдерживать крупномасштабный кризис вроде иракского». То, что Великобритания активно действует в союзе с США, расценено как личная позиция Тони Блэра. При этом подчеркивается, что до поры до времени Великобритании помогает выдерживать напряжение ограниченность ее военного контингента в Ираке и присутствие этого контингента в сравнительно спокойной южной части Ирака.

Авторы считают, что осенью 2003 г. у «Великобритании не было причин для вывода своих войск из Ирака», поскольку единственным способствующим этому «критически важным элементом» является давление общественного мнения. Такое давление могло возникнуть либо вследствие огромных потерь, либо в связи с выводом войск другими европейскими государствами вроде Испании или Италии. В этом случае, на их взгляд, Великобритания вывела бы войска незамедлительно, ибо «ни одно британское правительство не может противостоять общественному мнению».

Но с осени 2003 г. (появление книги) по июль 2005 г. в ситуации произошли два сдвига.

Первый – продолжающиеся шахидские нападения суннитов на шиитов в южном Ираке. Эти акции являются очевидной попыткой спровоцировать шиитское восстание с целью усугубить хаос в Ираке. (Это, как считают эксперты по исламу, стратегия ваххабитско-салафитского джихада, проводимого «Аль-Каидой». И, возможно, эти нападения сыграли роль в оформлении сотрудничества «Аль-Каиды» и «Ат-Таухид валь-Джихада», возглавляемого аз-Заркави. В результате усилился приток в Ирак арабских добровольцев-джихадистов, по большей части, выходцев из Саудовской Аравии).

Поскольку южный Ирак, населенный шиитами, оккупирован британским контингентом, восстание автоматически привело бы к крупному столкновению шиитов именно с британскими войсками. На это и делается ставка. Но пока иракские шииты не поддержали своего главно-

го мятежного лидера, Муктаду аль-Садра, и на выборах одержали победу и составили правительство более умеренные силы. Кроме того, вопреки ожиданиям, нет признаков вовлечения Ирана в события в шиитских районах Ирака.

Вторым сдвигом в «англо-иракской ситуации», на взгляд специалистов, стали майские парламентские выборы в Великобритании. Они хотя и привели к ослаблению позиций Блэра, но все же он в третий раз остался премьером. Британское присутствие в Ираке играло важную роль в предвыборной кампании, но консерваторы, что существенно, не шли в этом вопросе до конца.

Вечером 7 июля на одном из джихадистских сайтов появилась аналитическая записка о взрывах в Лондоне, где высказано предположение, что эффект взрывов будет умеренным и долгосрочным, а не краткосрочным. Автором этой записки, называющим себя «Рыжебородым» («Барбароссой»), видимо, является Абу Абд аль-Азиз – один из ведущих сторонников «Аль-Каиды» в Саудовской Аравии. Он командовал бригадами арабских добровольцев в Боснии и возвратился в Саудовскую Аравию в середине 90-х. В рассматриваемой статье «Рыжебородый», по сути, раскрывает важную цель стратегии «Аль-Каиды», а именно: попытку вбить клин между США и их европейскими союзниками.

Итак, по мнению ближневосточных специалистов, взрывы в Лондоне имели своей целью снова вывести вопрос о войне в Ираке в центр общественной дискуссии (пусть и после британских парламентских выборов). Взрывы должны были потрясти европейское единство, еще более хрупкое после провала референдума по Европейской конституции во Франции. И, главное, взрывы должны были напомнить арабскому мусульманскому миру, а не только Западу о том, что всемирный джихад – это поистине глобальная, не имеющая пространственных ограничений стратегия, руководители которой выбирают объекты для нападений и время нападений, руководствуясь очевидной логикой этой стратегии.

По мнению «Рыжебородого» (а это, заметим, «авторитетное мнение»), действие следующей главы этой истории развернется в Италии и окажет воздействие на положение Берлускони и на результаты предстоящих Италии выборов.

Более или менее очевидная связь между взрывами в Европе и войной в Ираке напоминает специалистам из Glotia, которых мы цитируем, еще об

одном толкователе действий «Аль-Каиды» – человеке, называющем себя Льюисом Атийатом Алла.

За день до взрывов в Лондоне Глобальный Исламистский Фронт СМИ (GIMF) – главная пропагандистская машина «Аль-Каиды» в Интернете – опубликовал старую статью «Льюиса», озаглавленную «Да, м-р Блэр, это – историческая война». Первоначальный вариант этой статьи вышел 14 апреля 2004 г., вслед за одним из выступлений Тони Блэра, и потом в течение года неоднократно размещался на джихадистских форумах (в последний раз в мае 2005 г., после парламентских выборов в Великобритании).

Теперь статья появилась после периода долгого молчания «Льюиса», который, как считают, с конца 2001 г. и по май 2003 г. был самым выдающимся интерпретатором стратегии «Аль-Каиды». Большинству читателей неизвестно подлинное имя «Льюиса», восторженного исламского ученого из молодых сторонников «Аль-Каиды». Его выделяла аура таинственности, наряду с отличным арабским и способностью вселять в читателей особый оптимизм, – все это усиливало популярность статей.

«Льюис», в семье которого есть активисты «Аль-Каиды», – исламский ученый из Саудовской Аравии, не имеющий формального богословского образования. В конце 90-х годов он выступил с защитой джихадистских доктрин. После взрывов в Эр-Рияде в мае 2003 г. его разыскивали власти Саудовской Аравии, но в сентябре 2003 г. ему удалось сбежать в Лондон, где он присоединился к д-ру Сааду аль-Факиху, исламистскому оппозиционеру из Саудовской Аравии. После побега из Саудовской Аравии в 2003 г. «Льюис» опубликовал всего лишь две больших статьи. Одна из них и была посвящена Тони Блэру.

В этой статье «Льюис» пытается возродить историческое, долговременное видение войны между исламистами и «неверным» Западом. Статья-ответ Блэру – напоминание об ухудшающейся ситуации в Ираке и о неспособности западных союзников победить повстанцев в Фаллудже. Примерно в то же время Абу Мусаб аль-Заркави стал командующим «Аль-Каиды» в Ираке, а захват заложников и их обезглавливание, а также акции террористов-самоубийц стали основным образом действий джихадистов, дополнявшимся многочисленными нападениями на мусульман.

«Льюис» ожидал, что следующей фазой развития событий в Ираке станет «сопротивление, которое превратится в культуру Джихада, – славное, вызывающее уважение сопротивление, гордость за участие в борьбе с неверными. Со временем эта борьба, эта культура превратится в исторический вызов». С точки зрения «Льюиса», м-р Блэр, **«будучи гораздо умнее своего американского коллеги, осознает исторический аспект этой войны»** (выделено мной. – С.К.).

Более того, концом процесса, к вящему удивлению всего сообщества экспертов-комментаторов, станет достижение равновесия в этой асимметричной войне. Представляется, что это и является главной целью стратегии «Аль-Каиды», не только военной, но и моральной: **«Симметричность в моральном измерении заключается в симметричности страданий»**. По этой причине борьба является очень затяжным конфликтом, который муджахиддины должны перенести и на территорию противника. **«Я хотел бы, чтобы вы смогли услышать то, что рассказывают люди, вернувшиеся из Ирака. Война с врагом стала для них высшим из земных наслаждений... Мысль о войне с неверными стала для них своеобразным вирусом»** (выделено мной. – С.К.).

В рассматриваемой статье нет никаких явных угроз в адрес Великобритании, если не считать заверения в том, что джихадисты в конце концов одержат победу в этой долгой исторической войне. Однако эксперты считают, что имеет смысл задаться вопросом, почему GIMF разместил эту статью в Интернете в мае 2005 г. и 8 июля 2005 г. Возможно, ответ на этот вопрос связан с британскими парламентскими выборами, состоявшимися в мае 2005 г., и с тем фактом, что иракская проблема фактически не оказала никакого воздействия на британское общественное мнение.

Для тех, кто (подобно цитированным нами исследователям современного салафистского движения) профессионально, а не ангажированно ищет исламский след, акции в Мадриде и в Лондоне были попытками экспортировать иракскую войну в Европу с помощью джихадистов, живущих в Европе, хорошо знающих местные условия и способных сравнительно легко действовать в Европе. В отличие от «дремлющих ячеек», это группировки, у которых нет формальных названий и которые состоят из недовольных исламистов, легко находящих

оправдания доктринам джихада и более широкой стратегии всемирного джихада.

Эти сторонники «исламского следа» считают, что лидеры всемирного джихада, действующие в Ираке и в других странах, пришли к выводу, что их **единственной надеждой повлиять на поведение европейских правительств является оказание воздействия на население европейских стран.** Согласно стратегии всемирного джихада, воздействие на общественность можно оказать только с помощью мощных взрывов. Джихадисты уверены, что еще одна вылазка в Европе, независимо, где она произойдет, в Риме или Варшаве, окажет более сильное влияние на Европу.

Сходство двух акций, проведенных в Мадриде и Лондоне, ставит, по мнению экспертов, вопрос о степени, в которой европейские страны могут извлечь уроки из предшествующих терактов, и об уровне сотрудничества европейских стран. За исключением Франции, наиболее опасная – североафриканская – община в Европе сравнительно невелика. В Великобритании выходцев из Северной Африки меньше, чем выходцев из Пакистана, а в Германии их меньше, чем выходцев из Турции. Расследования, проведенные после 11 сентября 2001 г. в Италии (главным образом, в Милане), Испании, Бельгии, Нидерландах и Великобритании, давали веские основания предполагать, что в поддержке всемирного джихада важную роль играют иммигранты именно из Северной Африки (они к тому же реально участвуют в кампании джихадистского террора).

Тем не менее **две успешные атаки в европейских столицах, для проведения которых были нужны хорошая логистика и эффективная инфраструктура на местах, не были предотвращены.** Более того, в отличие от граждан Саудовской Аравии, Египта, Сирии и Иордании, участвующих во всемирном джихаде, иммигранты из Северной Африки в Европе являются социально-политическими элементами более обширной картины. Характеристики некоего среднего араба-джихадиста, добровольно отправляющегося воевать в Ирак (или в прошлом отправлявшегося воевать в Афганистан, Боснию или Чечню), по всей вероятности, отличаются от характеристик выходцев из Северной Африки, проживающих в Европе. Следовательно, часть контртеррористических усилий в Европе должна состоять из социальных, культурных и экономических мероприятий.

В этой логике взрывы в Лондоне, подобно взрывам в Мадриде, следует рассматривать как экспорт иракской войны в Европу. Этот экспорт осуществляют, опираясь не столько на добровольцев из сердца арабского мира, сколько на живущих в Европе приверженцев всемирного джихада. Европа должна пересмотреть некоторые аспекты своей политики и, в первую очередь, тенденцию свободно предоставлять политическое убежище, с которой особенно носятся в Великобритании, где проявляют исключительную снисходительность к исламистам.

Сторонники «исламского следа» говорят о новой, постлондонской, фазе терроризма, они считают, что после событий 11 сентября война в Ираке стала вторым поворотным пунктом в развитии всемирного джихада. Возможно, следующая фаза экспорта этой войны в Европу примет форму акций террористов-самоубийц, за которыми могут последовать другие методы действий из числа тех, которые ныне применяют повстанцы-джихадисты в Ираке. Нет никаких причин, в силу которых джихадисты в будущем не станут взрывать себя в сердце Европы или не станут захватывать там заложников для того, чтобы их обезглавливать. С точки зрения джихадистов, историческое измерение их борьбы обладает собственной динамикой и развивается поэтапно, – подчеркивают эксперты по современному салафизму.

Часть шестая.

Слово самому исламу, или «Кто взял на себя ответственность за взрывы»

Еженедельник «Ньюсуик» отмечает, что весь исламский мир жестко отреагировал на теракты, совершенные в Лондоне. «Террористические акты 11 сентября 2001 года в США мусульмане осуждали неохотно», однако в случае с терактами в лондонском метро и автобусе «все было совершенно по-другому», – пишет журнал. Большинство мусульманских групп в самой Великобритании резко осудило убийство невинных людей. Более того, указывает «Ньюсуик», даже «фундаменталистские организации выступили с осуждением происшедшего». Так, Ассоциация мусульман Великобритании, «известная своими связями с боевиками на Ближнем Востоке, назвала лондонские теракты "гнусными и омерзительными" и призвала всех мусульман оказать помощь спа-

сателям и полиции», – отмечается в журнале. Не менее однозначной и жесткой была реакция мусульман и за пределами Соединенного Королевства. Даже такие радикальные группировки, как ХАМАС, «Братья-мусульмане» и «Хизболла», однозначно высказались против подобных терактов. «Абсолютно новым в сложившейся ситуации является тот факт, что никто, даже ХАМАС, не посмотрел сквозь пальцы и не промолчал после этих варварских терактов», – указано в еженедельнике. Среди мусульман не встретило понимания даже то, что террористы мотивировали свои действия наличием британских войск в Ираке.

Итак, подавляющее большинство мусульман осудило терроризм, тем более что террористы сами дают повод отвернуться от них, – так считает, например, «Ньюсуик».

Еще один пример подобной реакции. Мусульманский совет Великобритании выступил с заявлением: «По нашим сведениям, молодые люди нашей веры названы причастными к ужасным взрывам, направленным против невинных людей», – указал генеральный секретарь Совета Икбал Сакрани. «Пока полицейское расследование продолжается, мы подтверждаем нашу абсолютную приверженность и решимость помочь полиции привлечь к суду всех причастных к этому массовому убийству», – отметил Сакрани. По его словам, «ничто в исламе не может оправдать бесчеловечные акции организаторов взрывов».

Часть седьмая.

Кое-что о реакциях англичан

13 июля 2005 года. За последние дни в Великобритании сожжено 4 мечети: в Лидсе, Бельведере, Телфорде и Биркенхеде. Также в полицию поступило несколько заявлений от мусульман, которые подверглись нападению на улице. Есть случаи, когда ущерб наносился автомобилям и магазинам, принадлежащим последователям ислама, сообщает радио «Эхо Москвы».

События в Британии развиваются примерно по тому же сценарию, что и в США после терактов 11 сентября в Нью-Йорке. Тогда по Америке прокатилась волна антиарабских и антиисламских выступлений. Однако эксперты сходятся во мнении, что жители Великобритании относятся к мусульманам гораздо терпимее, нежели американцы, и

погромы и побои в Великобритании вряд ли будут носить массовый характер.

Социологические опросы активно проводятся сейчас всеми центрами изучения общественного мнения Британии. Эти опросы показывают, что британцы не считают действия террористов следствием того, что преступники исповедуют ислам, и не испытывают неприязни к мусульманской и иным религиозным и этническим общинам Великобритании.

«**The Sun**» пишет о шоке, который испытали все британцы после известия о том, что террористами оказались их соотечественники. Издание призывает не возлагать вину за теракты на все мусульманское общество Британии, потому что это расколует страну. Террористы не имеют национальности, утверждают журналисты.

«**The Guardian**» утверждает, что версия о принадлежности террористов к мусульманам – худшая из возможных, это вызовет панику в обществе. Аналитики издания уверены, что внимание надо акцентировать на том, что преступники выросли в многонациональном обществе и теракты – вызов этому обществу.

Но в соревнованиях по политкорректности всех обошла телерадиовещательная **корпорация Би-би-си**, запретившая своим журналистам использование слова «террорист». Как говорится в пресс-релизе компании, «это слово имеет осуждающую и эмоциональную окраску... и мешает оценить ситуацию». Слово *terrorists* заменено в репортажах на *bombers*, однако журналисты могут использовать понятие «террористы» в цитатах.

Часть восьмая.

Противоположный голос, к которому следует очень серьезно прислушаться

На все смысловые и лингвистические ухищрения политкорректных британцев достойный ответ, вполне выдержанный в духе исповедуемой идеологии, дал глава британского исламского Центра исторических исследований Аль-Макризи Хани аль-Сibaи. В интервью лондонскому корпункту телеканала Al-Jazeera он, в частности, сказал: «Термин "гражданские лица" не известен исламу. Здесь мы принципиально расходимся со странами Запада. Все обитатели земли делятся на две части:

либо это дар аль-харб, либо нет». Здесь нужно пояснить: согласно фетве глобального джихада, мир делится на дар аль-ислам (дом мира) и дар аль-харб (дом войны, куда входят все пока еще немусульманские страны). И каждый подлинно правоверный должен делать все возможное для превращения обитаемой вселенной в дар аль-ислам.

А аль-Сibaи далее продолжает: «Если теракты в Лондоне – дело "Аль-Каиды", то это ее большая победа, поскольку она ткнула восемь самых могущественных стран мира в грязь лицом».

Часть девятая. Мы и лондонцы

Нельзя не сказать пару слов в пользу лондонцев. У англичан есть чему и поучиться. Например, тому, что их элита после взрывов стала ездить на метро. Возникла даже мода на метро. Чувствуете разницу? А вот Госдеп США запретил своим военнослужащим посещать объекты мирной жизни в Лондоне «во избежание»... Взрыв негодования был такой, что американцам пришлось «отъезжать» и приносить извинения.

Часть десятая. О том, как контекст превращает правомочную позицию в унижительный и неконструктивный скулеж

Можно сколько угодно протестовать против войны в Ираке и участия твоих войск в этой войне. Это позиция. А позицию надо уважать. Но одно дело – такой протест, а другое дело – капитуляция под дулом пистолета, приставленного к виску. Если бы в Испании победили силы, которые с самого начала не допустили бы участия испанских войск в иракской кампании, можно было бы уважать эти силы. Но, после того как террористы, совершенно не скрывающие свою причастность к радикальному исламу, осуществили серию зверских терактов и заявили испанцам: «Гады, выводите войска из Ирака, а то еще взрывать будем!», – нельзя было на это поддаваться. Или еще точнее – уже нельзя было, сохраняя лицо.

А потеря лица – это то, за что когда-нибудь придется страшно платить.

То же самое по поводу сходных реакций в Великобритании. Одно дело – такие реакции до взрывов. Другое дело – такие же реакции после взрывов или, как мы говорим, «в контексте случившегося».

Все звучит иначе. Предлагаю вслушаться.

Сразу после взрывов, на фоне трупов и изуродованных жертв, **Гилад Ацмон**, лондонский музыкант с мировым именем и публицист, сказал:

«Минуту назад я выслушал слова Тони Блэра о "решимости" нашей нации защищать наши ценности. И что эта "решимость" превосходит "их" решимость сеять смерть и разрушение. Я спрашиваю себя, о каких ценностях говорит Блэр? Очевидно, он имеет в виду продолжение бандитского присвоения арабской нефти. Но это ценность для Блэра, человека, который начал войну без санкции Совета безопасности ООН, а не для меня. Нравится нам или нет, мы должны признать, что террор – это послание и лучше бы нам читать в него повнимательнее. Тогда выяснится, что, во-первых, мы, англичане, так же уязвимы, как и все остальные. А во-вторых, что мы обязаны предоставить возможность другим народам свободно жить в согласии с их собственными ценностями и верованиями. И в-третьих, никогда не отдавать больше наши голоса военным преступникам, втянувшим нашу страну и наш народ в несправедливую войну» (выделено мною. – С.К.).

Что сказать? Есть текст – и есть контекст. Слова несут серьезный посыл. Но этот посыл для меня полностью разрушен тем, **когда и в связи с чем** это произнесено.

Надо лишь подчеркнуть, что если для Ацмона Лондон – это часть «глобального города Постмодерна», то для Хани аль-Сибай, который живет в том же Лондоне, этот город – часть дар аль-харб, «дома войны», независимо от Ирака. Только так и никак иначе.

Ну, а теперь, после того, как мы хоть как-то разобрались в фактурах, надо переходить к моделям.

**Часть одиннадцатая.
От фактур – к системному моделированию**

Что такое формат прошлого, как все выглядело в эпоху Советского Союза? (Рис. 1)

Рис. 1

Существовал исламизм, не хочу говорить «ислам», США (и, шире, Запад) и союз исламизма и США в войне. Факт этого союза общеизвестен. Общеизвестно и то, что одним из порождений этого союза являются и Бен Ладен, и «Аль-Каида». Но это лишь частный случай. Структур было много. Велась кадровая работа, работа по обучению, работа по оснащению техникой, работа по финансированию. Все это было регламентировано сотнями томов соответствующих закрытых инструкций. Это и было то, что называется спецпроект или закрытый проект.

В данном случае, речь шла о проекте «Исламизм против СССР».

А если вычест имя СССР? Если оставить открытой графу, «против кого» именно? Если назвать данную череду проектов проектами «исламизм против...»

Например, против Российской империи. Но не обязательно! Против Османской империи (если речь идет о выстраивании арабского исламизма). Да мало ли еще против кого!

Суть не в конкретном «против кого...». Суть в следующем.

Берется некая большая энергия (радикальный исламизм), одевается в соответствующую оболочку «против» и кидается туда, куда надо.

Это и называется формат «исламизм против...». Против чего? Против коммунизма (СССР), против Насера, против Асада... Это понятные случаи (СССР и как бы его союзники).

Но можно ведь и против Садата! Менее понятный случай! А можно и против шаха Ирана. Есть многочисленные свидетельства того, что и подобное «против» имело место.

Но здесь мне важно другое. То, что это был *формат прошлого*. Так работали в 50-е, 60-е, 70-е годы XX века, так работали в XIX и в начале XX века.

А теперь *формат настоящего*. Что это за формат? Это формат, в рамках которого исламизм уже не союзник «против кого-то» (например, против СССР), а враг. С которым воюет коалиция. Что за коалиция? Прежде всего, США, конечно же, Израиль (который кое-кто обвиняет в организации данного формата отношений с исламизмом), в какой-то степени Великобритания (в какой именно – отдельный вопрос). Важно, что речь идет о другом стратегическом формате. (Рис. 2)

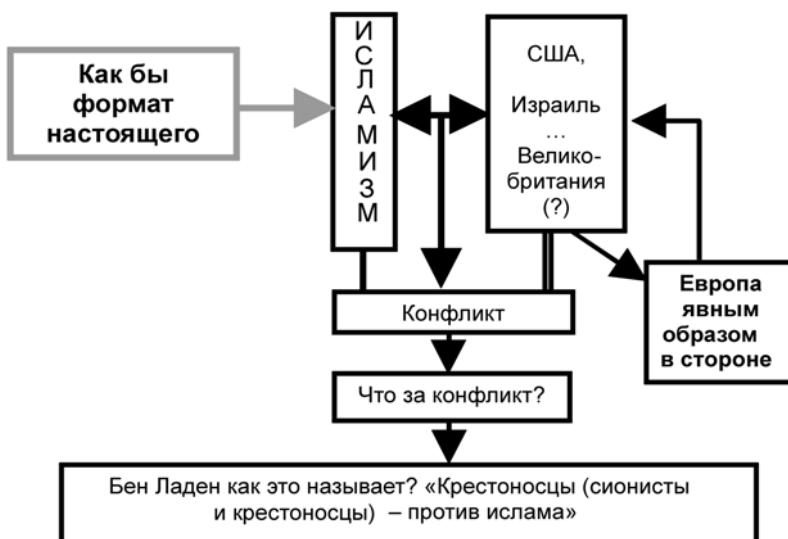

Рис. 2

Итак, формат настоящего – это конфликт, а не союз с исламом. Не Запад использует ислам против кого-то (формат №1), а Запад сам ведет с исламом войну (формат №2). Конечно, никто прямо не говорит об исламе. Говорится о радикальном исламизме. Но это, по сути, фигура речи. Ибо на самом деле в исламском мире наблюдается тенденция, предполагающая, что исламизм постепенно будет вытеснять отовсюду и светских националистов-модернизаторов, и умеренный ислам.

И это мощная тенденция! У нее есть глубокие корни. Все мы живы, все мы можем жить в современности только потому, что внутри ислама есть мощные силы, которые этой тенденции сопротивляются. Но без радикальных изменений всего мирового процесса, без наших изменений в том числе, указанная мрачная тенденция обречена на успех.

Так что можно называть формат настоящего «конфликтом с исламизмом», а можно и «конфликтом с исламом». Первое название корректнее, что очень важно. Второе название, увы, футурологичнее, что тоже весьма существенно.

Но главное для меня – подчеркнуть разницу форматов. В первом формате (в формате прошлого) ислам использовался против «третьей силы». Это то вчера, когда спонсировали Бен Ладена.

Во втором формате (в формате настоящего) сами выступаем против ислама. Бен Ладена не спонсируем, а ловим. Ведь вроде бы именно этот формат возник после 2001 года! Что такое этот формат для России? Ей что выгоднее? Ей выгоднее второй формат! Говорил об этом и буду говорить! Речь не о вкусовщине, не о приверженности идеям и ориентациям. Речь об объективных интересах страны.

Плохо, когда исламский халифат атакует Россию. Но еще хуже, когда Америка оплачивает исламизм, атакующий Россию, а заодно держит Россию за хвост, чтобы она не особенно сильно дергалась. Из этих двух форматов нам, конечно, формат «крестоносного» столкновения гораздо выгоднее.

Теперь – о том, как соотносятся формат настоящего и *формат будущего*. (Рис. 3)

Я настаиваю, что в этом году, буквально несколько месяцев назад, формат уже стратегически поменялся. И новый формат будущего: исламизм плюс США (и, шире, Запад) и Израиль (последний под большим вопросом) как союзники в войне против... Обратите внимание – восстанавливается вновь формат *«Ислам против»*... Но против кого? Как нам представляется, на повестке дня формат *«Ислам против Китая»*.

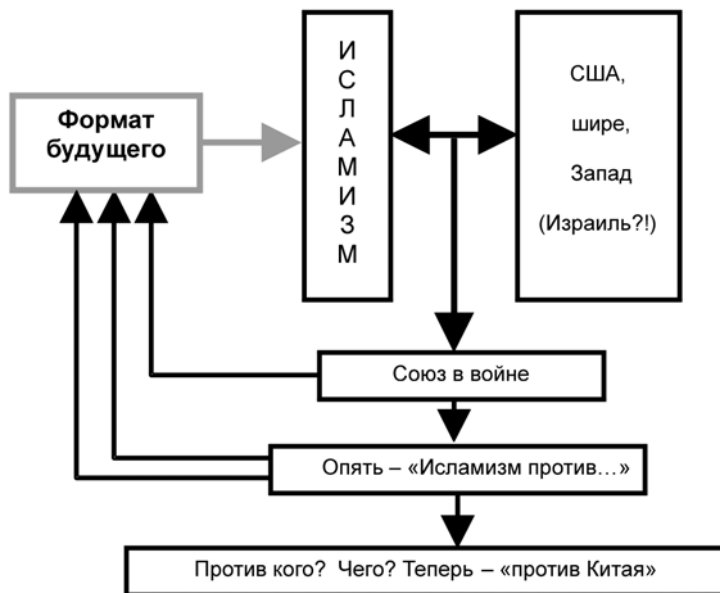

Рис.3

Для нас здесь наиболее индикативны события в Андижане. Да и в целом во всем Среднеазиатском регионе. Настаиваю на том, что главы среднеазиатских государств (Киргизии, Узбекистана, Таджикистана, Казахстана, Туркмении) ориентированы не против США. Отнюдь не против!

Это главы лимитрофных государств, которые ориентируются на сильного. В их представлении сильным, конечно, являются США. И им очень хочется быть в фарватере США! Всем им очень хочется! А глава Узбекистана Ислам Каримов (которому особо угрожает радикальный исламизм) подтвердил ранее эту позицию вполне конкретными действиями.

Но дело даже не только в лидерах. Есть элиты – светские, модернизационно-националистические и умеренно-исламские. Для них любой адекватный лидер, поддерживающий эти тенденции, одинаково приемлем. Единственное, чего они не могут принять, – это ставки на радикальный ислам. Ставки на исламизм. Потому что такая ставка для них означает не просто потерю позиций, а мучительную смерть.

И вот когда для этих элит медленно проясняется, что есть геополитические цели, ради которых их регион будет сдан радикальным исла-

мистским организациям, конкретно «Хизб-ут-Тахрир» (никого не должны тут вводить в заблуждение декларации данной организации касательно того, что халифат установится мирным способом), возникает шок.

А эти элиты достаточно информированы! Они знают, кто, кого и как забрасывал в Андижан. И они воспринимают все это как стратегическую переигровку. Именно стратегическую!

В чем окончательный смысл этой переигровки? В том, что под будущий формат антикитайского исламского джихада Центральную Азию надо фундаментально дестабилизировать.

Дело не в том, чтобы получить в ней не этих, а других американских марионеток. Дело в том, чтобы получить пару десятков новых бен ладенов, получить в ней так называемый «управляемый хаос». То есть такой особо нагретый радикальный ислам, который можно будет кинуть конкретно на Китай. В ядре «Хизб-ут-Тахрир» в Средней Азии находятся уйгуры. И это представляется крайне удобным. Ибо уйгуры имеют претензии на территории Китая в Синцзян-Уйгурском автономном округе. С этой точки зрения радикальный ислам в Средней Азии – это бензин, который можно поджечь и выплеснуть на этот самый Синцзян-Уйгурский автономный округ, то есть на Китай.

Мы говорили о формате прошлого, когда ислам направляли против Российской империи или СССР.

Мы говорили также о формате настоящего.

Теперь замаячил перед всеми нами еще и формат будущего. При этом формат будущего с общих позиций повторяет формат прошлого. Оба этих формата – это форматы «против». (Рис. 4)

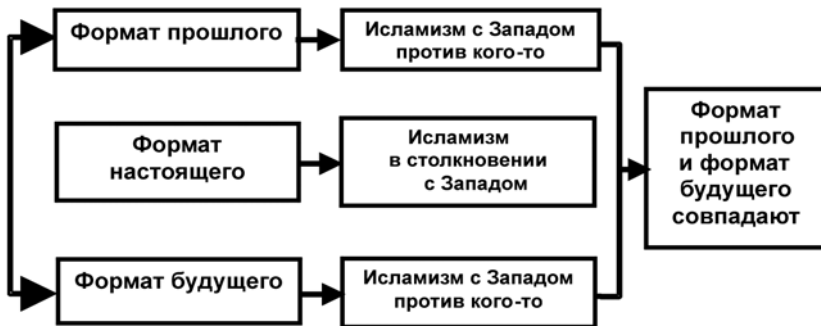

Рис. 4.

Будущее – это то, во что мы вползли после мая 2005 года. Это будущее представляет собой «ислам против Китая».

Первые толчки этого будущего дестабилизируют Среднюю Азию. Но это только начало. Мне возражат, что по факту в Киргизии все развернулось в другую сторону. Это частность! Она свидетельствует о том, что переигровка такого рода будет осуществляться не только теми, кто делает ставку на новое стратегическое «против», но и всеми остальными, имеющими самые разные заинтересованности.

Но по-настоящему субъектен все равно тот, кто выстраивает новый формат. Поэтому в Киргизии все будет все равно катиться в сторону все большей дестабилизации. Это можно прочесть в глазах у Бакиева, и не только у него.

Сейчас в Киргизии начнется раскачка «Юг–Север», начнется дестабилизация Оша... И кончится это все равно радикальным исламизмом. Тому есть много причин, и прежде всего та, о которой я говорю. Переигровка формата то есть. Конечно, это не единственная причина. Но все причины сходятся пока лишь в точку дестабилизации, точку хаоса.

Формат будущего – это, к сожалению, «исламизм с Западом против кого-то», а формат настоящего – «исламизм в столкновении с Западом», вот в чем разница.

Как меняются форматы? Что, президент Буш позвонил в отдел № Икс и сказал: «С завтрашнего дня у нас другой формат»? Так же нельзя! Для того чтобы так сменить формат, нужны огромные события! События на уровне 11 сентября, и даже крупнее. Только с помощью таких событий можно запустить мегамашину смены формата. Иначе – нельзя!

Смена формата – это вообще далеко не бесплатная вещь. Надо отстрелить столько-то оперативников, взорвать столько-то агентов, уничтожить столько-то групп, развернуть такие-то военные действия, осуществить – о, ужас! – такие-то кадровые перестановки и – о, ужас, ужас! – поменять финансовые потоки.

У смены формата всегда есть те, кто думает: «Елки, формат сменим, проведем назначения, изменим финансирование, уберем врагов, начинаем работать», и те, кто говорит: «Мама родная, сейчас формат сменят, финансирование отнимут, потоки уйдут, кому-то идти в отставку, кому-то в отстрел...»

Сменить формат – это не директива на один день, это работа. Пробуют сменить формат на «исламизм против Китая» – это факт, а сменят его или нет, покажет реальная борьба сил.

Чтобы из формата прошлого перейти в формат настоящего, нужна была энергия. (Рис. 5)

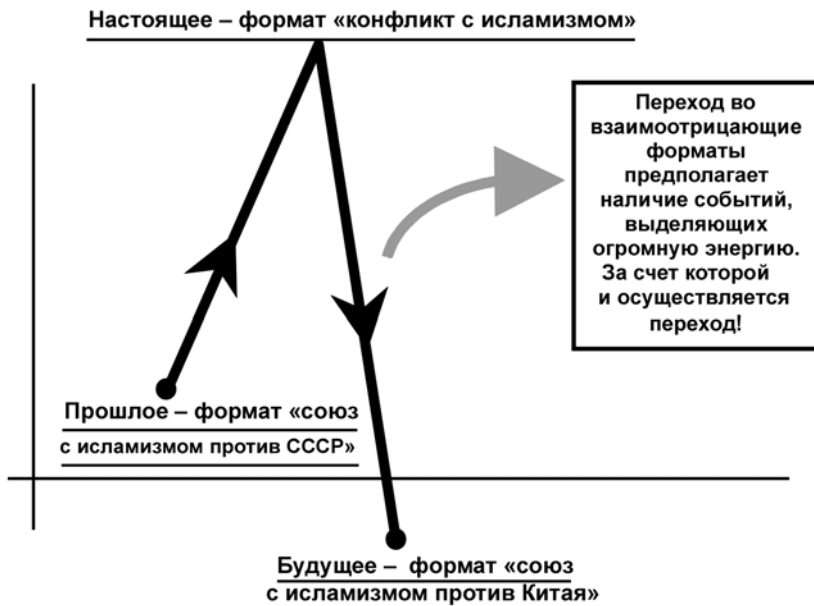

Рис.5

Чтобы формат настоящего перевести в формат будущего, снова нужна энергия. А чтобы потом еще раз этот формат куда-то снова перевести, нужно будет еще больше энергии. Ибо каждый такой перевод из формата в формат – это перелом. А на каждом из таких переломов всегда возникают мощные конфликты. Тут все пропитано кровью, деньгами, властью, борьбою различных групп.

Исламизм есть и в одном формате, и в другом. (Рис. 6)

Запад тоже присутствует в разных форматах. Свои интересные есть в обоих лагерях. Одному лагерю нужен конфликт с исламом. От этого зависит многое. Сюда вмонтированы и интересы, и стратегические проектные цели.

Другому лагерю нужен союз с исламом. Точнее, общий игровой контур. И в это тоже вмонтированы и интересы, и стратегические проектные цели.

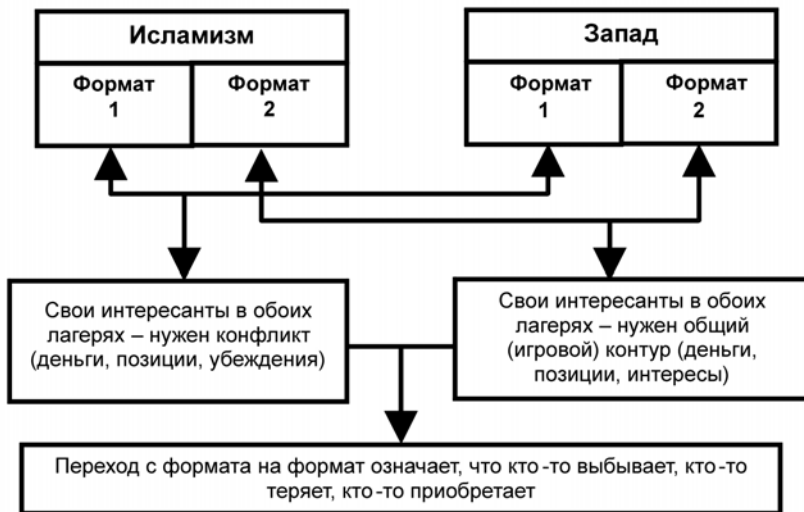

Рис.6

Переход с формата на формат означает войну интересов, войну проектов.

Повторяю еще раз: смена форматов – удовольствие не бесплатное.

Но что же эти форматы означают не с позиций интересов, а с позиций стратегических целей? В чем их предельная, чуть ли не историософская легитимация? И есть ли она? Я убежден, что это наличествует. (Рис. 7)

В историософском смысле формат «конфликт» означает, что Модерн воюет против Контрмодерна (олицетворяемого исламом). В пределе – эту же войну можно трактовать как «крестовый поход», то есть войну христианской и исламской цивилизаций. Но я убежден, что эта предельная трактовка плоха не тем, что доводит конфликт до максимума. А тем, что в основном искажает существо дела.

Исламизм реально утверждает, что он ненавидит Запад как Модерн. Он ненавидит светское государство, он ненавидит определенные институты, он ненавидит принципы устройства личной жизни – все это он ненавидит.

Он ненавидит и свое (неважно, арабское или персидское) светское государство. Он ненавидит любую современность. Он хочет не только власти ради власти, но и власти ради уничтожения современности и возвращения в архаику. Конечно же, архаику суррогатную, вымороченную, вторичную. Но исламизм в пределе ориентирован именно на это. И у него есть союзник.

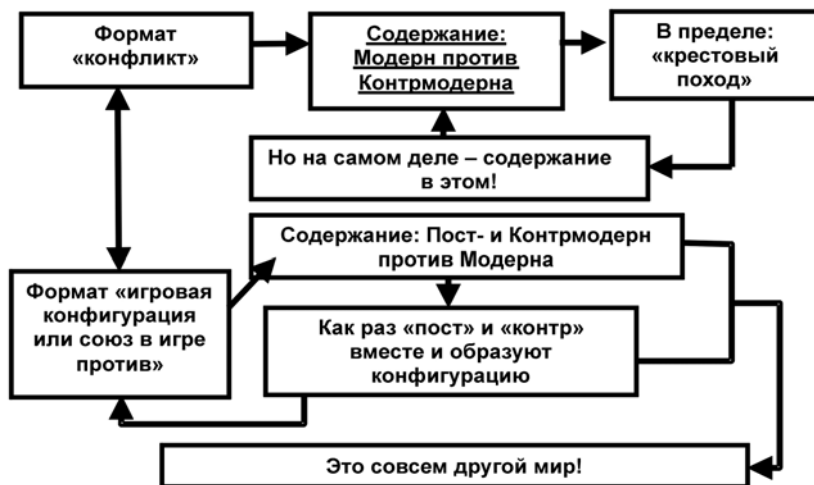

Рис.7

Этот союзник – Постмодерн. Он тоже воюет с Модерном. Постмодерн – это троянский конь Запада, это его «пятая колонна», это то западное начало, которое готово впустить в Троию контрмодернистских данайцев.

Если имеем формат «конфликт», то Модерну надо воевать только против Контрмодерна. И эта война хотя и страшная, но относительно легкая.

А вот если мы имеем формат «союз против или игровая конфигурация», то Модерн должен будет выступать против Пост- и Контрмодерна.

Это совсем другая война! Постмодерну нужен архаический партнер в войне с собственной современностью. И Постмодерн хочет приобрести такого партнера в исламизме. А формат «союз против или игровая конфигурация» обеспечивает прикрытие, видимость легитимности для этого страшного начинания.

Почему я использую термин «игровая конфигурация» наряду с термином «союз против»? Потому что «союз против» уже никогда не будет открытым до конца. Это будет как бы союз respectable человека с хулиганом. Хулиган будет нужен, чтобы обидеть другого, того, кто мешает respectable человеку. Но respectable человек не хочет обнажать свой союз с хулиганом. Соответственно, это не союз в чистом виде, а спецсоюз. Или на постмодернистском языке – «игровая конфигурация».

Ведь для чего ислам нужен в качестве хулигана? Для некоего поддержания двухфазной системы «террор – контртеррор». Если люди окончательно переходят на формат «игровая конфигурация», то параллельно с этим переходом они у себя на Западе переходят в «пост», они не могут оставаться в классике.

Слишком велика сила того начала, с которым они воюют.

Мы не в XIX веке. Сейчас ислам – это очень большая сила. И это (что еще хуже) почти единственная макроэнергия мира, почти единственная большая разогретая страсть.

Чтобы управлять этим, нужен не Модерн, а изощренный Постмодернизм. Этим напрямую не порулишь. Этому не предпишешь светское будущее. Тут нужно иначе строить диалог по поводу потенциальной структуры мира.

Как же именно? А вот как!

Что для халифата является наиболее ненавистным? Национальное государство. Почему халифатисты аплодировали лобовым атакам на Хусейна? Они говорили: «Буш ломает национальное государство». Значит, «пост-» и «контр-» вместе образуют конфигурацию. А цель конфигурации – соединить постмодернистское ядро с архаической халифатистской периферией. Это вам не новый мировой порядок! Это нечто похлеще! Новый мировой беспорядок, если так можно выразиться.

Ведь нельзя бесконечно менять форматы! Сегодня вместе в «союзе против», завтра враждуем, послезавтра опять в «союзе против кого-то еще», потом опять враждуем... И так без конца. Это не выйдет!

На каждом таком переломе будет выбрасываться все большая энергия. А бесконечно наращивать выбрасываемую энергию невозможно. Значит, когда-то процесс выйдет на своеобразный предел. И этот предел зафиксирует новую структуру мира (если в мире к этому моменту останется что-то, что можно будет фиксировать).

Как это будет выглядеть?

Победа Буша, подножка Евросоюзу – это все «толчки» модерна, суррогатного, не стратегического, но модерна.

Доктрина «хаос», союз с исламизмом (с Бушем или без него), евро-сплочение – это «толчки» Постмодерна. Пока Модерн угасает стратегически, Постмодерн просто обречен захватывать позиции, а значит – соединяться с архаикой.

У меня нет никаких иллюзий насчет того, что временное отступление Евросоюза с территории Франции не означает окончательного снятия с повестки дня вопроса о Европейской конституции. Возможно, что Буш уйдет из Ирака, а если Буш не уйдет – следующий президент уйдет. Уже все переходят на «хаос», на союз с исламизмом. А это все связано друг с другом, оно не может отдельно существовать.

Итак, имеем прошлое, настоящее, будущее, супербудущее, супер-супербудущее, и на каждом из переходов между ними – энергия. (Рис. 8)

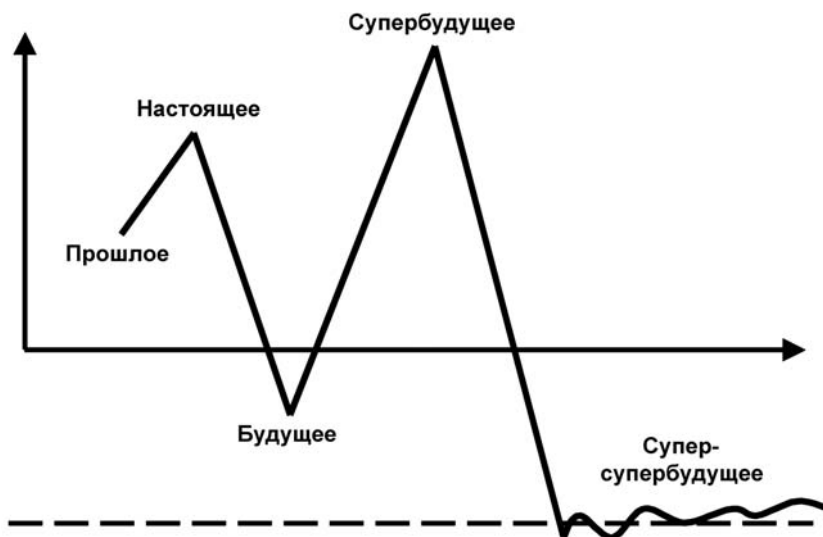

Рис.8

Где остановится маятник? Там, где в итоге зафиксирует себя западная цивилизация. А где она себя фиксирует? В ней накапливается усталость. Она не может и не хочет дальше нести «крест Модерна». Она

устала, Модерн устал... Все устали. «А потом кончил пить, потому что устал» (В.Высоцкий).

Любая усталость означает переход в Постмодерн. Как только Запад завалится в Постмодерн (а он обязательно завалится, если не будет стратегических перемен, ради которых все это анализируется!), он войдет в особый гомеостаз с контрмодернистским исламизмом. На основе такого гомеостаза сложится новое качество человечества. Какое качество?

Сегодня люди рыдают по поводу взрывов каких-то килограммов тротила... А в этом новом качестве все будет совсем иначе... Взорвут снарядик с ядерной начинкой, этак в пару килотонн... И вокруг этого взрыва начнется очередной маленький антиутопический хоровод... Новые моды на особые противогазы... Или на другие средства защиты от радиации... «У тебя новая курточка...» – «Да, это очень модная курточка, только что ее сшил...» – «Ой, какой красивый материал! Что, и от радиации защищает?»

Террористический бизнес во все это влезет: «Скажи мне первому, где ты будешь взрывать! Я куплю фьючерсы! Нужным образом сыграю на бирже! Взорви там, а не там, я тебе помогу – мне нужна другая конъюнктура»... Словом, образуется именно симбиоз. Он же – управляемый глоботеррористический хаос.

Такая система тоже метастабильна. Она будет падать на другие аттракторы. Но не это главное.

Главное – есть эта логика циклов. А также логика войны чужими руками. В данном случае с Китаем. Что это означает в совокупности? (Рис. 9)

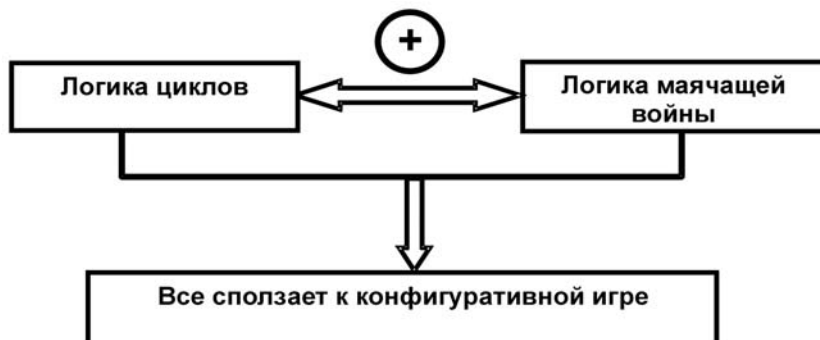

Рис.9

Это означает, что конфликт с исламом в прошлом. Наступает время новой конфигуративной игры в парадигме «ислам против». К этой игре все катится ускоренным темпом. Ведь с точки зрения логики циклов все равно бы все к этому раньше или позже скатилось. Но сейчас есть мощный катализатор такого скатывания.

В самом деле, что такое для США воевать с Китаем «своими руками»? Это же не просто разместить 82-ю дивизию по нашей границе и развернуть наши ядерные объекты в их сторону.

Что такое вообще большие войны «своими руками»? Какой по численности контингент американцы должны иметь в Ираке для того, чтобы всерьез держать ситуацию под контролем? Конечно, для этого вообще недостаточно только увеличивать контингент. Нужна идеология. Нужна другая система регионального управления. Нужно что-то типа реального плана Маршалла.

Но, допустим, все это будет. Все равно надо увеличивать контингент. Надо иметь в одном Ираке 400–500 тысяч. И в Иране еще 500–600 тысяч. А американцы без всеобщей мобилизации (которая последний раз имела место в эпоху Вьетнама) не соберут на призывные пункты даже лишние 50 тысяч.

США при том типе жизни и той экономике, которую они сейчас имеют, США при этих установках своего населения не могут держать под ружьем 3,5–4-миллионную армию! А без такой армии они не могут стать новым Римом. Это хорошо Бжезинскому написать в политологической книжке: «США – это новый Рим». Сказал «новый Рим» – создавай 4-миллионную армию. Скажи, что такое *Rex Romania*... *Rex Americana* – идеология в чем? Что ты несешь в мир на значках своих легионов? Модерн? Так ты еще расскажи, что это такое. И зарази этим вновь хотя бы свое население. А иначе как?

Пока же американцы уходят от нового мирового порядка к новому мировому беспорядку. Они ведь все равно хотят сохранить мировой контроль хоть в парадигме порядка, хоть в парадигме беспорядка. Они не могут этот контроль отдать без окончательного самоуничтожения.

Тогда им нужно наполнить мировой беспорядок каким-то содержанием. А это содержание – именно коктейль из исламизма и Постмодерна.

А где лучше всего готовят такой коктейль? В определенных элитах Лондона.

Что такое Лондон в глобальном смысле? Это концептуальный, политический (и главное – парapolитический) супертерминал для диалога с

исламскими и другими не западными элитами. Диалог имеет целью создание особой стратегии управления этими элитами. Киплинг называл такую стратегию «большой игрой».

Речь идет о глубоком вживании в чужие смысловые системы, о создании именно стратегических агентур, о войне, которая ведется именно чужими руками.

Лондон – это штаб Британской империи. Империи, которая в отличие от Рима знала, как управлять хаосом. Она никогда не могла иметь армию, позволяющую ей действовать с позиций тотального контроля над провинцией. Она держала в Индии и Африке большие контингенты. Но она держала их, во-первых, в особых ситуациях (восстание сипаев, англо-бурская война). И, во-вторых, даже в этих ситуациях она хотела нелинейно управлять процессом по принципу «делай, что говорю, а то хуже будет». Она хотела управлять конфликтами местных групп.

Британской империи нет. Но имперские амбиции сохранены элитами и сконцентрированы в Лондоне. Главный товар, который Лондон продает американцам, желая сохранить свое мировое влияние, – это ноу-хау по части Большой Игры. Американцы в этом «ни бум-бум». А Лондон – это совсем другое!

Значит, если все сползает к новой ситуации – «ислам против кого-то», то Лондон вновь оказывается на коне. (Рис. 10)

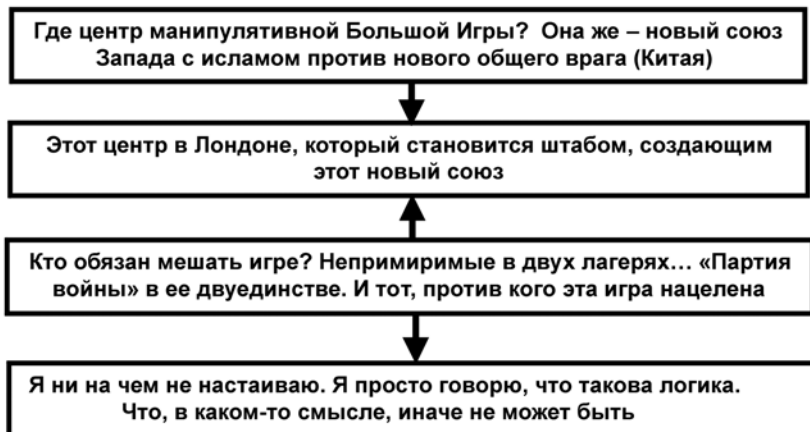

Рис. 10

Я не хочу абсолютизировать свои логические построения. Ситуация слишком острая для того, чтобы пускаться в подобные рефлексивные авантюры. Я просто наряду с другими гипотезами выдвигаю гипотезу интереса. А интерес здесь именно таков. И если он таков, то этот интерес давит в определенную сторону на определенные силы. И тут – кто первый заведется. Заведется – самый заводной. А это, конечно, самый радикальный ислам, понимающий, что в случае смены формата его начнут сдавать и уничтожать.

Кто-то хочет «снюхиваться» с исламом. И может «снюхиваться». Например, саудовский принц Турки аль-Фейсал сразу же после взрывов в Лондоне переехал послом в США. А есть другие саудовские семьи, которые не хотят снюхиваться! Им это нож в горло. И Бен Ладену это нож в горло. И Завахири, и Заркави. И Рамсфелду, и Китаю. Круг тех, кто не хочет союза Запада с исламизмом, широк. И ставить точку внутри круга я не хочу.

Однако круг – это не бесконечность. Нельзя тыкать пальцем, если опираешься лишь на логику! Но принцип ясен: удар по Лондону – это удар по переходу в формат «ислам против Китая». И в этом смысле этот удар важнее, чем удар по США в 2001 году.

Удар по Нью-Йорку переводил все с формата «снюхивания» на формат войны. А удар по Лондону мешает перевести все это с формата войны на формат «снюхивания». Лондон становится скомпрометированным городом, а ему нужна безупречная исламская репутация. Удастся ее восстановить? Но как ее восстанавливать? Еще два раза стукнуть – не восстановишь!..

Совершенно ясно, что без борьбы перейти на формат «управляемый хаос» или на формат «вместе с исламом против...» не удастся.

Во-первых, без борьбы противники ничего не позволят сделать.

Во-вторых, внутри самой этой системы силы разложились так, что они без боя просто так на формат «новое сотрудничество» не пойдут! Они не для того четыре года назад меняли все финансовые потоки и структуру мира, чтоб через четыре года ее снова поменять на обратную.

Делиться всем надо – от наркотиков до триллионов долларов. Это кто так просто отдаст формат? Все, что здесь происходит, – это бои за формат. Че делаем завтра? «Мочим» ислам или снова лижем? Толкаем его на других или конфликтуем с ним сами? Вот в чем большая проблема! Вокруг нее все выстраивается. Все, включая такие «мелочи», как обсуждаемые теракты.

Еще раз поясняю: кто-то хочет изменить конфликт, а кто-то хочет, чтобы он не был изменен. И все будут играть руками исламистов. Это теперь такая новая мода. Все хотят иметь своих бен ладенов для этой игры. А бен ладены, становясь нужными всем, превращаются из пешек в крупные игровые фигуры.

Никто еще в прямой режим войны в 2005 году входить не хочет. Война впрямую начинается в 2015-м. До нее 10 лет. Она может начаться быстрее. Но для всех это будет катастрофой. Все не готовы. Все хотят отсрочить это удовольствие и поиграть в ужасных неуволимых террористов, взрывающих то центры «снохивания», то центры войны.

Где стратегический, философский фокус этой проблемы?

Он в том, что если Модерн все равно рушится, то Западу из-под его обломков не выбраться. Нужна новая идея, новый способ ответа на самые ключевые вопросы.

А что такое для человека вопрос вопросов? Это вопрос о том, почему он представляет собой нечто большее, чем микроб, наделенный сознанием?

Микроб, наделенный сознанием, – это штука неустойчивая. Ленин говорил: «Либо вши уничтожат социализм, либо социализм уничтожит вшей». Так и с микробом. Либо микробность уничтожит сознание, либо сознание найдет способ преодолеть микробность.

Вот это и называется «гуманизм»! Именно это! Дело вовсе не в Просвещении, не в Ренессансе. Дело в способах преодоления микробности.

Способ №1 предлагала религиозная эпоха. Человек не микроб, потому что он связан с Богом. Высший тип ответа дало иудео-христианство. Ибо иудеи подняли Бога на максимальную высоту. А христиане именно с этой высоты спустили Бога до богочеловека. Именно с этой высоты, а не с какого-нибудь Олимпа.

Способ №2 предложил Модерн. Он сказал, что человек может жить без Бога. Но не сказал, как. Сначала это было сделано с ориентацией на титанизм. «Вот какой великий человек! Вот как он бросает вызов!»

Хорошо: великий, не великий – умрет.

Тогда сказали: «Дело не в том, что великий. А дерзкий. Летает, как бабочка над свечой. Все знает и...».

Хорошо: знает, не знает, летает, не летает – умрет.

Пока искали ответ, как сохранить немикробность без Бога, культура жила. А когда стало понятно, что ответа нет, культура стала умирать. Пока длилась ее агония, все было красиво. А потом эта культура просто

умерла. Это хорошо греться у остывающего огня. А когда огонь совсем остыл, дело плохо. А остыл он к началу Первой мировой войны. Шпенглер это и назвал «закатом Европы».

Уже тогда началась бы чудовищная агония, но тут пришли коммунисты. Что именно они говорили конкретно, я разберу как-нибудь в другой раз. Но, в двух словах, они сказали, что сам человек – это строящийся Бог. Он преодолеет смерть, он воскресит всех умерших. В России это называлось, например, «воскрешение отцов по Федорову». Циолковский был учеником Федорова и проектировал свои ракеты для расселения всех воскрешенных по космосу.

Это была реальная попытка ответа! Какова ее судьба – опять-таки, отдельный вопрос. Но когда это все (я считаю, что совершенно преступно) прикончили, то образовался абсолютный вакуум. Модерн Запада сначала убил Премодерн, а затем и сам умер. Вдобавок убили живую коммунистическую ветвь на дереве Модерна.

И с чем остался Запад? Все эти Лондоны, Парижи, Нью-Йорки, Римы? С чем они остались? С обществами зоофилов и садомазохистов? С чем? С борцами за права бактерий и амёб? Чем они отвечают на главный вопрос? В чем смысл?

Если смысла не будет, то все бесполезно. Чем меньше смысла, тем больше террора. И из этой аксиомы не вывернешься. Значит, нужен большой смысл. А Запад боится его искать.

Потому что начнет искать – и может оказаться, что нет его вне очень определенных вещей, насмерть затабуированных «холодной войной» и преступно убитых.

В конце расскажу короткий анекдот.

Человек потерял деньги. Ходит и судорожно ощупывает три кармана. Ему говорят: «Ваня, почему ты все по трем карманам хлопаешь? Есть же четвертый! Почему ты туда не заглянешь? Ваня отвечает: «Боюсь!» Спрашивают: «А чего ты боишься?» Ваня отвечает: «А вдруг и там нет!»

Мое резюме состоит в том, что бояться не надо. Вот и все.

Владимир Дегоев

**«НАРОД СОБРАЛСЯ
В ДОРОГУ...»**

**(К 20-ЛЕТИЮ ОЧЕРЕДНОЙ
РЕФОРМАЦИИ В РОССИИ)**

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

The author argues that the destruction of the USSR was not an unavoidable outcome. In 1980's the Soviet political, social and economic system confronted general crisis very similar to the one that shook the West in early and late 1970's. In both cases the crucial developments of the time reflected a certain stage in the evolution of either system. It was not a lethal diagnosis meted out by destiny. Rather it was a big challenge to be answered by politicians and society. The Soviet Union could have survived had «all the king's men» been guided by the sense of reality and responsibility with some admixture of good fortune.

Этой фразой, ставшей афоризмом, С.М.Соловьев определил социально-политическое и духовное состояние России в конце XVII в. Историк полагал, что страна, осознававшая необходимость перемен, жила в предчувствии их и в ожидании вождя-реформатора, который не замедлил явиться в образе Петра I. С.М.Соловьев был не первым и не последним русским мыслителем, обращавшимся к теме специфики исторических переломов в России, но, пожалуй, никто до него не ставил эту проблему столь глубоко и остро.

С тех пор идет нескончаемый спор о том, существует ли такой феномен, как «реформы по-русски», и в чем их уникальность? В центре дискуссии целый ряд «проклятых» вопросов:

- насколько естественно и органично связаны реформы со «всеобщим ходом предшествующего развития»?
- где, кем и как формируется критическая масса факторов, побуждающая власть к решительному преобразовательному действию?
- почему именно на верхних, самых благополучных социальных этапах концентрируются наиболее пассионарные силы, не желающие жить по-старому, а народ предпочитает либо пассивную роль ведомого, либо бунт?
- чем объяснить неизбежно возникающий разрыв между реформаторскими замыслами и результатами, которые оплачиваются непомерными жертвами?
- когда преобразования «сверху» заканчиваются революцией «снизу»?

Найти математически точные ответы на эти вопросы невозможно (хотя такие попытки тоже предпринимаются). Другое дело – приблизиться к конструктивному пониманию сущности такого явления, как «реформа в России». Быть может, самое верное средство для этого подсказывает тот же С.М.Соловьев, придававший особое значение личностному началу в преобразовательном процессе.

При всем внимании ученого к объективным социальным закономерностям, он считал, что «народ, собравшийся в дорогу», – это отнюдь не гарантия движения вперед. «Кого-то ждали. Ждали вождя». Скажем мягче, – лидера, чтобы быть современным и избежать неприятных ассоциаций. Но и это, по Соловьеву, еще не все. Успех преобразованиям обеспечивает только великий человек, умеющий глубоко проникнуть в народное сознание, обуздать массовую энергию в одних случаях и подчиниться ей в других, ясно представить цели и искусно распорядиться средствами. В руках же заурядных людей дело реформ оборачивается катастрофой.

«Человек властвующий» – одна из самых таинственных тем в мировой истории и, вероятно, самая загадочная в истории российской. Каким образом он приводит в могучее движение столь разнородную социальную стихию и каким силам повинует сам? Почему судьба трепетно опекает одного и безжалостно перемалывает другого? Где заканчивается рационально объяснимое и начинается игра случая – дьявольского или счастливого? Кому не везло чаще – России на правителей или правителям на Россию?

Марксисты говорят: когда в обществе возникает нужда в великой личности, то жизнь предьявляет ее незамедлительно и заставляет делать то, что предписывают «объективные законы бытия». Эта красивая формула действительно находит подтверждения в истории. Вопрос, однако, в том – всегда ли?

Есть много поводов задуматься над этим. 20-летие советской Перестройки – один из них.

* * *

В новейшей историографии почти непререкаемым стал тезис о неизбежности радикальных реформ 1980-х гг., ибо для них созрели (и даже перезрели) все внутривнутриполитические и внешнеполитические условия. Модный перестроечный штамп «иного не дано», первоначально подразумевающая лишь констатацию неотвратимости перемен, вскоре наполнился воинственно-революционным пафосом, охватившим даже тех, кто призывал «семь раз отмерить».

В советской интеллектуальной и политической среде в результате сложнейшего стечения объективных и субъективных обстоятельств возобладало убеждение о принципиальной невозможности реформирования Системы: только слом и замена новой! Эта идеологическая победа во многом была достигнута благодаря высокой и в сущности глубоко деструктивной энергии, источником которой явились интересы различных корпоративных групп с мощным социально-агрессивным потенциалом. Не вдаваясь в данную проблему, изученную достаточно хорошо, следует все же почтить хотя бы упоминанием наивно-праведный порыв советской интеллигенции, породивший идеалистов и романтиков с благими помыслами – будущих жертв Постперестройки. И сами они, и их высокие думы о народе не долго пользовались спросом.

В 1985 г., пожалуй, единственным общим знаменателем, который можно было подвести под смятением умов, помноженным на сумятицу настроений, являлось стремление «жить лучше». Для каждого советского гражданина не составляло труда объяснить, какой смысл он вкладывал

вает в эту фразу. Трудности начинались там, где речь заходила о способах достижения цели. Абсолютное большинство вообще не задумывалось над этим, по привычке делегируя верховным властям право и обязанность принимать судьбоносные решения. (Почти как у славянофилов: «народу – авторитет мнения, правителям – свободу презирать его».)

За вычетом мизерной части огромного многонационального общества никому бы и в голову не пришло искать лучшую долю вне социалистического строя и вне Советского Союза. Гражданского творчества, как всегда, достало лишь на то, чтобы подать «на верх» сигнал о скверном положении «низов» и предоставить руководству страны карт-бланш на сытое устройство народной жизни. К властям предержавшим уж который раз в нашей истории возносилась мольба: «Придумайте же что-нибудь, наконец! На то вы и власти!».

И они придумали. Не без помощи своей интеллектуальной obsługi и не без давления нарождающихся корпоративных группировок, уважительно именовавших себя «элитами». Образовалась колоссальная и поэтому опасная разность потенциалов между чаяниями подавляющего большинства и планами статистически почти невидимого меньшинства. Драма была в том, что, пока одни обсуждали, чего они хотят, другие уже давно сообразили, как нужно действовать. Вопрос «в чьих интересах» оставляем за скобками, как совершенно риторический.

Сначала народу сообщили, что прожитая им 70-летняя история есть неудавшийся эксперимент по насильственному воплощению утопии в реальность и что «так дальше жить нельзя». Затем людей стали исподволь приучать к мысли о грядущем капиталистическом рае, места в котором, правда, хватит не для всех, а лишь для тех, кто, пройдя через жернова естественного отбора, окажется наиболее жизнестойким, талантливим, изобретательным, то есть наиболее полезным и достойным членом общества. Именно принцип неравенства, заложенный в самой природе вещей, почти открыто декларировался в качестве высшего закона бытия и высшей справедливости. О гуманизме, нравственности, совести – «пережитках» коммунально-общинного социума – мало кто вспоминал.

А закончилось все, к полному изумлению публики, развалом Советского Союза как геополитической, государственной, социально-экономической и культурной системы. Это событие открыло гигантские шлюзы, через которые со всех сторон стремительно хлынула преимущественно мутная вода, затопившая бескрайние, теперь уже постсоветские просторы. Негласный, поднятый самой жизнью лозунг «спасайся,

кто может» не застал врасплох лишь тех смекалистых ребят, которые загодя позаботились о комфортных «плотиках», быстро превратившихся в роскошные «яхты».

Роль международного фактора не стоит ни абсолютизировать, ни преуменьшать. Изоляция СССР от внешнего мира всегда была весьма относительной. Взгляд на Запад давал поводы и для гордости, и для зависти, и для тягостных раздумий. Здравый смысл требовал отказа от антизападного нигилизма. Мы громко их ругали и тихо заимствовали. И чем громче ругали, тем охотнее подражали. Сравнения побуждали к соответствующим выводам, расколовшим советскую политическую и интеллектуальную элиту на, условно говоря, обновленцев и радикалов.

Первые считали, что социализм с человеческим лицом равен капитализму, из которого вычли его бесчеловечные крайности. Они не видели принципиальных препятствий для счастливого союза между цивилизационными достижениями обеих Систем. Вопрос о том, кому нужно пройти большую часть пути навстречу друг другу, представлялся компромиссно решаемым. По сути, это был старый рецепт, предлагавшийся западными конвергенционистами еще в 1960-е гг.

Радикалы же настаивали на полном уничтожении и социалистического «базиса», и советско-коммунистической «надстройки», ссылаясь на имманентную обреченность этих институтов. За ними стояли определенные внутренние и внешние силы. Уже почуяв вкус победы и вкус добычи, они отвергали всякие компромиссы. С точки зрения «шоковых терапевтов», борьба двух версий «конца истории» – коммунистической и либеральной – была изначально предreshена в пользу последней.

Проигрыш «социалистов-реформистов» и торжество «капиталистов-революционеров» на фоне всенародного чувства унижения, обиды и бессилия стали благодатной почвой для возникновения теории «заговора против СССР (и России)». Это была естественная реакция побежденной массы, ошарашенной столь «нелепой» и столь «неожиданной» развязкой. Неудачник, не желающий признавать собственную вину, всегда пытается, как выразился бы Макс Вебер, «рационализировать» ее через поиск привходящих причин своего поражения. Очевидность этого наблюдения вовсе не упраздняет того факта, что весьма слаженный и интеллектуально оснащенный тандем международных и внутренних игроков вел умную, ловкую и циничную работу по целенаправленному разрушению «Карфагена».

Сегодня, оглядываясь назад, проще доказывать закономерность, чем случайность падения этого колосса. Полухаотическое нагромождение

событий второй половины 1980-х гг., несмотря на теоретические шансы на любое продолжение, «легко» выстраивается в один логический, безальтернативный ряд. Вопрос вопросов в том, имела ли такая «необратимая» эволюция место в реальности или в нашем лукавом сознании, всегда склонном к упорядочиванию и рационализации уже случившегося. Выживи Советский Союз в какой-либо форме, мы бы нынче с той же безупречной «крепостью заднего ума» разъяснили, почему «киного не было дано».

Над этой во многом метафизической темой давно ломают себе голову историки и философы без всякой перспективы найти истину. Один из них – Эрик Хобсбаум – предложил осторожную гипотезу (иного статуса и быть не может у несостоявшегося сценария) о вероятном варианте развития глобального состязания между Востоком и Западом в 60–80-е годы XX в. Из подтекста рассуждений ученого вырисовывается приблизительно такая картина. Борьба двух Систем, принявшая вселенско-мессианский размах, признавала компромиссы лишь во внешних правилах ее ведения, оставаясь в сущности и в конечном итоге игрой с нулевой суммой. На этом строилась вся внутренняя логика холодной войны, питаемая, среди прочего, страхом, недоверием, фобиями, трагическим опытом прошлого.

Дело усугублялось тем, что великое противостояние развивалось с переменным успехом, возбуждавшим у соответствующей стороны надежду на «чистую» победу, а у другой – реваншистскую реакцию, выражавшуюся порой в нервных и асимметричных контрвыпадах. Ход поединка обуславливался сложнейшей по своему структурному содержанию мировой конъюнктурой с ее многочисленными преломлениями – региональными и локальными, экономическими и военно-технологическими, политическими и дипломатическими, идеологическими и культурными, объективными и субъективными.

По мнению Хобсбаума, к началу 1980-х гг. оба «бегуна» на длинную историческую дистанцию стали выдыхаться, о чем свидетельствовали кризисные процессы по одну и по другую сторону «железного занавеса». В этих условиях Запад решил из последних сил сыграть ва-банк. И выиграл. Не потому, что был «объективно» обречен на победу, а потому, что у кремлевской геронтократии не нашлось трезвого, интеллектуально емкого, системного ответа на этот блеф. В продолжение мысли Хобсбаума можно добавить: на партийно-советском «престоле» не оказалось личности, способной – в том числе и по своим физиологическим данным – к упреждающему анализу и принятию нестандартных решений.

Однако остается один сакраментальный вопрос, с течением времени обретающий все большую актуальность: что именно выиграл Запад в глобальном масштабе и в долгосрочной перспективе? Ответ на него на сегодняшний день выглядит крайне неоднозначно. Впрочем, равно как и выводы о том, что именно проиграли мы.

* * *

Возвращаясь к предперестроечному периоду, позволим себе вслед за Хобсбаумом некое гипотетическое построение. Допустим, у Советского Союза, как у геополитический и цивилизационной реальности, сохранились резервы для выживания. Кто и как мог бы их реализовать? Только государство и только «сверху», ибо в России революционная инициатива «снизу» всегда нацелена на разрушение, а не на преобразование.

Разумеется, ситуация к середине 1980-х гг. сложилась непростая, особенно в экономике. По целому ряду достаточно известных причин температура недовольства в массах постепенно росла. Это был мало-приятный внешний симптом внутреннего недомогания, но ни о каких революционных настроениях или предреволюционной конъюнктуре говорить не приходилось. Народ жил, как он жил уже давно – буднично и размеренно, без войны, голода, потрясений. С целым набором социальных гарантий, которых никто не замечал, как не замечают нечто само собой разумеющееся. С верой в завтрашний день и с надеждой на патерналистское Государство. Без рефлексий по поводу того, что есть мерило «народного счастья».

В переживаемых трудностях не было ничего нового и непривычного. И не такое выдвигали. Огромный запас терпения не вызывал сомнений, как бы ни был велик сегодняшний соблазн усмотреть в тогдашних явлениях признаки революционного бурления. Интеллигенция шепталась на кухнях и почитывала запрещенную литературу, люди искусства талантливо дерзили с помощью многозначительных намеков, молодежь бунтовала гитарами и прическами, как всегда ворчали друг на друга «отцы и дети», горстки правозащитников под объективами иностранных журналистов совершали акции протеста и т. д. Власть не давала этим явлениям выйти из их традиционных ниш, позволяя и даже поощряя дозированное инакомыслие, закрывая глаза на безобидные, с ее точки зрения, шалости интеллектуально-творческой элиты общества, но пресекая на корню всякое посягательство на основы.

Все это в том или ином виде существовало всегда и представляло собой как бы условную норму жизни, а отнюдь не предсмертный син-

дром. Также не было безнадежно фатальным кризисное состояние советской экономики и коммунистической идеологии, отрицать которое бессмысленно. Тут мы подходим, пожалуй, к самому главному. В принципе кризис – это органичная составная часть процесса развития и обновления. И еще это вызов человеческому разуму и воле. Неспособность адекватно ответить на него превращает кризис в катастрофу и революцию (как ее разновидность), хотя и они по большому счету являются звеньями исторической эволюции.

В гонке на выживание Западу повезло скорее на субъективные, чем на объективные обстоятельства. Там, в условиях колоссальных системных напряжений и, казалось бы, роковых внешнеполитических провалов, едва не приведших к социальному взрыву, нашлись люди, тонко и глубоко понимавшие природу кризиса и, еще важнее, знавшие, как использовать его конструктивную составляющую и нейтрализовать деструктивную (наглядные примеры – выученные уроки вьетнамской войны, расовых волнений, студенческих революций и нефтяных шоков 1970-х годов).

В результате Запад относительно благополучно вышел из периода смуты, продемонстрировав способность к самообновлению без апокалипсиса. «Их» беды сыграли с нами злую шутку. Принимая желаемое за действительное, Кремль сделал абсолютно порочные выводы из своего анализа глобальных процессов. В краткосрочной перспективе выиграв от мировой экономической конъюнктуры 1970-х годов, коммунистическое руководство уверовало, что Советскому Союзу с его богатейшими ресурсами и стабильной социальной системой остается лишь извлекать из чужих несчастий материальные и моральные дивиденды, инвестируя их не в реорганизацию экономики, а во внешнеполитический экспансионизм с опорой на экстенсивное развитие военно-промышленного комплекса. И ждать скорого окончания «третьего (последнего) этапа общего кризиса капитализма».

Во многом именно поэтому к середине 1980-х гг. наступил черед кризиса социализма, печальным и тревожным символом которого стал почти коллективный уход в мир иной видных руководителей страны, в том числе трех генеральных секретарей ЦК КПСС.

* * *

Явление М.С.Горбачева народу в 1985 г. казалось добрым предзнаменованием. Уставшее от неопределенности общество вздохнуло с облегчением и надеждой: «наконец-то!». Молодой и энергичный генсек в пря-

мом смысле слова вышел к людям и заговорил с ними по-человечески, глядя в глаза, а не в текст доклада. Впервые в советской истории мы услышали от кремлевского лидера исповедальные речи, честное признание ошибок и обещание неустанно трудиться над их искоренением. Его убежденность и вера в успех заразили почти всех. Его изумительный артистизм в имитации решительности и обаяние производил сильное впечатление совсем не потому, что не было заметно лицедейства, а потому, что за этим стояла, возможно, искренняя тяга Горбачева к добру.

В предвкушении близкого счастья мало кто интересовался конкретной программой действий. До поры до времени ее вполне успешно замещали общие положения «нового политического мышления». На фоне тотальной эйфории скептическое «поживем–увидим» было характерно лишь для узкого круга интеллектуалов. Даже чернуюбыльскую трагедию поначалу не хотелось воспринимать как знак беды.

Однако к концу 1980-х гг. мало-помалу общество приходит в состояние нетерпеливого возбуждения. Время идет, а реальных дел как не было, так и нет. Есть лишь прогрессирующий упадок экономики, расстройство государственно-управленческих связей, ожесточающаяся борьба реформаторских проектов и стоящих за ними личных и групповых устремлений. В результате народная масса быстро превращается из внимательного, но пассивного наблюдателя в активную силу. В схватку за властительство над думами вступают радикалы, консерваторы и умеренные, представлявшие весь спектр идей, интересов и настроений, свойственных правящему классу и интеллигенции.

Высокие общественные идеалы стремительно выходили из моды. Их выразители вынуждены были либо покинуть сцену, либо заматереть в прагматизме и в сделках с совестью. По стране уже бродил призрак гигантского дележа власти, собственности и «...умов нетвердых». Взбаламученные «низы», терявшие веру и не знавшие, куда и за кем идти, становились благодатным объектом манипулирования. Социальная дестабилизация потянула за собой межнациональные конфликты – еще один взрывоопасный процесс, угрожавший самим основам Советского Союза.

К концу 1980-х гг. кризис стал перерастать из конъюнктурного и управляемого в структурно-обвальный. Разнородные политические силы и рекрутированные ими интеллектуальные кадры вместо того, чтобы сплотиться перед лицом надвигающейся катастрофы и выдвинуть Проект общенационального спасения, принялись еще жестче и циничнее эксплуатировать стихийную энергию народа, его растерянность,

наивность, иллюзии и фобии. Началась безумная фаза мобилизации на «последний решительный бой» всех слоев общества, которых соблазняли заведомо несбыточными обещаниями.

Как ни банально, та или иная развязка критических ситуаций в истории во многом, если не во всем, зависит от личности правителя. От ее исторических масштабов, которые, к сожалению или к счастью, определяются не уровнем нравственности, гуманизма или глубиной гамлетовских сомнений, а жесточайшим прагматизмом, востребованным тем острее, чем экстремальнее положение.

Вновь приходит на память С.М.Соловьев: когда «колесница реформ», – писал он, – несется под гору, поводья должны находиться в твердых руках возницы, иначе крушение.

У деятелей советской Перестройки не нашлось ни твердых рук, ни провидческих умов, ни чувства великой исторической ответственности. Но зато в избытке нашлось все остальное – хищнические инстинкты и обслуживавшая их стяжательская идеология, изощренная воровская смекалка и моральная разнузданность, фанатичная одержимость «властью-целью» и азартная готовность щедро проливать за нее чужую кровь.

К концу 1980-х гг. Горбачев уже был не в силах закрыть «ящик Пандоры». Он, похоже, метался в поисках тех, кто мог бы сделать это вместе с ним или за него. Трагикомедия августа 1991 г. показала, что таких людей то ли вообще не существовало, то ли их не там искали.

У Горбачева оставался последний довод властителя, довод, особенно страшный для России, – кровопускание, на которое он не пошел. Можно досадовать на Горбачева за то, что на заре Перестройки ему не удалось стать великим правителем. Но 6 лет спустя очень многие были ему благодарны за то, что не захотел величия столь жестокой для людей ценой.

Правые радикалы не терзались сомнениями. В этом был их главный козырь. Заключение естественный союз с молодой советской буржуазией, они исполнились решимости идти напролом, ни перед чем не останавливаясь. Их жизненная философия – «мне, много и быстро» – требовала соответствующего лидера, и он не преминул выйти на авансцену.

Б.Н.Ельцин, в отличие от М.С.Горбачев, был куда более страстным и последовательным идолопоклонником Власти. И куда менее щепетильным. Он представлял собой идеальную личность для реализации тех исторических задач, которые поставили перед собой наши либералы и их западные покровители. Ельцин сделался новым кумиром общества, дав четкие ответы на вопросы «кто виноват» и «что делать». Он стал

символом другого Проекта, и, пока народ разбирался, в чем его суть, механизм развала горбачевского социалистического Союза ради ельцинской капиталистической России уже сработал.

Сияющая вершина Власти стоила, в глазах Ельцина, любых жертв, даже такой, как СССР. В принципе, уступи Горбачев президентство своему оппоненту, страна была бы сохранена. Но ожидать от питомцев партийно-советской номенклатуры такого самозабвенного альтруизма значит не понимать эпохи и среды, их воспитавших.

* * *

Образ «собравшегося в дорогу народа» применительно к предперестро-ечному времени не вполне достоверен. Как и во многих других исторических случаях, народ в общем-то никуда не «собирался», тем более туда, куда его впоследствии привели, – в ту жизнь, которая ему навязана сегодня, со всеми ее потерями и обретениями.

Народ, скорее всего, настроенно выжидал. А вот кто, похоже, действительно «собрался», так это «пастыри» народные, политические и духовные, по предназначению или по неумному характеру своему всегда склонные искать, по большей части «от добра», и всегда готовые советовать, куда идти и зачем. Их судьбы сложились по-разному, но в целом совсем неплохо. Порой сказочно неплохо. Реформа для всех незаметно получилась реформой для избранных. С точки зрения «справедливости» закона джунглей, все мы заслужили то, что имеем сегодня: триумфаторы и побежденные, обманувшие и обманутые, умиротворенные и негодующие. И то, что, не приведи Господь, можем иметь завтра.

Двадцать лет – не Бог вещь какой срок для истории и для подведения окончательного итога событиям «большой исторической длительности» (как говаривал Фернан Бродель). Сейчас хорошо известно, чего мы лишились, но мы еще плохо знаем, что приобрели. Во всяком случае, есть чем утешиться при желании: могло бы быть многократно хуже. Как ни справедливо клянет нынешнюю действительность большинство россиян, по крайней мере, один альтернативный вариант, которого удалось избежать, был еще страшнее. Только будущее в состоянии объяснить – начало чему именно положил 1985 год.

Пока же можно констатировать самое броское отличие советских реформ 1985–1991 годов и их постсоветского эпилога от всех предыдущих преобразований в истории нашей страны. Оно – в беспрецедентно негативных для России геополитических результатах в евразийском и мировом контексте.

Для Петра I реформы в конечном счете явились средством строительства империи. Он заимствовал европейские новшества для приспособления их к сугубо российскому Проекту – державному по своему общему смыслу, методам осуществления и соответствующим издержкам. В нем отразилась извечная для Киевской, Удельной и Московской Руси идея выживания, принуждавшая к поиску надежных (естественных) защитных барьеров в условиях враждебного окружения, равнинного ландшафта и отсутствия выхода к морям. Петр I радикально переосмыслил данный императив, перейдя от обороны к экспансии и переоснастив инструментарий этой самой «оборонительной экспансии» по последнему слову западной военной, политической и дипломатической технологии. Преклонение царя перед достижениями европейской цивилизации не мешало ему использовать их в высшей степени утилитарно. (За что ему досталось от русских либералов, в частности от П.Н.Миллюкова.)

Беспощадно перекраивая импортированные идеи под российскую действительность, Петр I поставил их на службу базовым, жизненно важным основам империи – политической (самодержавие, опирающееся теперь уже на вестернизированную бюрократию и дворянство), военной (огромная и, благодаря своему сословному характеру, непропорционально дешевая армия) и социально-экономической (крепостничество, представлявшее почти неисчерпаемый ресурс для эффективного решения внутренних и внешних задач*).

Реформы Александра II стали как бы второй волной модернизации Российской империи, вызванной необходимостью преодолеть «крымский синдром» 1853–1856 гг., восстановить статус и престиж страны на международной арене, обеспечить безопасность и конкурентоспособность России в обостряющейся борьбе за раздел и передел мира.

В противоположность петровским и александровским реформам, проводимым «сверху», преобразования 1917–1936 гг. проистекали из гигантского социального бунта «низов» в условиях полного хаоса. Это был небывалый, воистину экзистенциальный вызов самому существованию России. Так уж случилось, что ответить на него не смог никто, кроме большевиков. Их версия модернизации России при всем своем эклектизме и революционности была исторически глубоко преемственной если не по форме, то по сути. Это тот же большой российский цивилизационный Проект самосохранения перед лицом жестоких реалий

* К такому выводу пришел известный американский историк Уильям Фуллер (младший).

международной и внутренней среды. Проект с совершенно очевидной имперско-геополитической и мессианской составляющей. Территориальные уступки, которые Ленину по разным причинам пришлось сделать в 1918–1921 гг., были лишь временной тактической жертвой во имя спасения главного. Веще подтверждение тому – осуществленная Сталиным почти полная реставрация державного пространства.

В свое время набившая оскомину, а теперь забытая фраза о «всемирно-историческом значении Великой Октябрьской революции» несла в себе совершенно реальное содержание. 1917-й год положил начало длительному периоду глобального переустройства переустроенного мира в направлении его упрощения до такого уровня, который позволял достичь хотя бы элементарной управляемости и защититься от угрозы хаотизации. Возможно, это была не столько осознанная цель, сколько побочный, но неизбежный продукт острого противоборства между коммунизмом (с его вариациями) и (опять-таки разным) капитализмом. Оно до неузнаваемости изменило всю картину мировой политики и весь характер прежних идеологических войн именно потому, что впервые дихотомный принцип был распространен практически на все человечество. Возникла двухполюсная, сверхдержавная модель, в рамках которой обе стороны развернули невиданное по масштабам состязание за всемирное торжество собственного видения «смысла и назначения истории».

Мало кто мог и хотел остаться вне этой схватки, ибо в призовой фонд входило все, что есть на Земле материального и духовного. Столь острое соперничество, породившее неисчислимые (в том числе военные) коллизии по всей линии соприкосновения сфер влияния Востока и Запада и однажды едва не закончившееся ядерной катастрофой, казалось, должно было привести к такому же печальному итогу, как в 1914 и в 1939 гг. Парадокс в том, что итог оказался иным – заметное повышение регулируемости мировых процессов, укрепление механизмов ослабления международной напряженности, одновременное ужесточение и облагораживание правил глобальных игр, а как общее следствие, осуществление, пусть даже в суррогатном виде, мечты европейских и русских просветителей о «долгом мире».

В 1991 году всему этому пришел конец. Не в том смысле, что завтра началась Третья мировая война в прежнем понимании этого слова (хотя многие именно так и считают). А в том смысле, что для человечества, как в 1917 г. и в 1945 г., наступила новая эпоха, в которой ничего

нельзя ни загадывать, ни исключать и которая уже переполнена явлениями, приводящими в содрогание.

А все, быть может, потому, что Россия устала от универсалистских идей, пожелав найти отдохновение, с позволения сказать, в политическом и духовном постмодернизме. Ну что ж, мы его получили сполна. А в придачу еще и постмодернизм геополитический – в форме раздробившегося Советского Союза, дробящейся России и прочих плюралистических прелестей. Тут нет особой несправедливости: за свободу и удовольствие испытать неведомые ощущения нужно платить! За их бесконечное разнообразие – тем более, поскольку право на неограниченный выбор наказуемо неограниченной ответственностью за его последствия.

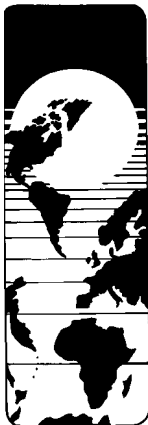
* * *

«Какое времечко – таков мессия», – сказал поэт. Не о наших ли это лидерах Перестройки и Постперестройки? Были ли они под стать задачам эпохи? Если да, то что это за эпоха? А если нет, то стоит ли строго винить их?

Приняв марксистскую идею о существовании закона соответствия между личностью правителя и востребовавшим ее историческим моментом, придется, по этой логике, признать: Россия свою сегодняшнюю участь заслужила. Ушел общественный спрос на великих персонажей...

Что это может означать для России в будущем – благословение или трагедию, – покуда не ясно. Доживем – увидим ...

Алексей Шевцов

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

**ВЫЗОВЫ
И ВОЗМОЖНОСТИ
СТРОИТЕЛЬСТВА
СОЮЗНОГО
ГОСУДАРСТВА РОССИИ
И БЕЛАРУСИ**

The strengthening of cooperation with Belorussia is one of the most important and at the same time difficult foreign policy directions of the Russian Federation. No domestic or international affairs, however acute or dramatic, could remove from the foreground or overshadow the issue of forming the Union State. The presented article studies the possible ways of proceeding with the integration processes, shapes and the legal framework of the unification. The Belorussian vector of the Russian policy is dependent on the necessity of a parallel solution of two delicate issues - the drawing up of mutually acceptable economic formula of bilateral ties of an integrational type and the assistance recipe for speeding-up cautious, but urgent reforms, the lack of which increases the risks in a closer cooperation with Minsk. One could be skeptical about the idea of a Russian-Belorussian Union State (and many experts indeed are), but it seems that the problem of the delegation of national administrative authorities to the supranational structures would potentially affect all states involved and it's study is of current importance.

Белорусско-российская интеграция – тема достаточно популярная в обоих интегрирующихся государствах, хотя в Беларуси ее значение в политической жизни, несомненно, более весомо в силу той роли, которую играет восточный сосед в экономической жизни республики. Белорусы начали интегрироваться с россиянами в области экономики практически тотчас после распада СССР.

С момента обретения независимости главный вектор белорусской внешней политики ориентирован на сотрудничество с Россией до такой степени, что европейское направление, столь ярко выраженное в украинской политике, в Беларуси воспринимается почти маргинально. Это обуславливается многими факторами. Белорусы, в отличие от украинцев, имеют более сильное ощущение культурной, языковой и религиозной близости с Россией, а также общей истории. Первые годы независимого существования принесли Республике Беларусь снижение уровня жизни, растущее обеднение населения и все более сильную ностальгию по советским временам.

Цель – доступ к российскому сырью и энергоносителям по внутри-российским ценам – требовала перевода интеграционных проектов и в политическую плоскость. Первым шагом на этом пути была инициатива о присоединении Беларуси к Договору о коллективной безопасности (ДКБ) стран СНГ, поставившая под сомнение конституционно закрепленное «стремление к нейтралитету». По замыслу авторов этой идеи такого рода демонстрация политической лояльности по отношению к России должна была облегчить получение для Беларуси экономических преференций. Однако, несмотря на присоединение к ДКБ, экономическая ситуация в стране продолжала ухудшаться. В связи с этим правящими кругами Беларуси продолжали выдвигаться различного рода интеграционные инициативы как чисто экономического плана (например, идея объединения денежных систем, таможенного союза), так и общеполитические.

Новый этап в белорусской политике в отношении России начался после избрания в 1995 году президентом страны Александра Лукашенко, который сделал сближение Беларуси с Россией главной задачей своего президентства. Начало интеграции двух стран датируется 1996 годом, когда было создано Сообщество Беларуси и России. Позже были образованы очередные структуры – Союз Беларуси и России в 1997 году и Союзное государство в 1999 году, которое заложило основу для

создания общих государственных органов. Интеграция с Беларусью нашла поддержку как среди практически всех политических сил в России, так и среди населения обеих стран, о чем свидетельствуют опросы, проводимые регулярно Фондом «Общественное мнение» в России (см. диаграмму 1) и в Беларуси (см. диаграмму 2).

Если бы сегодня проводился референдум по вопросу объединения Беларуси и России, то Вы лично проголосовали бы за объединение или против объединения?¹

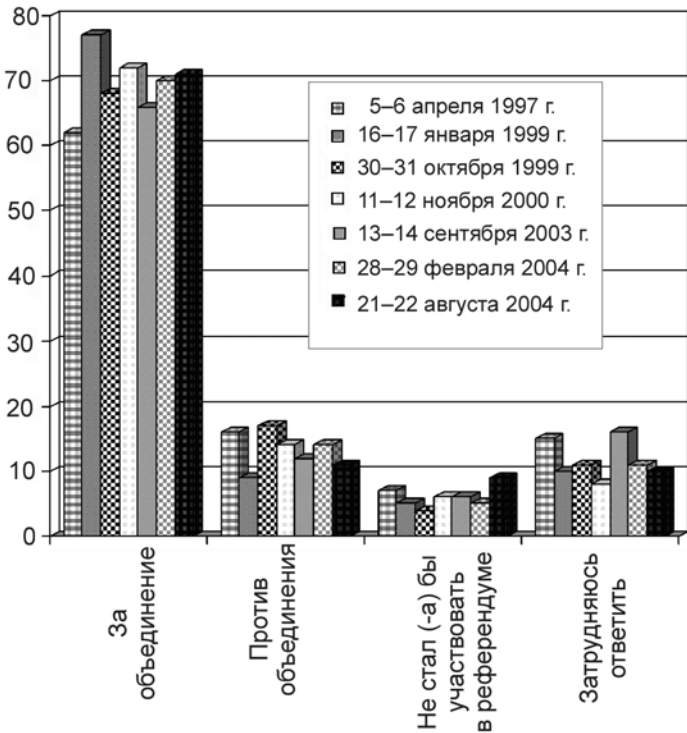

Диаграмма 1

¹ Официальный сайт Фонда «Общественное мнение»

<http://www/bd.fom.ru/report/map/ggo1041309>.

Особо отмечался тот факт, что объединение двух государств принесет больше пользы, чем вреда (последнего особенно опасались российские либералы, подчеркивая, что отсталая белорусская экономика будет бременем для России), а стратегически выгодное положение Беларуси приближает Россию к Европе, предоставляя этим ряд новых геополитических возможностей. Интеграция имела бы также пропагандистское значение в качестве первого шага на пути к возрождению империи в новой форме и в качестве российского ответа на «экспансию» Запада и НАТО на Восток.

Если бы сегодня проходил референдум об объединении Беларуси и России в единое государство, вы лично проголосовали бы «за» или «против»?²

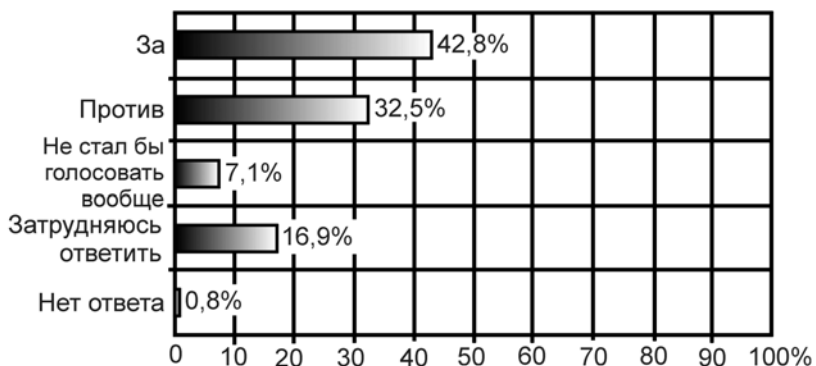

Диаграмма 2

Развитию белорусско-российской интеграции способствовала политическая система, которая сложилась в Беларуси после прихода Александра Лукашенко к власти. Он нашел поддержку в Москве, где в отличие от других стран воздерживались от критики Минска за нарушение демократических свобод и подавление оппозиции. Кремль признал Лукашенко, которого не признавали на Западе, потому что его направленная на сближение с Россией политика отвечала интересам Кремля. В течение нескольких лет Москва приобрела реальное влияние на политику

² Там же. Опрос населения Беларуси 13.09.2004.

ческую ситуацию в Беларуси, что подкреплялось сильной зависимостью Беларуси от России в экономической и оборонной политике.

В то время как руководство России трактовало интеграцию с Беларусью как огромный успех президента Ельцина, это сближение де-факто происходило лишь на бумаге. Это было связано в том числе с тем, что стороны по-разному представляли себе интеграцию, так же как по-разному подходили к этому вопросу Борис Ельцин и Александр Лукашенко. Для Ельцина наибольшее значение имела пропагандистская сторона процесса интеграции с Беларусью. Говорилось о первом шаге к воссоединению трех восточнославянских государств, получении дополнительных средств воздействия на развитие отношений с Украиной. Для Лукашенко интеграция с Россией должна была послужить воплощению его собственных политических амбиций: используя интеграционные институты, приобрести реальные властные полномочия на российской политической сцене, которые, впрочем, были сведены к нулю с избранием на пост президента России В.Путина.

С момента избрания Путина объединение с Беларусью потеряло свое приоритетное значение, вытесненное гораздо более важными вопросами, такими, как отношения с США, ЕС, а также и с Украиной. К тому же и на уровне межличностного общения отношения Путина и Лукашенко оказались гораздо более прохладными, чем отношения Лукашенко и Ельцина. Целью прагматичной политики Путина было снижение затрат России на вложения в неэффективную белорусскую экономику при сохранении политического влияния на эту страну.

Острая дискуссия о дальнейшей судьбе интеграции и перспективах развития белорусско-российских отношений развернулась в июне 2002 года, после того как В.Путиным были озвучены три варианта, на базе которых может продолжаться интеграционное взаимодействие: полная интеграция в единое государство, надгосударственное образование по типу Евросоюза, а также работа по объединению на основе положений действующего Договора о создании Союзного государства. Причем было отмечено, что для России наиболее приемлемы первые два варианта.³

Отличия в подходах прослеживаются крайне отчетливо. В первом случае интеграция в смысле «воссоединение» или «инкорпорирование», во втором случае – «соединение» или «объединение».

³ Путин предложил Лукашенко конкретный план // Деловая неделя. 2002 г. 4 сентября.

За первым вариантом интеграции стоит простое включение Беларуси в состав единой и неделимой России по примеру ФРГ. Западная Германия для инкорпорации Восточной потратила более триллиона марок. Вероятно, большая и ресурсоемкая экономика России смогла бы справиться с шоком от присоединения еще одной территории, но проблема не только в этом. Необходимо представить на некоторое время, что объединение или вернее воссоединение по образцу ФРГ состоялось. Белорусская политическая элита моментально теряет свой статус, становясь в один ряд с такими же, как и они, представителями исполнительной и законодательной власти российских регионов, т.к. все инструменты макроэкономического регулирования экономики и законодательного регулирования общественной жизни передаются Москве. Минску останется крайне ограниченный круг компетенций и большой круг возникших проблем, за которые придется отвечать как на месте, так и в Москве. Вряд ли такое положение вещей может устроить чиновников властных структур Беларуси.

Реализовав свои амбиции в отношении Беларуси, российская политическая элита возьмется за наведение порядка в экономической сфере. Даже не порядка, а распределения собственности. Вероятно, будут проведены банкротства убыточных предприятий, при этом можно предположить, что многие будут просто ликвидированы с увольнением наемных работников, подавляющее большинство предприятий сменит собственников, а это также обернется сокращениями. В результате ситуация в социальной сфере очень быстро выйдет из-под контроля. Думается, уже по истечении года реформ Беларусь будет иметь постоянные акции протеста массового характера ввиду большой доли госсектора в белорусской экономике. Это, в свою очередь, сильно активизирует националистическую оппозицию, добавит ей сторонников из числа тех, кто пока весьма лояльно относится к России, поскольку сегодня в своих бедах можно пенять только на себя, а в составе союзного государства – уже только на Москву.

Через год–два после объединения экономических систем, а можно предположить, что даже после введения российского рубля, Россия в лице Беларуси получит то, что имел СССР в лице стран Балтии. Даже германский опыт воссоединения не проходил гладко и безболезненно и надолго, по крайней мере, на жизнь одного–двух поколений, разделил западных и восточных немцев.

Концепцию «поглощения» Беларуси Российской Федерацией поддерживали и отдельные представители левой оппозиции. Например,

С.Ю.Глазьев объявил самой простой и понятной формой воссоединения включение Беларуси как сложносоставного субъекта в состав Российской Федерации на основе подписания соответствующего международного договора, ратифицируемого парламентами государств. Воссоединение с Республикой Беларусь (РБ) (как и начало интеграции с Югославией), по мнению С.Ю.Глазьева, даст колоссальный позитивный импульс для укрепления российской государственности, решения проблемы Чечни⁴.

Несмотря на то, что при осуществлении данного варианта в короткие сроки возможно восстановление единого геополитического, оборонного, информационного и духовного пространства страны, он плохо реализуем, так как не имеет серьезной поддержки в РБ. По данным Фонда «Общественное мнение» только 3,3% опрошенных граждан РБ поддерживают данный вариант объединения (см. диаграмму 3).

Диаграмма 3

⁴ Глазьев С.Ю. Мы долго молча отступали ... // Москва. 1999. № 7. С. 128.

⁵ Официальный сайт Фонда «Общественное мнение». Опрос населения Беларуси 13.09.2004.

Этот вариант не учитывает современные реалии, историческую преемственность строительства союзных государств, провоцирует конфликт в белорусском обществе между православной и католической общинами, представителями пророссийской политической элиты и сторонниками прозападного пути развития РБ.

Таким образом, вариант союза, который только гипотетически может устроить Россию, абсолютно неприемлем для Беларуси как независимого и суверенного государства.

Еще один вариант интеграции, который активно обсуждается структурами власти и СМИ, заключается в объединении России и Беларуси в надгосударственное образование по типу Евросоюза.

С юридической точки зрения данный вид межгосударственного образования наиболее прост и приемлем для двух договаривающихся государств. Конституции обоих государств (ст.8 Конституции Республики Беларусь и ст.79 Конституции Российской Федерации) разрешают участие в межгосударственных образованиях, причем Конституция России прямо говорит о возможности передачи этому межгосударственному образованию части своих полномочий, если эта передача не влечет ограничения прав и свобод человека и не противоречит основам конституционного строя.

В перспективе по мере сближения экономических параметров развития двух стран будет введена единая валюта, коей может быть и российский рубль. Но количество этой валюты и объемы выпуска будут контролироваться надгосударственным банком по согласованию с национальными. Должны быть отменены все таможенные регулирующие нормы между двумя странами.

В области политики предполагается наличие консультационного совета президентов, консультационного органа на основе правительств и надгосударственного парламента. Причем решения парламента обретут силу закона для каждого государства только после их ратификации национальным парламентом.

Подобное объединение способствует экономической интеграции обоих государств и не нарушает политического суверенитета. Для его реализации нет необходимости в проведении национальных плебисцитов, решение принимается путем ратификации соглашения (межгосударственного договора) национальными парламентами. Впрочем, для

уточнения воли народа, по примеру стран Евросоюза, могут быть проведены и референдумы.

ЕС создавался как объединение угля и стали, потом атомной энергетики и т.д., то есть интеграция там начиналась как секторальная. И лишь впоследствии постепенно там выстраивались сначала экономические основы интеграции, потом социальные и, наконец, политические. Что же касается военных аспектов интеграции, культурно-образовательных, да и социальных тоже, то в этом вопросе мы значительно опережаем Европейский союз уже хотя бы потому, что единые стандарты у нас существовали еще со времен СССР. У нас существовали и единый механизм регулирования народно-хозяйственного комплекса, единая экономика, другие факторы, удерживающие нас плотно друг в друге. Мы были гораздо более интегрированы по всем параметрам, чем любые из стран Евросоюза.

ЕС создавался из государств, которые постоянно воевали между собой. Россия и Беларусь между собой не воевали, не были никогда даже нейтральны друг другу. Более того, мы воевали всегда на одной стороне, по крайней мере, в современную историю. У нас есть спаянная кровью общность исторической судьбы, что породило «этническую комплиментарность», т.е. на уровне психологических стереотипов практически невозможно провести разделительную линию: и внешне, и по менталитету мы не отличаемся друг от друга. Русский язык является государственным языком в Республике Беларусь наравне с белорусским. То есть и в плане человеческом мы интегрированы гораздо глубже между собой, чем страны ЕС.

Однако все эти положительные предпосылки объединения не были приняты во внимание и использованы должным образом. Напротив, под влиянием эмоций и «этнической комплиментарности» в белорусско-российском межгосударственном образовании допускались поспешность, перескакивание через обязательные этапы интеграционного строительства. Вряд ли следовало белорусско-российское сообщество уже через год переименовывать в союз, а еще через два года объявлять о строительстве союзного государства, которое при ближайшем рассмотрении никаким государством и не является. Это формирующийся конфедеративный союз государств, причем процесс этого формирования все еще находится в начальной стадии. И здесь важна осмотрительность, проверка на практике эффективности каждого нового интеграционного усилия.

С начала европейской интеграции в качестве конечной цели провозглашалось создание единого экономического пространства, и лишь недавно было решено приступить к формированию единого политического пространства. Процесс европейской интеграции еще далек от завершения, хотя он и длится около полувека.

Сравнивая объединение РФ и РБ с Европейским союзом, в качестве главного отличия надо отметить несоразмерность субъектов двух межгосударственных образований по величине территории и численности населения. И уж совсем очевидные различия – в численности субъектов. В еврообществах государств-членов было 6, а сейчас – 25. В белорусско-российском межгосударственном объединении как было два субъекта, так и осталось. Несоразмерность этих субъектов очевидна, ее последствия весьма ощутимы. Одно дело – несоразмерность в большом «коллективе», совсем другое – когда «коллектив» так малочислен, что к нему очень сложно приспособить модели управления, которые успешно применяются в больших «коллективах».

Голосование в ЕС осуществляется в зависимости от веса государства (но не экономического, а демографического). Там продуман механизм учета интересов малых стран. У нас такого механизма создать нельзя. Даже если Россия будет иметь два голоса, а Беларусь – один, то это не будет «взвешенным голосованием», это каждый раз будет решение России. Взвешенное голосование имеет смысл лишь в случае, если в наш союз вступит и Украина, так, чтобы Беларусь вместе с Украиной могли, блокировавшись, иметь, по крайней мере, столько же голосов, сколько и Россия. Только в этом случае опыт ЕС, на который ссылался президент России, можно будет применить для нашей интеграции.

Понятие «объединение по типу Евросоюза» весьма расплывчато и неконкретно. Представляется, что при таком типе объединения будет требоваться дальнейшая унификация, вплоть до полной, законодательства двух стран. Очевидно, учитывая экономический и политический вес партнеров, что унификация будет предлагаться на основе российского законодательства. И в этом нет ничего удивительного, ведь и по условиям договоров о Союзе Беларуси с Россией и о Союзном государстве унификация законодательства стран сводится только к приближению белорусских правовых норм к российским.

Белорусская сторона более склоняется к варианту интеграции, основанной на положениях действующего Договора о создании союзного

государства. В высказываниях президента Александра Лукашенко, в комментариях министерства иностранных дел РБ подчеркивается «идеологическая линия» республиканского руководства, которая состоит в том, что Договор о строительстве союзного государства 1999 года не подлежит пересмотру. Властную элиту Беларуси действительно устраивают отдельные положения документа, подписанного Борисом Ельциным и Александром Лукашенко, касающиеся распределения политических ролей, статуса РБ в потенциальном российско-белорусском государстве. Однако, как известно, сам Договор так и не может вступить в силу из-за заложенных в нем правовых противоречий.

При сравнении положения Договора о создании Союзного государства с возможным союзом государств по типу Евросоюза становится очевидным, что многие положения совпадают. Тем не менее присутствуют и существенные отличия.

Так, в соответствии со всеми проектами Конституционного акта Союзного государства, который должен быть разработан и принят обеими сторонами, Союзное государство представляет собой новый субъект международного права, обладающий всеми атрибутами самостоятельного государства – Конституционным актом (который в дальнейшем должен быть заменен Конституцией), гербом, флагом, гимном и другими атрибутами независимости. Союзное государство по Конституционному акту обладает международной правосубъектностью. При этом оно обладает признаками унитарной, федеративной и конфедеративной государственности.

К исключительному ведению Союзного государства предлагается широкий список полномочий, причем решения союзного парламента в рамках этих установленных полномочий обязательны для государств-учредителей.

Все это позволяет сделать вывод о том, что планируется создать новое государство по типу СССР, в котором оба его субъекта будут иметь весьма ограниченные права. Очевидно, что создание такого государства приведет и к серьезным международным последствиям, связанным с признанием или непризнанием государств-учредителей в качестве самостоятельных государств. Вероятно, что лишь до принятия Конституции Союзного государства как Беларусь, так и Россия смогут сохранить свое присутствие во многих международных организациях.

Руководители двух государств при создании Союзного государства существенно понижают свой статус. Поэтому естественным станет в окончательной редакции Конституционного акта (а в ряде других его редакций уже присутствует) введение поста президента Союзного государства.

Здесь необходимо отметить, что одна из главных причин, по которым Александр Лукашенко продолжает настаивать на интеграции в рамках и на основе Договора 1999 года, – отсутствие в данном договоре положения о введении поста союзного президента. Интересно, что именно Александр Лукашенко настаивал на том, чтобы дополнить договор, формализовать в нем посты президента и вице-президента Союзного государства. Еще в 2001 году двухсторонняя комиссия по разработке проекта Конституционного акта некоторое время даже в своем названии отражала тенденцию пересмотра текста Договора 1999 года. В сложившейся ситуации белорусскому президенту трудно надеяться на избрание путем всеобщих выборов в Беларуси и России главой союзного государства.

Следует отметить, что необязательность исполнения и декларативность основных положений Договора позволяла бы белорусской стороне и далее использовать союзную проблематику для извлечения односторонних выгод, получения от России энергоносителей, сырья, очередных кредитов, преференций и льгот без взятия на себя соответствующего груза ответственности. В свете этого становится понятным и тот очевидный факт, что за все время пребывания Владимира Путина на посту президента РФ, несмотря на множественность его встреч и переговоров с Александром Лукашенко, ими так и не было подписано ни одного международного соглашения, позволяющего внести дополнения в национальные конституции, необходимые для вступления в правовую силу Договора 1999 года.

Не вполне соответствует действительности убеждение, что интеграция с Беларусью возможна при неизменности и на основе Конституции. Реализация любого варианта интеграции объективно потребует внесения серьезных изменений в Конституцию России, в законодательство, регулирующее сферу обороны, вопросы финансовой, банковской, кредитной, налоговой и иных видов деятельности основных институтов государства.

Создание подобного государства требует внесения многочисленных поправок в Конституции обеих стран. Причем поправки в Конституцию Республики Беларусь могут быть приняты только путем проведения

конституционного референдума, поправки в Конституцию Российской Федерации, затрагивающие 1 и 2 главы, путем созыва Конституционного собрания и принятия новой Конституции России.

Представляется, что в условиях, когда белорусская правящая элита не ухудшает свое правовое положение, референдум в Беларуси по принятию Конституционного акта и внесению поправок в Конституцию может пройти со значительным превышением числа голосов избирателей, необходимых для принятия положительного решения. Для России же требуется подготовить и принять Закон о Конституционном собрании, выбрать это Конституционное собрание, которое должно разработать проект новой Конституции и выдвинуть его на всенародное голосование. А для референдума еще и «уговорить» народ поддержать предложение путем сбора более чем 2 миллионов голосов. Представляется, что этот процесс может значительно затянуться, что позволит противникам Союза принимать эффективные меры по противодействию процессу белорусско-российского единения. В этих условиях существует опасность отчуждения от идеи единого государства не только властных структур и политических элит, но и народов двух стран.

К тому же принятие новой Конституции вследствие борьбы различных политических сил, представленных в Конституционном собрании, может привести к значительному переделу властных полномочий между президентом, правительством и парламентом, т.е. изменить конституционное устройство России.

Создание союзного государства в виде конфедерации стимулирует процесс трансформации федеративных основ России в конфедеративные отношения Центра с субъектами, прежде всего национально-территориальными объединениями. В контексте соответствующей геостратегической заинтересованности Запада в таком сценарии угроза дезинтеграции России может стать более чем реальной.

В силу этого становится очевидным и нежелание президента России В.Путина продолжать дальнейшую работу по созданию Союзного государства. Тем более что реальность осуществления этой цели маловероятна. Намного более реальным является получение практически того же результата при использовании принципов Евросоюза во взаимоотношении двух государств.

К большому сожалению, задачи, намеченные Декларацией о дальнейшем единении России и Беларуси от 25 декабря 1998 года, во мно-

гом не выполнены. Торгово-экономические связи двух государств имеют в настоящее время недостаточный объем. Для активизации этих связей необходима политическая воля обеих стран.

Попытки построить хоть и «союзное», но все-таки «государство», в котором его субъекты сохраняли бы международно признанный суверенитет, являются своего рода попытками «изобрести велосипед». В недавнем прошлом мы уже были свидетелями разработки конструкции «двухъярусного суверенитета», носившей название «новоогаревский процесс». Он завершился вполне логично с точки зрения категорий юридической науки.

В связи с этим в настоящее время важнейшее значение приобретает поиск новой оптимальной модели объединения с учетом национальных интересов ведущей державы региона, какой остается Российская Федерация, что позволит процесс интеграции сделать устойчивым и необратимым. В результате возможно будет в полном объеме восстановить субъектность России и ее союзников, прежде всего РБ, на международной арене, совместно эффективно отстаивать национальные интересы, суверенитет, территориальную целостность.

Степан Сулакшин

РЕСУРСЫ НАЦИИ

РЕАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Economic policy of a state have a bearing on many aspects of this state's being: on its defense capacity, standards of living and longevity of its citizens, dynamics and stability of the country's development. The hottest debates that took place during the period of Russian reforms are related precisely to definition of economic measures, decisions and actions' content. What is economic policy? How does it emerge and how is it shaped? What results does it bring about? The article is a study of connection between ideology as a political category and economic policy as a type of state government activity in contemporary Russia. The author demonstrates a series of negative consequences generated by in result of ideology substitution for managerial activity. Concept of «ideological corruption» is introduced. This concept helps to explain causes of the Russian economic policy's inadequacy and irrationality. Some suggestions are offered. If implemented they will enable to mute, at least partially, effects of the identified negative mechanisms.

I. Идеология и политика как управленческая деятельность

Политическая идеология как понятие часто применяется в анализе политических процессов, используется политическими институтами как на стадии борьбы за власть, так и после ее завоевания. Может ли идеология как концентрированная формула, лозунг быть применима к формированию государственно-управленческой деятельности?

Управленческая деятельность включает в себя ряд звеньев:

- целеполагание,
- рефлексия к действительности,
- формирование задач управления,
- выбор решений,
- их регламентное оформление,
- имплементация мер,
- оценка результатов,
- корректировка управленческих действий.

Где в этом наборе место идеологии? Это отвечающее самой природе управленческой деятельности пространство первоначального этапа целеполагания. Идеология предполагает выбор целевых и ценностных рядов, которые определяют все последующие шаги. Однако идеология в этом контексте не раскрывает содержания всех тех звеньев технологии управления, которые следуют за первым этапом, поэтому опасно ее гипостазирование.

Важно заметить, что она может вырождаться в популизм, в упрощенные аттрактивные формулировки, которые в реальном управлении имеют весьма ограниченное применение.

Идеологическое оформление узких групповых интересов нельзя отождествлять с реальным содержанием многообразной и сложной государственно-управленческой деятельности. Это касается и экономической политики государства.

Подмена данной категории узконаправленными идеологическими постулатами в российской политической и государственно-управленческой практике приводит к печальным последствиям. Хорошо известны такие проявления идеологии в управлении, как коллективизация и индустриализация. Более свежие примеры – борьба с инфляцией, удвоение ВВП, институциональная реформа как цель, а не как средство. Например, недавнюю административную реформу провели в темпах коллективизации, и мало кто даже из ее авторов на фоне развала и хаотизации управления может сейчас сказать, зачем проводили.

Если рассмотреть реальный механизм государственного управления в сфере законопроектной деятельности правительства, то легко увидеть существенные входные, «задающие» импульсы. Они формируют законопроектные инициативы, решающие проблемы, относящиеся к широкому кругу групп интересов.

Существует два пути вхождения в управленческую законопроектную систему. Первый – вход «снизу», от групп интересов, регионов, экономических субъектов, социальных групп. Общественный запрос в виде различных сигналов, требований объективен. В гармонизированных системах государственного управления, формирования и реализации экономических политик общественный запрос имеет очень важное значение. К сожалению, в российской практике общественный запрос фактически подавлен.

Второй путь вхождения в управленческую законопроектную систему – путь «сверху», от власти. Здесь имеют место теоретические посылы, доктринальные установки, сведенные до концептов, формул, не охватывающие всего богатства вызовов технологий управления. Данный подход к решению проблем сейчас в России, к сожалению, является доминирующим.

Почему можно утверждать, что общественный запрос во всем многообразии вызовов к механизмам формирования экономической политики в российском случае подавлен? Статистика с 1996 по 2004 г. показывает, что наиболее высока интенсивность подачи «общественных запросов» по поводу необходимости новых законов от субъектов Федерации (от регионов) и Госдумы, которая в лице мажоритарных депутатов пока еще тоже представляет низовой уровень. Вместе с тем результативность окончательного принятия предложенных в этом случае законопроектов очень низка (не более 10%). Голос регионов, Совета Федерации, Госдумы в результате современной практики монополизации принятия политических решений в России только наверху (Администрация президента) практически обнулен. А вот решения, которые как проекты предлагались правительством и президентом, т.е. верхушечно-властными инстанциями, и составляли всего лишь 10% от объема всех предложений, принимаются с эффективностью, близкой к 100%. Говорить о том, что этот результат является проявлением воли Государственной Думы, неверно, потому что работает механизм телефонной и коррупционной манипуляции. Исполнительная власть равнодушна к общественному мнению и к инициативе снизу.

Каковы, на наш взгляд, последствия гипостазирования идеологических схем в качестве инструментального подхода, технологии управленческих действий?

1. Развал управленческой детализированной технологии. Властвующей элите, как кажется, достаточно провозглашать определенные формулы, иногда их можно даже назвать заклинаниями, и возникает впечатление, что этим исчерпывается управленческая повестка государства. Например, «государство должно уйти из экономики». Лозунг нынешних либералов, по их мнению, отменяет многие апробированные иными странами известные управленческие решения.

2. Возникает так называемое однопараметрическое управление. В качестве целевой функции или контролируемого параметра выдвигается единственный, в последние годы очевидный. Индекс инфляции, единственный целевой показатель в рамках тривиального либерализма, «контролируется» через монетарную стерилизацию денежной массы, принудительное сжатие спроса. Но даже применительно к инфляции многими ведущими экономистами неоднократно было показано, что причин российской инфляции больше, чем только давление спросового фактора, обеспеченного наличием денежной массы. Это еще и такие факторы, как недостаток предложения ввиду известных диспропорций и состояния производственного аппарата. Это не должное управление тарифами естественных монополий, неуправляемая импортизация внутреннего рынка и подтягивание внутренних цен, которые для ряда товаров пока ниже, к мировым ценам. Спросовое давление как фактор инфляции дает вклад не более 20%. И тем не менее финансово-экономический блок российского правительства все последние годы, начиная со времен Гайдара, стремится управлять единственным параметром – инфляцией. Для этого производится стерилизация денежной массы, обезденеживание национальной экономики, приводящее к стагнации, переходящей в стагфляцию.

3. Забалтываются важные проблемы экономического роста и развития национальной экономики. На слуху бурные дискуссии вокруг таких идеологических экономических клише, как, например, конкурентоспособность. Равным образом говорится о конкурентоспособности гражданина, региона, нации, государства. Но ведь во всех этих случаях конкурентоспособность представляет собой совершенно различные вещи. Можно допускать широкое толкование этого термина. Однако, сдав руководителям страны доклад под названием «Политика национальной конкурентоспособности» (история с Российским союзом промышлен-

ников и предпринимателей – РСПП), очень легко заболтать реальную проблему стимулирования экономического роста и развития. Поэтому нет ничего удивительного в том, что правительство разводит руками и говорит: «Мы не знаем, как удвоить ВВП».

4. Подмена целей средствами. Средства превращаются в цели, и пример употребления целевой установки в виде институциональных реформ как таковых – очень яркая тому иллюстрация. На самом же деле реформа – это не цель, а средство достижения общественно полезных результатов: уровня жизни и т.д. Превращение реформы в цель государственной политики элиминирует настоящие, содержательные цели экономической политики как управления. В итоге настоящие цели не реализуются.

5. Возникает так называемое инерционное развитие, неизбежное стагнирование, поскольку активных мер стимулирования экономического роста и развития не предпринимается. Узкие, коррелирующие с идеологической установкой меры не способны решить проблемы, входящие в ценностный целевой ряд роста и развития экономики.

6. Происходит деградация механизмов управления. Иллюстрацией служит, в частности, так называемая вертикаль власти, которая изначально задумывалась как средство повышения эффективности государственного управления. Внедряемый ныне образец формирует управленческий информационный поток сверху вниз (армейского образца), но подавляет поток снизу вверх. Если набор региональных лидеров становится комплиментарным в силу своей кадровой зависимости от высшей инстанции, то ожидать от него объективного, а значит, нелицеприятного информационного потока очень трудно. И соответственно этому адекватность управления будет терпеть ущерб.

7. Экономическая политика догматизируется, так как исчезает ее рефлексивность. Высокому руководству все заранее «известно», цели поставлены, действия форсируются, но цели-то неадекватны, а средства узки или негодны.

8. В государственном управлении нарастает клановая корпоративность. Если идеология определенных групп закрывает площадку необходимых технологий управления, то можно понять, почему именно узкий интерес начинает преобладать в государственном управлении. Государственное же управление априори должно исходить из баланса интересов всех имеющихся групп интересов в стране, в обществе и государстве.

9. И, наконец, последнее – это неадекватность действий. Финансово-экономический блок правительства и политическое руководство страны заявляют, что главная проблема для нас – это неведомая, вернее нераскрываемая, конкурентоспособность, необходимость институциональных реформ. Но как только спрашиваешь практикующих хозяйствующих субъектов (это делает, например, Центр экономической конъюнктуры при правительстве РФ в своих опросах, за что, наверное, его и закрывают), в чем же основная причина, мешающая экономическому развитию, то все первые приоритеты негативных причин, мешающих развитию предпринимательства, региональных экономик, государственной экономики, связывают с **обезденеживанием национальной экономики** (табл. 1). То есть с совершенно иным фактором, чем тот, о котором заявляет руководство. Более того, именно руководство создает своей монетаристской финансовой политикой основную причину стагнации. Против социологических, феноменологических замеров невозможно возражать. Хозяйствующие субъекты лучше всего знают, что мешает их развитию. Даже заявления президента РФ и премьера о необходимости ухода от сырьевой ориентации опровергаются фактами их же собственной деятельности.

Одной из задач экономической политики в области промышленного развития является достижение оптимальных структурных, отраслевых пропорций. Существующие на уровне деклараций подходы к теме перехода экономики от сырьевой ориентации к инновационному пути развития, к сожалению, не подтверждаются практикой государственного регулирования, практикой деятельности правительства.

Вопрос об отраслевой структуре промышленности и структуре экспорта важен в двух аспектах. Во-первых, как результат, демонстрирующий фактический выбор исполнительной властью модели развития (сырьевая или инновационно-высокотехнологическая). Во-вторых, необходимо определить те целевые (контролируемые) параметры развития, которые, в отличие от использовавшихся в провалившейся стратегии однопараметрического (инфляционного) целеполагания, могли бы ускорить и гармонизировать экономическое развитие. Чтобы избежать в этом субъективизма подходов или несостоятельных попыток ссылаться на отдельные примеры иных стран и исторических периодов, можно использовать объективизированный критерий. Интегрированный опыт всех ведущих индустриальных стран мира позволяет отразить ход цивилизационного развития и увидеть за национальной спецификой разных стран общие и в силу этого убедительные тенденции.

Таблица 1

**Значимость факторов, мешающих экономическому развитию
(по опросам хозяйствующих субъектов)**

Факторы, мешающие развитию	Процент респондентов, отметивших данный фактор						
	Промышленные предприятия	Инновационная деятельность	Строительство	Автотранспорт	Оптовая торговля	Розничная торговля	Коммерческие банки
Недостаток собственных средств	55	84	–	91	69	51	66
Недостаточный спрос на внутреннем рынке	46	46	34	77	65	57	–
Неплатежеспособность заказчиков	31	–	58	–	65	57	39
Высокий процент коммерческого кредита	–	39	11	–	–	21	–

(Данные ЦЭК, 2003)

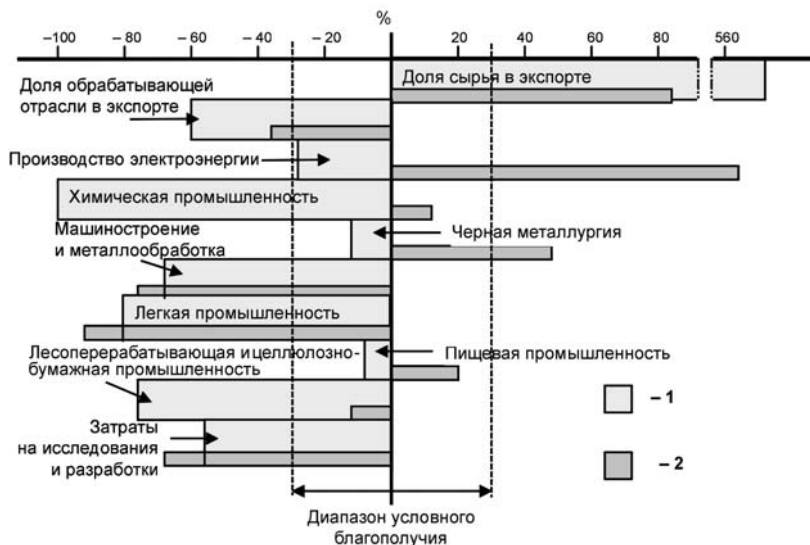
92% промышленных предприятий в основном инвестируются за счет собственных средств. Кредитуются – менее 30%. Бюджетная поддержка – менее 10%. Заимствования на фондовых рынках – 3%.

Можно ввести понятие национального профиля индустрии¹. Он показывает в структурно-отраслевом и экспортном измерении отклонения российских пропорций от усредненных по сообществу 17 мировых государств и нормированных на валовой внутренний продукт или на душу населения в соответствующей стране (рис. 1).

Видны немалые болезненные «флюсы» в промышленной развитости страны. Самые большие из них – это доля сырья в экспорте, которая почти в 6 раз отличается от пропорций устойчивых стран мира. В планах правительства, которые озвучивает Г.Греф, – снижение наращивания этой доли. Однако параметр, несмотря на декларации, остается на том же уровне.

¹ Государственная политика промышленного развития. От проблем к действиям / Под ред. В.Л.Макарова, Е.М.Примакова. М.: Наука, 2004.

Характерные для России наукоемкие отрасли: лесопользование, легкая промышленность, машиностроение и металлообработка – все относительно недоразвиты. Страна все более становится сырьевой.

Национальный профиль индустрии

- 1 – отклонение российских показателей структурной развитости от среднемировых
- 2 – падение и рост российских инвестиций за 1990–2003 гг. (+ рост, – падение)

Рис. 1. Диспропорции развития и потоки инвестиций

Прирост рублевой денежной массы в стране в условиях ее катастрофической недостаточности Центробанк осуществляет в основном за счет покупки экспортной выручки от продажи сырья. А это означает, что финансовая система страны обслуживает именно экспортно-сырьевую компоненту экономики, но никаким образом не связана с потребностями развития обрабатывающих, высокотехнологических отраслей. Следовательно, реальная экономическая политика в России нацелена на укрепление сырьевой экспортной ориентации, пренебрегая и нанося прямой ущерб интересам внутреннего развития.

Очень важно заметить, что тенденции изменений инвестиционных потоков противоположны потребностям страны. Они иллюстрируются на рис. 1 столбиками более темного цвета. «Флюсы» нарастают потому, что в случае недоразвитости наукоемких отраслей инвестирование в эти

отрасли уменьшается. И наоборот, избыточный, национально-опасный с точки зрения устойчивости развития, экспорт сырья сопровождается ростом инвестирования в этом секторе.

Такая модель экономической политики неустойчива, не совпадает с критериями безопасности и национальных интересов страны, отражает, в первую очередь, интересы зарубежных экономик.

Таким образом, ответ на вопрос, насколько допустимо приспособление экономической политики к интересам узких групп, показывает: подобная управленческая стратегия пагубна и предопределяет как низкие темпы развития экономики, так и грядущие катастрофы в социальной сфере.

II. Борьба парадигм экономической политики России

Анализ реальной российской практики и общественно-политической дискуссии показывает, что на сегодня выделяются четыре более или менее целостных парадигмы экономической политики.

Во-первых, та, которая реализуется по факту, – монетаристская экономическая политика, управление единственным параметром – индексом инфляции. Вторая, которую стоит анализировать, касается идеи сокращения доли госрасходов в ВВП – ее активно предлагает советник по экономике президента страны. Третья (производная от первых двух) идеологема в рамках тривиального либерализма заключается в дезинтеграции естественных монополий с якобы переходом к конкурентным принципам ценообразования и освобождению цен на услуги естественных монополий. И, наконец, последняя – инвестиции в основной капитал, создание механизмов внедрения дополнительных ресурсов в экономику страны.

В дискуссии по обозначенным идеологемам целесообразно соотношение выбора из них с особенностями «черного ящика». А именно: с особенностями (познанными и непознанными) национальной экономики последних лет. Это возможно, если провести парный корреляционный анализ между соответствующими параметрами. В частности, между управляемым параметром (например, индексом инфляции) и приростом ВВП, как целевым параметром. Результаты показаны в табл. 2.

Влияние монетаристской политики на прирост ВВП является достаточно слабым. Практически полностью отсутствует связь между сокращением госрасходов и приростом ВВП. Идея дезинтеграции естественных монополий просто разрушительна.

Таблица 2

Экономические идейные концепты и рост ВВП в России

	Фактор	Коэффициент корреляции прироста ВВП с указанными факторами (max = 1)
1.	Единственный целевой параметр – индекс инфляции (монетаризм)	+ 0,51
2.	Сокращение доли госрасходов в ВВП	+ 0,135
3.	Освобождение цен на услуги естественных монополий (дезинтеграция естественных монополий)	- 0,82
4.	Инвестиции в основной капитал	+ 0,92

Данные за 1991–2003 гг.

Но совершенно убедительно коррелируют между собой прирост ВВП и ввод в экономику дополнительных инвестиций. Характерным в связи с этим выглядит одно из недавних выступлений министра финансов РФ А.Кудрина. Он сказал, что вкладывать инвестиции в российскую экономику нельзя – это ей повредит (мнение было высказано в дискуссии о возможности инвестиционного использования средств стабилизационного фонда).

Как объяснить такие нелогичные (иногда, может быть, переходящие в абсурдные, но тем не менее используемые в практике управления) экономические идеологемы? Их авторами, публично конечно, ставятся цели, на первый взгляд, разумные и благие. А именно: если подавить инфляцию, говорят они, возникнет привлекательный инвестиционный климат, и в результате в российскую экономику потекут **иностранн**ые инвестиции. При этом нет ответа на вопрос: почему нельзя использовать внутренние российские инвестиции, например из Стабилизационного фонда? Кроме странного довода, что российские инвестиции вызовут инфляцию. А почему тогда зарубежные инвестиции не вызовут инфляцию?! Эту же логическую цепочку нужно продолжить: почему средства, инвестированные из Стабилизационного фонда в экономику,

вызовут инфляцию, а выплаченные в виде пенсий (в потребление!), что делает правительство, инфляцию не вызовут?

Доказательством заблуждений (если это заблуждения) является наличие статистических данных, устойчивых все последние годы. Статистика описывает трансграничный баланс финансовых потоков – как иностранных, так и российских. Сколько инвестируется внутрь страны, сколько выводится в силу экономических механизмов репатриации прибыли, погашения процентов по кредитам, вкладов на депозиты западных банков и так далее. Баланс в 2003–2004 гг. устойчивый и отрицательный для России на уровне 10–20 млрд. долл.²

Все последние годы Россия только теряет инвестиционные средства со своей территории в силу проводимой по факту экономической политики. Казалось бы, надо сделать неизбежный вывод и скорректировать последнюю. Однако вместо этого упорство в проведении данной политики только нарастает.

Важно, что эффективность инвестирования в национальную экономику России, несмотря на утверждения Кудрина, на самом деле доказуема и измерима. Согласно статистике последних лет прирост ВВП пропорционален величине дополнительных инвестиционных средств, вводимых в российскую экономику, в зависимости от лага по времени с коэффициентом 0,76. Максимален отклик с лагом менее года.

Для решения поставленной президентом задачи – удвоения ВВП за 8 лет – нужно дополнительно вкладывать по 60 млрд. долл. в год. А что делают Кудрин и Греф? Они утверждают, что в экономике оказались «лишние» деньги, их нужно «стерилизовать». И за год выводят из оборота 20 млрд. долл. в Стабилизационный фонд.

Удивительна и необъяснима демонетизация (обезденеживание) российской экономики за последние годы. На рис. 2 показано денежное обеспечение национальных экономик в виде отношения денежного агрегата M2 к ВВП для стран мира³. Среднемировой показатель M2 составляет 50%, китайский показатель 2003 года – 215%, а показатель России 2004 г. – 24%! Если взять для абсолютной оценки уровня обезденеживания России как пример для сравнения 100-процентный

² В 2004 году вместо притока иностранных капиталов усилилась тенденция абсолютного оттока капиталов из страны за рубеж (вывоз капитала из России возрос по сравнению с 2003 г. на 8 млрд. долл.).

³ M2 – объем наличных денег в обращении (вне банков) и средств в национальной валюте на счетах и депозитах нефинансовых предприятий и физлиц-резидентов РФ.

уровень монетизации, характерный для Англии, то Россия искусственно лишила себя порядка 340 млрд. долларов (на 2003 г.)⁴. Статистика по странам, фигурирующим на рис. 2, показывает, что когда наращивалось денежное инвестиционное обеспечение экономики, в том числе за счет эмиссии, то инфляция падала⁵. И это понятно, потому что росло предложение. Поэтому рассуждения примитив-либералов об угрозах инфляции несостоятельны.

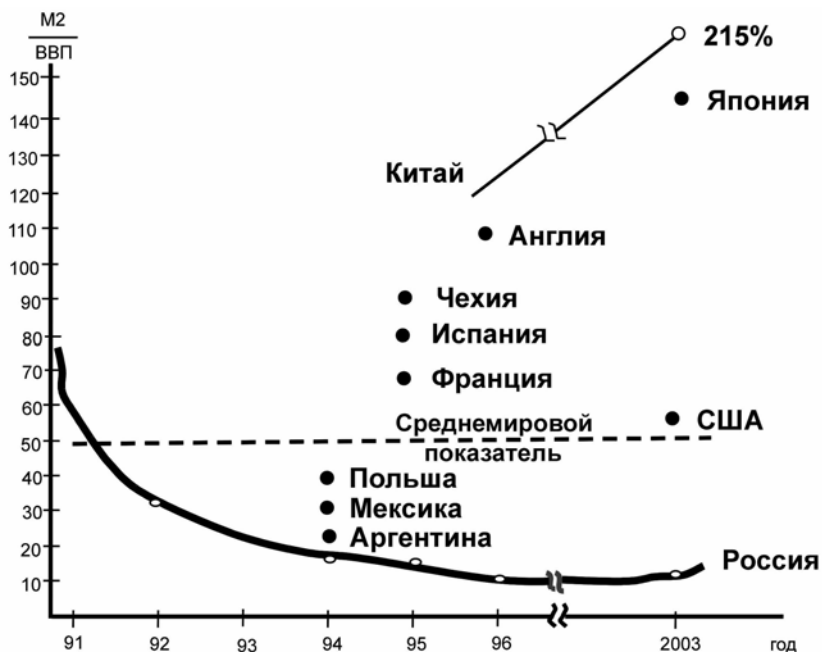

Рис. 2. Денежное обеспечение национальных экономик стран мира

К слову сказать, парадоксально выглядит в логике финансово-экономического блока правительства монетизация льгот. Ведь, с одной стороны, сдерживая и стерилизуя денежную массу в стране, на рынок

⁴ Государственная политика промышленного развития России. С.21.

⁵ Там же. С.22.

вбросили вместо натуральных льгот около 170 млрд. рублей компенсаций, а затем, под давлением социального протеста, – на повышение пенсий еще 100 млрд. рублей. Это, безусловно, разовьет инфляцию⁶, потому что предпринятые меры касаются не инвестиционного вложения в производство и рост предложения, а, наоборот, денежного вложения в конечный сектор потребления, т.е. в спрос. Объяснить такую логику невозможно, если не апеллировать к известным посылам, выходящим за политические пределы настоящей работы.

Важной количественной характеристикой, полученной также на основе парного корреляционного анализа, является поведение во времени коэффициента корреляции R между приростом денежной массы и индексом инфляции в России. Кажущийся очевидным тезис о том, что денежная масса, точнее ее увеличение, в условиях беспрецедентного дефицита приводит к инфляции, на самом деле таковым не является. Как видно из рис. 3, получается точно наоборот: с лагом времени даже менее года прирост денежной массы приводит к уменьшению инфляции. Это понятно, потому что оживляется производство, в котором инфляционный голод колоссален, растет предложение. Максимальное положительное значение коэффициента корреляции не превышает 0.17 (т.е. практически нет связи), что указывает на ложность главного довода монетаристов в правительстве.

Как ввести дополнительные инвестиционные ресурсы в национальную экономику, откуда их взять? При системном анализе эти вопросы оказываются разрешимыми. Существует возможность создания целевого финансового инструмента в структуре управления национальной экономикой⁷. Наиболее эффективным может быть внебюджетный государственный фонд, который условно можно называть Ссудным фондом промышленности, подчеркивая необходимость инвестирования в основные фонды, то есть в развитие производства и предложения товаров и услуг. Сам по себе такой финансовый инструмент апробирован в практике России (существуют три таких фонда) и может быть сделан достаточно прозрачным по системе своих целей, которые в первую очередь обслуживают главную цель – стимулирование экономического роста и развития.

⁶ Инфляция за 1 полугодие 2005 г. составила более 7%.

⁷ Сулашкин С.С. Ссудный фонд промышленности – ключевое решение инвестиционных проблем России. М.: Научный эксперт, 2005.

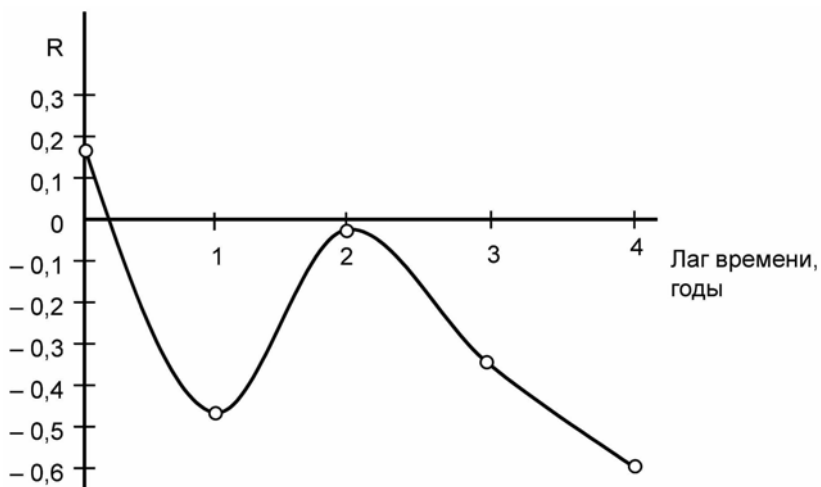

Рис. 3. Поведение во времени коэффициента корреляции между приростом денежной массы (M2) и индексом инфляции в России (1991–2003 гг.)

Путей такого стимулирования может быть множество. В том числе:

- через повышение внутреннего спроса, обеспечение финансового стартового и поддерживающего кредита для малого бизнеса, промышленности; через выправление диспропорций в части госзаказа, государственной части экономики;
- через повышение конкурентоспособности промышленных предприятий, предоставление им возможности модернизации основных фондов, повышения качества продукции и т.д.

Расчеты по экономико-математической модели национальной экономики России⁸, выполненные в Центральном экономико-математическом институте под руководством академика В.Л.Макарова, показывают, что при этом решается задача удвоения ВВП за 8 лет (рис. 4). Для этого, как уже говорилось, необходимо дополнительно инвестировать по 60 млрд. долл. в год. Такие деньги у России потенциально есть.

Беспомощность правительства, выстраивающего свою политику на базе постулатов тривиально-либеральной школы и соответствующей группировки, в вопросе удвоения ВВП вполне объяснима.

⁸ Макаров В.Л. Вычислимая модель российской экономики (RUSEC) / Препринт NWP /99/069. М.: ЦЭМИ РАН, 1999.

Таким образом, рассмотрение существующих экономических предложений показывает, что на «привычном» поле соревнования идеологем можно выдвинуть точно позиционированную, работающую программу, но при этом ее обязательно нужно развернуть в подробное технологическое государственно-управленческое поле.

Однако остается один важный вопрос. Почему экономическая публичная дискуссия в стране, идеологемы, формирующие реальную экономическую управленческую практику государственной власти в искаженном, тривиальном, отрицающем изначальные ценностные установки виде, и существуют, и укореняются, и усиливаются? Причина в том, что развивается процесс специфичных взаимоотношений властных структур, интеллектуального потенциала страны, научно-экспертного сообщества и тех низовых структур, запросы от которых, как мы показали, подавляются. Есть все основания вводить такое понятие, как идейная коррупция.

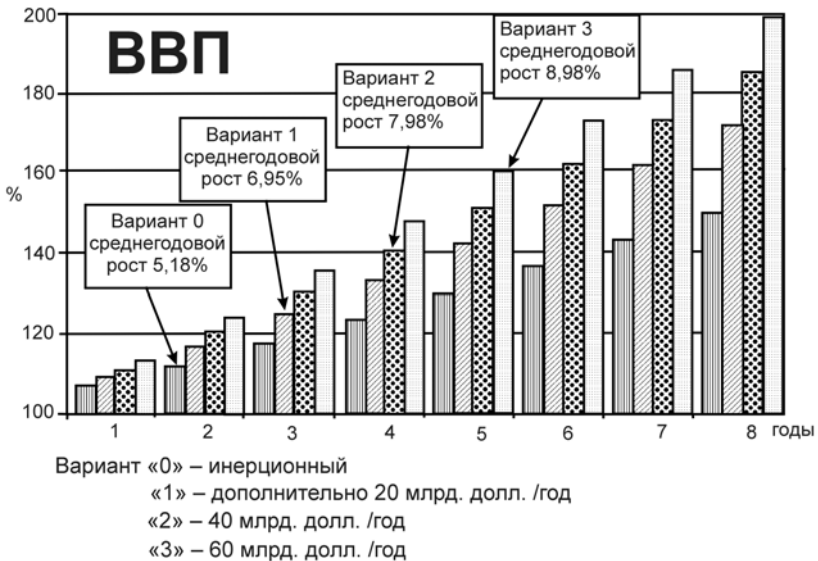

Рис. 4. Прогноз роста ВВП при инвестиционном стимулировании развития

III. Идейная коррупция

Общее определение понятия коррупции звучит примерно так: это вознагражденное действие или бездействие уполномоченного на принятие решения властного лица в чьих-либо интересах.

Применительно к контексту настоящей работы можно уточнить определение.

Коррупция – это, на наш взгляд, вознагражденная подмена баланса всех объективно существующих в обществе и государстве интересов⁹ выделенным, более узким интересом уполномоченными на принятие решения лицами. Происходит это на этапах целеполагания, разработки и принятия решений властными лицами. Тут можно видеть два существенных признака: сужение интереса и корысть, которая при этом оплачена.

В результате определение идейной коррупции приобретает следующий вид. Идейная коррупция – это вознагражденная подмена в идейно-концептуальной парадигме государственной экономической политики баланса интересов выделенным узким интересом. Или, иными словами, это монополизация и ограничение (сужение) пространства выбора властных решений. Сужение в пределе, как это понятно, может произойти до объемов тривиальной формулы, лозунга. И это в условиях, когда государственно-управленческое решение должно быть сложным, многомерным, детально технологизированным.

Реальное положение дел сегодня в России следующее. В механизмах принятия управленческих решений государственной власти доминируют, конечно, администрация президента и правительство. В правительстве, федеральных органах исполнительной власти особо выделяется такой этап управленческой деятельности, как разработка решений. Именно это звено наиболее уязвимо и активно используется для проведения в жизнь упомянутых суженных коррупционных интересов. Реализуются они на практике в основном тогда, когда имеется финансовый ресурс для оплаты экспертов-разработчиков и подкупа соответствующих чиновников. Здесь со всей очевидностью просматривается проекция на группы интересов, которые удовлетворяют этому требованию, транснациональные корпорации (теоретически присутствует и политический, военный и иной зарубежный интерес), крупный капитал, некоторые другие группировки. И наоборот, нельзя увидеть общественные

⁹ Отметим, что полный набор интересов всех групп интересов составляет презумпцию ответственности государства.

запросы, представляющие сбалансированный набор всех существующих в России интересов. Представители этого общественного запроса пытаются заявить о себе, бьются в чиновничьи кабинеты, но не имеют денежной компоненты и структурно-функционального механизма предъявления своих разработок и идей. Как видим, в узких интересах, вполне комфортно удовлетворяемых именно при нелепой политике современной власти, кроется ключ к ответам на поставленные выше вопросы об абсурдности экономической политики в России.

Одним из частных механизмов, ведущих к монополизации идейно-управленческого пространства, является распределение бюджетных средств на проведение НИОКР. Проводятся тендеры, которые объявляются министерствами, но в большинстве случаев существует своеобразная закольцовка, когда получателями средств оказываются именно те, кто объявляет тендер и имеет возможность определить якобы выигравшего этот тендер. Цифры «отката» чиновнику по экспертным оценкам колеблются от 50 до 100%.

В этих тендерах, как правило, участвует образовавшаяся в годы либерализации и внешнего управления Россией и усиливающаяся сегодня идейная монополия. Она включает научно-экспертные центры, отраслевые институты и группировки, неформально связанные с властными центрами принятия решения о финансировании.

Вместе с тем такой национальный научно-экспертный потенциал, как Российская академия наук, иные различные научно-экспертные центры (в том числе связанные с региональной, отраслевой и иной множественной тематикой, коррелирующей с интересами всех групп интересов в стране) практически не имеют возможности участвовать в бюджетном заказе. Одна из иллюстраций, показывающая топологию этого коррумпированного пространства, приведена на рис. 5.

Пространство научно-экспертного обеспечения федеральной государственной власти монополизировано. Конкуренции парадигм практически не происходит. Одна из них – это, конечно, государственная ответственность за экономический рост и развитие. Вторая – тривиальный либерализм, в основном выраженный в монетаризме и примате финансовой стабилизации. Существует идейно-организационная связь финансово-экономического блока правительства, ключевого Министерства экономического развития и торговли с отраслевыми и, назовем их, «своими» институтами. Такими как институт Гайдара, система научных фондов, научно-экспертная империя госуниверситета – Высшей школы экономики, тесно сотрудничающая со структурой под названием

Центр стратегических разработок. Очень четко в поле кланового интереса позиционирован РСПП, который открыто говорит, чьи интересы выражает. Это целый шлейф институтов, центров и так далее. Финансируются они, как известно, через широкий поток зарубежных грантов, в том числе зарубежных правительственных займов через бюджетную процедуру, крупнейшим капиталом и, что самое интересное для анализа, самым российским бюджетом.

Рис. 5. Монополизированное пространство научно-экспертного обеспечения федеральной государственной власти (конкуренция парадигм)

Можно составить сопоставительную таблицу для двух парадигм на фоне только что предъявленной топологии пространства принятия решений (табл. 3). Обращает на себя внимание, что преобладающие интересы олигархического бизнеса, транснациональных корпораций, мировых центров – это – по результатам и трендам – ослабление Российской Федерации как научно-технической, обороноспособной державы, закрепление сырьевой ориентации, что тоже в цифровом статистическом отношении легко доказуемо, фактическое пренебрежение здоровьем и жизнью населения и регионов страны.

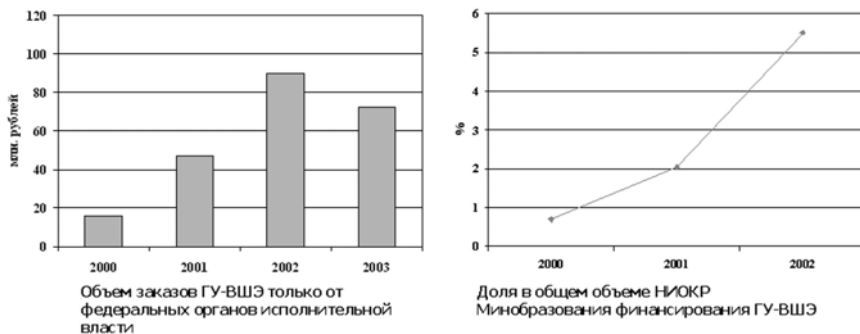
**Как формируется идейная монополия
на государственную экономическую политику**

Существующая и нарождающаяся парадигмы экономической политики	
Нарождающаяся: государственная ответственность за экономический рост и развитие	Существующая де-факто: примитивный либерализм (финансовая стабилизация)
1. Идейная целевая установка	
<ul style="list-style-type: none"> – национальная безопасность; – национальные интересы; – территориальная целостность; – уровень жизни населения; – экономический рост и развитие; – несырьевая модель экономики 	<ul style="list-style-type: none"> – преобладающие интересы олигархического бизнеса, транснациональных корпораций, центров силы (США и альянс) и геополитических конкурентов; – ослабление РФ как научно-технической, обороноспособной державы; – закрепление сырьевой ориентации; – пренебрежение здоровьем и жизнью населения и регионов страны
2. Средства достижения целей	
<ul style="list-style-type: none"> – стимулирование экономического роста и развития (удвоение ВВП); – государственное управление и регулирование; – активизация внутренних источников; – программно-целевое управление; – уход от сырьевой модели; – выравнивание развития регионов 	<ul style="list-style-type: none"> – финансовая стабилизация (монетаризм, сжатие спроса, стагнационное развитие); – реформы ради реформ, как самоцель (внеэкономические либерализация, приватизация, демонополизация естественных монополий); – отстранение государства от управления и регулирования в экономике
3. Научно-экспертные структуры поддержки	
	<p>Центр стратегических разработок; Государственный университет – Высшая школа экономики; Институт экономики переходного периода; Академия народного хозяйства; Отраслевые институты МЭРТ, Миннауки и образования, Минфина; Ряд аффилированных с ними аналитических центров</p>
4. Финансовые ресурсы	
	<p>Бюджетные НИОКР (МЭРТ, МФ, Миннауки, Минпромэнерго); Гранты (запад); Крупный бизнес (олигархи); Транснациональные корпорации</p>

Объективный анализ показывает возможность установки иных идейно-ценностных функций цели государственного управления. Таких, как национальная безопасность, национальные интересы, территориальная целостность, уровень жизни населения, экономический рост и долгосрочная устойчивость развития, несырьевая модель подъема экономики.

Соответственно, как видим, средствами достижения антицелей являются финансовая стабилизация, монетаризм, сжатие спроса, стерилизация денежной массы, реформы ради реформ, когда средства превращаются в цель, отстранение государства от ответственности за управление и регулирование экономикой, торжество негодного принципа, провозглашающего лозунг: государство должно уйти из экономики. То, что делают власти сегодня.

Вместе с тем потенциально существуют другие средства – инвестиционное стимулирование экономического роста и развития, государственное управление и регулирование и, как реализация неотъемлемой ответственности государства, активизация внутренних источников, программно-целевое управление с ценностными дифференцированными установками, уход от сырьевой модели, выравнивание развития регионов и т.д. Возвращаясь к вопросу инфраструктуры научно-экспертного обеспечения национальных решений, можно утверждать, что потенциально соответствующие центры, эксперты, разработки, программы и т.д. существуют, но нет механизма их вовлечения в реальное государственное управление. С точки зрения финансового обеспечения экспертной работы, картина почти такая же. Наиболее убедительно и красочно она выглядит в статистических графиках и гистограммах (рис. 6). Доля в процентах от общего объема бюджетного финансирования НИОКР Министерством образования в один-единственный адрес – Госуниверситет – Высшая школа экономики выглядит вполне убедительно. Если экстраполировать данные хотя бы на один год, то мы получаем десяток, а то и больше процентов всех бюджетных назначений только по одному адресу, олицетворяющему идейную концепцию тривиального либерализма. В абсолютных цифрах финансирование исчисляется десятками миллионов рублей только бюджетных денег. Вместе с тем к этому надо присовокупить существующее финансирование через зарубежные гранты и займы, как известно, сопровождающие вполне специфические интересы.

В 2004 году данные малодоступны.

Рис. 6. Финансирование идейной монополии

Возможно ли тем не менее конструктивно и организационно-функционально, в том числе и финансово, заполнить левую половину в картине сравнительной топологии научно-экспертной деятельности, приведенной на рис. 5? Имеется в виду иная парадигма, иная идеология, разворачивающаяся в технологическую множественность, а именно: государственная ответственность за экономический рост и развитие. Кто мог бы помочь правительству? У премьера нет экспертных структур, которые способны конкурировать с обрисованной примитив-либеральной империей.

Возникает вопрос. Есть ли в принципе альтернативный интеллектуально-экспертный потенциал в стране? Конечно, есть. Интеллект, опыт и ответственное понимание задач есть и в прикладных исследовательских центрах, отраслевых и региональных центрах, есть он в таких интегрирующих структурах, как Торгово-промышленная палата РФ, Российская академия наук. Есть и разработки, и творческий потенциал. Как его подвести и присоединить к первому и второму кабинету политической системы России?

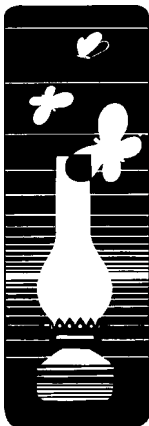
Очевидно, что есть возможность неких аналогий. Например, в виде центра типа Рэнд-корпорейшен, который мог бы на базе структурно выстроенной организации как ядра привлекать ряд институтов, организаций, находить источники финансирования, прежде всего через заинтересованность групп интересов и управление бюджетным ассигнованием. Но при условии необходимого баланса интересов, включая презюмированные для самого государства. Понятно, что в это дело должен

вмешаться носитель иных представлений о ценностях, нежели нынешний финансово-экономический блок правительства. Правовой анализ самой возможности такой структуры и ее организационной имплементации показывает, что это реально¹⁰. Но вопрос, от чего это зависит, несколько неопределенен. Сама возможность в силу сложившейся ситуации зависит от субъективного фактора, от воли первых лиц. А вот воздействие на эту волю – задача, которую еще надо решать.

Выводы

Россия сейчас находится в условиях, когда, к сожалению, государственно-управленческая деятельность в сфере экономической политики упрощена, по факту сведена к выражению узкогрупповых интересов, демонстрирует свою неспособность разворачивать всю множественность эффективных государственно-управленческих инструментов, мер, решений и действий. Исполнительные механизмы государственной власти находятся в подчиненности и зависимости от широко развитой и усиливающей свое позиционирование идейной научно-экспертной инфраструктуры и группировки, которая зациклена на примитивно-либеральных представлениях. Негативные процессы развиваются, и нарастание угроз очевидно. Выход возможен при активных наступательных действиях институтов гражданского общества и апелляции к субъективной воле конкретных лиц на высшем политическом уровне.

¹⁰ См.: Сулакишин С.С. *О постановке законопроектной работы правительства РФ. М.: Научный эксперт, 2004.*

Леонид Фридман

О МНОГОВАРИАНТНОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СОПОСТАВЛЕНИЙ:

РОССИЯ В ОКРУЖАЮЩЕМ МИРЕ¹

РОССИЯ В МИРЕ

In the second part of his article the author analyzes not just relationship of development levels of Russia, the US and other countries of West and East but also compares the absolute economic potentials of these countries (i.e., economic dimensions, economic power etc.) and other basic characteristics: area of their territories and populations. In result it becomes apparent that by beginning of the 21st century geo-economic position of Russia deteriorated considerably in comparison of what it used to be in the beginning of the 20th century. In 1913 GDP of Russian empire amounted to no less than 40–45% of the US economic potential and was, largely, in line with the similar indices of Great Britain and Germany; Russia's economic power was nearly threefold greater than that of Japan. By 2003–2004 relationship of economic forces among these countries changed drastically: now the total GDP of Russia does not exceed 12–14% of the US GDP and is roughly equal to GDP of France and Italy in the best case. At the same time Russia's GDP is one and a half time lesser than that of Germany and two and a half times lesser than that of Japan. It is expedient to take into account realities of the contemporary world and position Russia occupies within this world in setting of Russia's domestic and foreign policies designed for the medium-term future. The hour has struck when it is necessary to abandon former messianic aspirations and to ensure favorable external conditions for accelerated economic development of the country.

¹ Окончание. Начало см.: Россия XXI. 2005. №4.

**Сопоставления
относительных подушевых
ВВП различных стран
и регионов в 2003 г.
в постоянных ценах 1990 г.
и текущих ценах 2003 г.**

Анализируя масштабы экономического роста различных стран и регионов в 1913–2003 гг., мы использовали показатели подушевого дохода, рассчитанные в постоянных ценах и долларах 1990 г. При этом «накапливаются» ошибки и неточности, связанные с изменением структуры производства ВВП и ценовых пропорций «во времени и пространстве». Единственные уточнения полученных таким образом показателей производились применительно к России (1913, 2002, 2003 и 2004 годы) и Китаю (2003 и отчасти 1900-е гг.). Однако, следуя принципу многовариантности такого рода расчетов, целесообразно сопоставить некоторые результаты, полученные при использовании как неизменных цен 1990 года, так и аналогичных данных, рассчитанных в текущих ценах. Такое сопоставление можно произвести не по данным 1913 г. (таких цифр у нас нет), а по материалам 2003 г. Нами была составлена таблица-схема, в которой применительно к 2003 г. приводятся два ряда цифр. Поскольку невозможно прямо сопоставить данные о величине подушевого ВВП стран и регионов в ценах 1990 и 2003 гг., целесообразно использовать иной метод. Можно сопоставлять не абсолютные, а относительные показатели подушевого ВВП различных стран и регионов и аналогичного индикатора по США (т.е. в процентах к подушевому ВВП США). В этом случае различия в ценах, например, 1990 и 2003 гг. теряют свое значение. В таблице-схеме 7 все данные за 2003 г. приводятся в двух вариантах. Первый из них (столбец 2003 А) воспроизводит материалы, рассчитанные по ценам и в долларах 1990 г. Второй столбец (2003 Б) получен с использованием цен того же 2003 г. и рассчитан экспертами Всемирного Банка с учетом результатов последнего доступного им раунда международных сопоставлений.

Как видно из этих материалов, цифры, полученные с применением цен 1990 и 2003 гг., по большинству стран различаются незначительно. С учетом возможных и неизбежных неточностей, расхождения в один, два или даже три процентных пункта представляются не слишком существенными. Однако даже в группе стран с высоким подушевым ВВП некоторые различия достигают четырех, пяти и более процентных пунктов, причем применительно к отдельным странам такие различия меняют даже общую тенденцию в динамике соответствующего показателя. Это относится, в частности, к Германии и Швейцарии.

Так, если принять за основу данные А.Мэддисона по Германии в ценах 1990 г. и «продолженные» нами до 2003 г., то обнаруживается тенденция к снижению ее подушевого дохода в процентах к аналогичному показателю в США (68,9 и 64,5%). Однако прямое сопоставление этих индикаторов в ценах 2003 г. (столбец Б) рисует противоположную картину, ибо дает показатель, более чем на 8 процентных пунктов превышающий цифру столбца 2003 А (64,5 и 73,2%). Какая же цифра точнее отражает действительную тенденцию изменения этих индикаторов? Обращение к первоисточникам свидетельствует о том, что данные в столбце 2003 Б по всем экономически развитым странам рассчитаны с использованием материалов раунда международных сопоставлений 2000 года, которые не были доступны А.Мэддисону при подготовке его монографии, изданной в 2001 г. Следовательно, данные 2003 Б в целом правильнее отражают реальную динамику относительного уровня развития этих стран и всего региона Западной Европы.

Таблица 7

**Подушевой ВВП стран и регионов в % к уровню США
в 1913 и 2003 гг.²**

Страны и регионы	1913	2003 А	2003 Б	Страны и регионы	1913	2003 А	2003 Б
Зап. Европа	65,2	67,6	71,2	Венесуэла	20,8	30,4	12,6
Франция	65,7	73,2	73,2	Бразилия	15,3	19,1	19,9
Германия	68,9	64,5	73,2	Африка	12,0	5,2	3-4
Великобритания	92,8	72,2	73,7	Египет	17,0	10,6	10,5
Италия	48,4	66,4	71,4	Алжир	21,9	10,5	15,8
Швейцария	80,5	75,6	85,4	Марокко	13,4	10,1	10,5
Швеция	58,4	75,6	71,0	Тунис	16,7	17,1	18,2
Норвегия	47,2	85,0	99,5	ЮАР	30,2	14,7	27,4
Испания	38,8	56,3	58,7	Азия (без Японии)	11,9	12,2	10,2
Португалия	23,6	48,9	47,9	Китай	10,4	14,4	13,3
Австралия	97,3	77,7	75,4	Индия	12,7	7,0	7,7
Н.Зеландия	97,1	57,8	56,3	Ю.Корея	15,5	54,9	47,8
Япония	26,2	73,6	76,3	Таиланд	15,9	25,6	19,9
Лат. Америка	28,0	19,7	18,9	Малайзия	17,0	28,2	23,8
Мексика	32,7	24,3	23,9	Индонезия	17,1	11,8	8,6
Аргентина	71,6	25,6	29,1	Филиппины	19,9	8,7	12,4
Чили	50,1	35,6	26,2	Шри Ланка	23,3	13,2	10,0

² Подсчитано по: Maddison A. *The World Economy: Historical Statistics*. Paris, 2003 (далее – Maddison-2003). P.142–147, 182–185, 200, 262; *World Development Indicators 2004*. P.14–16; *World Development Report 2005*. P.256–257.

В 1913–2003 гг. Швейцария не отставала, а, напротив, несколько сблизилась по уровню экономического развития с США. Вместе с тем аналогичные данные по Швеции, напротив, несколько преувеличивают (столбец А) степень ее сближения по уровню подушевого ВВП с США (75,6 и 71%). Материалы по Норвегии, полученные разными способами, характеризуются еще большими различиями (85 и 99,5%) и свидетельствуют о том, что в 2003 г. Норвегия вплотную приблизилась к Соединенным Штатам по величине подушевых показателей. В отличие от Норвегии, динамика искомого показателя по Италии 2003 г. (66,4 и 71,4%) различается гораздо меньше и не превышает пяти процентных пунктов, но при этом выявляется дополнительная особенность изменений, типичных для большинства стран Западной Европы, включенных в таблицу.

Величина индикаторов относительного развития Франции, Германии и Великобритании почти одинакова и колеблется вокруг 73–74%, а аналогичных показателей по Италии, Швеции и всего региона Западной Европы составляет около 71%. Иначе говоря, все эти страны существенно сблизились к 2003 г. по общему уровню экономического развития, измеряемому подушевым ВВП.

В отличие от этой группы развитых стран, данные по Испании, Португалии, Японии, а также Австралии и Новой Зеландии, рассчитанные двумя методами, практически не отличаются или мало отличаются, поскольку различия между ними не превышают одного – трех процентных пунктов. Если же проанализировать изменения относительного положения этих стран при их сравнении с США, то оказывается, что наиболее резкий сдвиг в динамике соответствующего показателя произошел в Японии. Последняя к 2003 г. либо вышла на уровень развития Франции, Германии и Великобритании (столбец 2003 А – 73,6%), либо даже превзошла его (столбец 2003 Б – 76,3%). Весьма серьезные изменения произошли также в Испании и Португалии, которые резко сократили свое отставание от США по уровню подушевого ВВП. При этом становится очевидным, что именно Португалия занимает среди стран этой группы особое положение, находясь на ее нижней границе (48–49% от уровня США). И, наконец, изучение динамики относительного уровня подушевого ВВП в Австралии и Новой Зеландии свидетельствует о следующем. В отличие от других развитых стран, в период с 1913 по 2003 г. они все больше отставали по темпам экономического роста, и в результате намного увеличилось расстояние, отделяющее их от США в мировом экономическом пространстве.

Различия в величине среднерегионального показателя по Латинской Америке в 2003 г. (19,7 и 18,9%), а также аналогичного показателя по Мексике (24,3 и 23,9%) и Бразилии (19,1 и 19,9%) незначительны, и ими можно пренебречь. Но данные по Чили на 2003 г. различаются очень существенно (35,6 и 26,2%). К тому же последняя цифра получена на основе итогов раунда 1996 г., которые в принципе были доступны А.Мэддисону. Остается открытым вопрос о причинах столь больших расхождений в относительной величине подушевого ВВП в Чили. Ведь если придерживаться данных столбца 2003 Б, т.е. прямого сопоставления подушевых доходов Чили и США в ценах 2003 г., то напрашивается вывод об ухудшении этого индикатора почти в два раза с 1913 по 2003 год. Однако, какая бы из этих цифр ни оказалась более точной, это не изменит общей тенденции – резкого ухудшения относительного показателя, характеризующего динамику экономического положения Чили на протяжении XX века.

Еще больший интерес представляет динамика изменений относительного уровня развития Венесуэлы. По материалам, базирующимся на расчетах А.Мэддисона, с 1913 по 2003 г. произошло увеличение подушевого ВВП Венесуэлы, и этот показатель, составлявший в 1913 г. около 21%, достиг к 2003 г. уже более 30% от аналогичной величины в США. В этой системе координат подушевой ВВП «нефтяной» Венесуэлы увеличился за 90 лет почти в 7,8 раза.

Расчеты подушевого ВВП Венесуэлы, основанные на итогах раунда международных сопоставлений 1996 г., дают совершенно другую цифру – не более 12,6% от аналогичной величины показателя по США в том же году. Проверка устойчивости этих данных по материалам 2002 г. обнаруживает еще более низкую цифру, не превышающую 11 с небольшим процентов. Таким образом, можно с достаточной долей уверенности полагать, что подушевой ВВП в Венесуэле увеличился за 90 лет не в 7,8, а лишь в 3,3 раза. Остается непонятным, почему в монографиях А.Мэддисона не использованы результаты раунда международных сопоставлений 1996 г. Что касается Аргентины, то здесь данные столбца 2003 Б несколько выше результатов А.Мэддисона; но это, как и в случае с Чили, не меняет сколько-нибудь существенно общей негативной тенденции изменений ее обобщающих экономических характеристик в период с 1913 по 2003 г.

Переходя к изучению аналогичных материалов по странам Африки, можно констатировать почти полное совпадение показателей столбцов А и Б по Египту, Марокко и Тунису. В то же время обращает на

себя внимание тот факт, что индикаторы столбцов **А** и **Б** по ЮАР различаются почти в два раза, причем, по данным А.Мэддисона, относительное положение этой страны при сравнении с США ухудшилось также вдвое. Однако прямое сопоставление подушевых показателей ВВП ЮАР и США, осуществленное экспертами Всемирного Банка в ценах 2003 г., рисует противоположную картину. По этим данным, величина искомого показателя хотя и сократилась в 1913–2003 гг. (30,2 и 27,4%), но изменилась незначительно.

Обращение к первоисточникам, использованным А.Мэддисоном, показывает, что он брал за основу цифру, полученную Саммерсом и Хестоном, согласно которой в 1993 г. подушевой доход ЮАР составлял не более 17% от аналогичного показателя в США. Но эта цифра не базировалась на широком сопоставлении уровней цен в ЮАР и США, а основывалась на применении косвенных методов, и прежде всего регрессионного анализа. К сожалению, данные столбца 2003 **Б** также не являются итогом каких-либо раундов международных сопоставлений, а отражают как результаты регрессионного анализа, так и оценки экспертов Всемирного Банка. В прошлом итоги регрессионного анализа по некоторым странам оказывались далеко не точными. Поэтому лишь дальнейшие расчеты, базирующиеся на сравнении уровней цен в ЮАР и США по достаточно репрезентативному кругу товаров и услуг, позволят сделать вывод о предпочтительности вариантов **А** или **Б**.

Как видно из сравнения данных по Алжиру, цифры столбцов **А** и **Б** различаются достаточно существенно: более чем на 5 процентных пунктов, или в 1,5 раза; но они не меняют общей тенденции. Вопрос лишь в том, насколько изменилось к худшему относительное экономическое положение этой страны. К сожалению, и в данном случае прямое сопоставление подушевых ВВП Алжира и США в ценах 2003 г. базируется на результатах регрессионного анализа. Лишь дальнейшее изучение материалов первичного статистического учета позволит выявить наиболее близких к действительности результатов.

Анализ динамики подушевых ВВП по ряду стран Азии свидетельствует о том, что в Южной Корее они базировались на итогах раунда международных сопоставлений 2000 г., в Таиланде, Индонезии, Шри Ланке и на Филиппинах – на итогах раунда 1996 г., а в Малайзии – на итогах раунда 1993 г. Поэтому данные столбца 2003 **Б** по Южной Корее, возможно, точнее отражают изменения искомого показателя, тогда как аналогичные цифры по Малайзии не позволяют сделать вывод о предпочтительности вариантов **А** или **Б**. По-видимому, при проведении рас-

четов по Индонезии, Таиланду, Шри Ланке и Филиппинам эксперты Всемирного Банка руководствовались не только материалами раунда 1996 г., но и стремились учесть последствия финансово-экономического кризиса 1997–1998 гг., особенно тяжело отразившегося на положении в странах Юго-Восточной Азии. Поэтому данные варианта **Б** точнее отражают соотношения между подушевыми ВВП указанных стран и США.

Сравнение материалов столбцов **А** и **Б** по Китаю, Индии, а также средних показателей по Азии (без Японии) свидетельствует, что различия этих вариантов совершенно незначительны. Впрочем, данные варианта **Б** все же позволяют точнее определить реальное положение двух крупнейших по численности населения стран мира как в отношении друг друга, так и при сравнении с США.

Восстановительный экономический рост в России, его социальные последствия и перспективы

Наш комментарий к таблице-схеме позволяет проследить, как изменялось на протяжении XX века отношение стран и регионов к экономическому лидеру современного мира – США. Многие расчеты, проделанные исследователями и экс-

пертными группами международных организаций, нередко показывают различные, порою прямо противоположные, тенденции относительного развития тех или иных стран. Поскольку это затрагивает и Россию, приходится повторить, что выявляются два варианта ее экономической динамики. Первый и, на наш взгляд, наиболее вероятный дает простую количественную характеристику изменений ее положения в мире XX столетия: и в начале XX века, и в начале нынешнего столетия производство ВВП на душу населения составляло от 24% (вариант **Б** в нашей работе) до 27% (вариант **В** нашей работы) от аналогичного показателя в Соединенных Штатах Америки. Второй, гораздо более пессимистический и менее вероятный вариант рисует иную картину, согласно которой к 1913 г. производство ВВП на душу населения в России достигало почти 30%, а в 2003–2004 гг. – тех же 24–27% от уровня США. В рамках первого варианта положение России в ее отношении к США не изменилось или почти не изменилось, тогда как по второму варианту оно все же несколько ухудшилось к началу XXI века. Но все эти относительные показатели отражают лишь одну сторону происходивших перемен; другая их сторона характеризовала изменение абсолютных величин разры-

ва между Россией и развитыми странами Запада, и прежде всего – США. Если в 1913 г. подушевой показатель ВВП России составлял 1 300–1 600 долл., а США – 5 300 долл., то абсолютная величина разрыва между этими величинами не превышала 3 700–4 000 долларов. В 2003 г. подушевой ВВП США в тех же долларах 1990 г. достигал примерно 28 900 долл., а России – около 6 900 долл. Иными словами, абсолютный разрыв между величиной этих показателей в начале нынешнего столетия достиг уже 22 000 долл., или увеличился за 90 лет в 5,5 раз.

У людей, не слишком искушенных в математике, может возникнуть вопрос. Если относительный разрыв между Россией и США по уровню экономического развития не изменился или очень мало изменился, то как же произошло столь резкое, многократное увеличение абсолютного разрыва между размерами производства ВВП на душу населения в этих странах? Ответ на него достаточно элементарен. В 1913 г. 1% увеличения ВВП в США составлял 53 долл., а в России – 13–16 долл., т.е. примерно в 3 раза меньше. И с каждым последующим годом различия в «долларовом наполнении» каждого процента увеличения ВВП в этих странах возрастали. В итоге к 2003 г. 1% прироста ВВП США составлял уже 289, а в России лишь 69 долл. Именно таким образом постоянно расширялось «абсолютное» расстояние, отделявшее Россию от США в мировом экономическом пространстве.

В современном мире начала нынешнего столетия группа экономически развитых стран, или в другой терминологии стран с высокими доходами, включает те государства и территории, в которых подушевой доход составляет не менее, а, как правило, более половины аналогичного показателя в США. В этом можно убедиться, взглянув на список стран с высокими доходами, регулярно публикуемый в таких ежегодниках Всемирного Банка, как «Индикаторы мирового развития» и «Отчеты о мировом развитии». Подушевой ВВП России составляет ныне примерно четверть от его величины в США и около половины аналогичного показателя в Португалии. Быть может, именно поэтому на смену «гонке за США», в которой участвовал СССР на протяжении 30-х – 80-х годов XX в., пришла гораздо более скромная, но одновременно и реально достижимая стратегическая задача. Теперь за 10–15 лет мы можем при наличии благоприятных внутренних и внешних предпосылок и при условии ежегодного увеличения ВВП на 7–7,5% более чем вдвое увеличить свой ВВП и вплотную приблизиться к границе, отделяющей экономически развитые государства от основного массива развивающихся стран.

Ныне Россия по уровню экономического развития «соседствует» с такими странами, как Мексика или Малайзия, а через 10–15 лет при выполнении отмеченных выше условий она может достичь уровня таких стран, как Португалия, Греция, Южная Корея или Израиль. Это, конечно, далеко не столь амбициозная цель, и ее нельзя сравнить с лозунгом «догнать и перегнать Америку», который многие годы и десятилетия согревал или бередил душу гражданам СССР. Но и решение этой задачи («догнать и перегнать» Португалию, Грецию, Южную Корею...) – дело крайне трудное, а по мнению многих, – и не слишком реальное.

Правда, за 5 лет восстановительного экономического роста, с 1999 по 2004 г., ВВП России, по официальным данным, увеличился на 38–39%, т.е. ежегодно возрастал в среднем на 7,7%, а в расчете на душу населения – еще быстрее. Последнее обстоятельство связано с тем печальным фактом, что в результате «естественной убыли» постоянное население России ежегодно не увеличивалось, а сокращалось на 0,2–0,5%. Иначе говоря, на протяжении этих лет экономический рост даже превышал те показатели, которые требовались для достижения поставленной цели. Однако вопрос в том, насколько устойчивой является эта тенденция.

В прошлом, в ходе восстановительного экономического роста, после гражданской и после Великой Отечественной войны, экономика страны также развивалась высокими темпами... В ближайшие два–четыре года при сохранении ежегодного темпа роста в 7% ВВП России выйдет на уровень 1989–1990 гг., причем, в отличие от прошлого, будет осуществляться производство тех товаров и услуг, которые действительно нужны потребителям. И тогда неизбежно встанет вопрос, каким окажется характер экономического роста в России. Будет ли он по-прежнему опираться преимущественно на энерго-сырьевые отрасли, ориентирующиеся на экспорт своей продукции по ценам мирового рынка, или возрастающую роль станут играть факторы, определяющие внутренний спрос на товары и услуги. При первом сценарии, т.е. продолжающейся ориентации на вывоз энергоносителей, а также различных видов минерального сырья и продуктов его первичной переработки, страна неизбежно столкнется с непредсказуемыми изменениями цен на эти вывозимые товары. Как и в прошлом, эти цены могут и будут изменяться как в сторону повышения, так и понижения, причем пока еще не удавалось предсказать их реальную динамику на протяжении многих лет. В этих условиях экономический рост неизбежно будет оставаться неустойчивым,

так что периоды высоких темпов могут сменяться годами низких темпов или даже спада производства.

Гораздо большую устойчивость динамике современного экономического роста придают внутренние факторы: увеличение спроса на товары и услуги со стороны населения; развитие не только экспортных, но и широкой номенклатуры отраслей обрабатывающей промышленности и сферы услуг, успешно конкурирующих с импортной продукцией и удовлетворяющих возрастающие потребности их потребителей внутри страны. Только будущее покажет, в какой мере будет реализовываться и сможет ли вообще быть реализована эта еще более трудная задача.

На новом этапе развития, после завершения восстановительного экономического роста, вновь возникает сакраментальный вопрос. А какой ВВП нам нужен? Ведь в прошлом производство и потребление «советского ВВП» характеризовалось невообразимо высокой долей ВПК и инвестиционного комплекса, низким удельным весом личного потребления, постоянным дефицитом сколько-нибудь качественных товаров и услуг, постоянной «замороженностью» огромных средств в незаконченном строительстве и многими другими аналогичными чертами, хорошо знакомыми среднему и старшему поколениям россиян. Поэтому нам нужен не «всякий» рост ВВП, а такое его увеличение, которое будет обеспечивать постоянное улучшение условий жизни народного большинства и, в свою очередь, опираться на возрастающий спрос основной массы населения.

Вот почему особенно актуально проанализировать те тенденции, которые характеризуют изменения в положении народного большинства, происшедшие в 90-е годы и в начале нынешнего столетия. Если попытаться ответить одним словом на вопрос о том, как изменялось это положение, то можно сказать, что все эти изменения отличались глубокой противоречивостью. Сама официальная статистика рисует нам крайне противоречивую картину. С одной стороны, индекс физического объема розничного товарооборота, проходящего через все каналы реализации, уже в 2003 г. превысил на 15–20%, а в 2004 г. – на 25–30% уровень 1990 г. И хотя точность этих средних цифр почти неизбежно вызовет сомнения у многих массовых потребителей, в стране действительно, несмотря на долгие годы кризиса, произошли многие благоприятные изменения в сфере потребления промышленных товаров и особенно товаров длительного пользования.

Почти полностью обновился и качественно улучшился «парк» телевизоров, холодильников, стиральных машин; существенно расширились

телефонизация и особенно «автомобилизация», которая ныне, по разным данным, охватила уже от трети до 40% всех семей; в быт городского населения прочно вошли персональные компьютеры, сотовые телефоны (к марту 2005 г. их число, по некоторым данным, превысило 80 млн.!), и все быстрее расширяется доступ к Интернету, открывающему широкие возможности в получении и переработке новейшей информации в режиме реального времени. Гораздо большее число семей, чем раньше, смогло лучше одеться и обуться, приобрести или построить загородные домики. Наконец, за сравнительно короткое время исчез дефицит товаров и услуг, отравлявший жизнь и «пожиравший время» поколений советских людей. Уже в 90-е годы все более массовый характер приобрели поездки за границу и с деловыми целями, и в качестве туристов. Все это реальные показатели улучшения и прогресса в жизни основных слоев населения России в 1990-е и начале 2000-х годов.

Однако, с другой стороны, одновременно с этими реальнымиобретениями сухая статистика свидетельствует о том, что индексы средних реальных располагаемых доходов и реальной заработной платы даже в 2003–2004 гг. не превышали 75–80% от уровня 1991 г., не говоря уже о максимальном уровне докризисных 1988 и 1989 гг. И даже с учетом «неформальных заработков», выдаваемых в так называемых конвертах, реальная заработная плата большинства экономически активного населения в годы кризиса, да и в ходе восстановительного экономического роста, остается ниже ее максимального «советского» уровня. За последние 15 лет резко снизилась также покупательная способность пенсий, были полностью потеряны личные сбережения граждан, накопленные к началу 90-х гг.; немалое число людей вновь потеряли часть своих сбережений в результате дефолта и банковского кризиса 1998 года. На протяжении 90-х годов в большинстве регионов России получили массовое распространение задержки в выплате заработков, пенсий и социальных пособий. В период кризиса, впервые за многие десятилетия, широко распространились безработица и неполная занятость, охватывавшие в разное время многие миллионы людей. Средние показатели потребления продуктов питания также рисуют крайне противоречивую картину: в рационе основной массы населения повысился удельный вес хлебных и овощных продуктов и картофеля, но снизилось потребление мяса и мясопродуктов, молока и молочных продуктов. Конечно, советская статистика явно приукрашивала масштабы потребления наиболее качественных продуктов, но и с учетом соответствующих поправок потребление мясомолочных продуктов в расчете на душу населения в

90-е годы существенно снизилось, да и ныне не достигает докризисного максимума.

Немалое значение имеют и перемены, происходящие в сфере экономической и социальной инфраструктуры. С одной стороны, можно констатировать более чем двукратное увеличение числа студентов, обучающихся в системе высшего образования; появление новых форм и методов обучения, переоснащение современными техническими устройствами части университетов, гимназий и школ. Но, с другой стороны, налицо упадок и деградация систем дошкольного воспитания и летнего отдыха детей, сужение сферы бесплатного среднего профессионального образования, рост отсева из школ и появление детской беспризорности. Ряд исследователей констатирует проявление тенденции к снижению качества среднего и высшего образования, а также медицинского обслуживания населения. Огромную, все еще недооцененную опасность для будущего страны представляет ухудшение общих условий функционирования фундаментальной и прикладной науки, начало (или продолжение?) процесса ее провинциализации. Остается нерешенной проблема жилищного и коммунального обслуживания, некоторым звеньям которого грозит деградация и распад.

Наконец, в 90-е и начале 2000-х годов продолжается процесс все большей дифференциации и даже поляризации доходов, расширяется пропасть, отделяющая те слои и группы, которые выиграли от преобразований и реформ, от слоев бедствующих, проигравших, не сумевших приспособиться к новому строю жизни. Удельный вес таких семей весьма велик и постоянно колеблется в пределах 30–20%. К тому же большинство семей в чем-то выиграло, а в чем-то и проиграло, что усиливает объективные противоречия и в положении, и особенно в сознании этого народного большинства. Неустойчивость в положении и сознании большинства населения во многом препятствует и повышению устойчивости всей экономики страны, создает преграды на пути ускорения темпов экономического роста.

Но и это не все. Именно в 90-е и в начале 2000-х годов резко повысился импортный компонент во всем фонде потребления товаров и услуг населения России; средства для этого обеспечивались расширяющимся экспортом нефти, газа, черных, цветных, редких и драгоценных металлов, некоторых видов продукции химической, лесной и деревообрабатывающей промышленности. Вновь и вновь воспроизводился тот характер экономического роста, который не может обеспечить его устойчивости.

Конечно, в мире есть примеры того, как ряд государств во второй половине XX в., именно благодаря экспорту сырья и, в первую очередь, энергоносителей, сумели преодолеть границы отсталости и войти в круг стран с высокими доходами. Но число этих стран невелико и, как правило, это государства со сравнительно небольшой численностью населения, обладающие крупными и даже сверхкрупными месторождениями и экспортными ресурсами нефти и газа. К числу таких стран относятся Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Катар. В отличие от них, страны с несколько большей численностью населения, например, Саудовская Аравия (20–25 млн. жителей), а также Иран (66–68 млн.) и Мексика (более 100 млн.), несмотря на существенное, многократное повышение подушевого ВВП во второй половине XX в., так и не смогли войти в состав группы стран с высокими доходами.

Особенно характерен в этом отношении пример Мексики, ибо она по численности населения гораздо более сопоставима с Россией, чем другие упоминавшиеся выше страны. В Мексике, являющейся сравнительно крупным производителем нефти, не удалось повысить уровень подушевого ВВП даже в масштабах, сопоставимых с российскими. Но не только в Мексике, но также и в Венесуэле, население которой составляет не более четверти от мексиканского, огромные экспортные доходы от продажи нефти не обеспечили стране быстрый и устойчивый экономический рост.

Что же касается группы развитых стран, в которых сырьевые отрасли имели большое значение, то здесь также открывается противоречивая картина. Только Норвегия, с ее небольшим населением, благодаря росту добычи и экспорта энергоносителей, сумела добиться в конце XX в. резкого повышения темпов экономического роста и вплотную подошла к США по уровню подушевого ВВП, рассчитанного по ППС валют (а по его валютному компоненту даже превысила этот уровень). Однако если сравнить масштабы добычи, и особенно экспортные ресурсы нефти и газа в Норвегии и России, то выяснится, что в 90-х и начале 2000-х годов в расчете на душу населения в России добывалось в год 2–3 тонны, а в Норвегии 28–30 тонн нефти, т.е. в 10–15 раз больше. Если же сравнить экспортные ресурсы нефти у обеих стран, то эта разница увеличится до 20 и более раз. Аналогичные результаты дает и сравнение экспортных ресурсов газа в обеих странах. При столь больших различиях подушевых показателей экспорта энергоносителей, а следовательно, и доходов от них нельзя не прийти к следующему выводу. Россия с ее 145-миллионным населением, в отличие от Норвегии с ее 5-мил-

лионным населением, никак не сможет использовать доходы от экспорта энергоносителей в качестве основного рычага ускоренного экономического роста и повышения жизненного уровня населения в такой степени, в какой это оказалось доступным (по крайней мере, временно) для Норвегии.

Поскольку именно нефть сыграла особую роль в экономике ряда богатых ею стран, целесообразно привести данные, характеризующие сравнительную подшевую добычу нефти в этих странах. В России 90-х и начала 2000-х годов на душу населения в среднем добывалось около 3 тонн нефти. Чтобы точнее определить ее место среди других государств – крупных экспортеров нефти, – приведем следующие цифры. На первом месте прочно находился Кувейт, где в расчете на душу населения добывалось более 60 тонн. В Объединенных Арабских Эмиратах и Норвегии этот показатель – 30–33 тонны, в Саудовской Аравии – около 18–19 тонн, в Венесуэле и Ираке – по 5,5–6 тонн, в Казахстане – более 3,5 тонн, в Канаде – около 3 тонн, в Иране – 2,7 тонны, в Мексике, Азербайджане, Туркменистане и Великобритании – не более 2 тонн, в Австралии – несколько более 1 тонны, а в Нигерии и Бразилии – менее 1 тонны. Сопоставление этих цифр позволяет лучше понять реальное значение нефти в экономике указанных стран. Обычно, рассматривая проблему государств – крупных экспортеров нефти, исследователи, и особенно публицисты, ограничиваются сведениями об абсолютных размерах добычи и экспорта нефти. В то время как именно подшевые показатели гораздо точнее характеризуют ее реальное значение и возможности использования соответствующих доходов от экспорта для ускорения экономического роста в этих странах.

Наряду с нефтью, добыча природного газа также играет немаловажную роль, способствуя как обеспечению энергетических потребностей экономики, так и увеличению доходов от экспорта. В связи с этим целесообразно привести сравнительные данные, позволяющие лучше понять место России среди стран – крупных экспортеров природного газа. Добыча природного газа в расчете на душу населения достигает наибольших масштабов в Норвегии и ОАЭ (15 тыс. м³); в советский период истории Туркменистана максимальный уровень добычи составлял здесь даже 17–20 тыс. м³, но эти цифры не достигнуты после кризисного спада и вплоть до настоящего времени. В Канаде, Нидерландах и России максимальная подшевая добыча природного газа составляет около 5 тыс. м³ на душу населения. Наконец, в Саудовской Аравии в расчете

на душу населения добывается 3 тыс. м³, а в Малайзии, Узбекистане, Австралии и Великобритании – не более 2 тыс. кубометров³.

Трезво оценивая возможности России в деле использования нефти и природного газа для поддержания и тем более ускорения темпов ее экономического роста, надо еще принять во внимание следующее. В нашей стране внутреннее потребление нефти и природного газа составляет гораздо большую долю их добычи, чем в странах с гораздо меньшей численностью населения и менее энергоемким производством. Учитывая огромные абсолютные масштабы добычи нефти и газа в России, их увеличение даже вдвое представляется в ближайшей перспективе совершенно нереалистичным. А ведь если бы каким-то чудом России удалось все же за несколько лет удвоить добычу нефти и газа, это привело бы на мировом рынке к резкому превышению предложения над спросом на эти энергоносители. И в результате цены на них резко пошли бы вниз, а доходы России от «энерго-сырьевого» экспорта столь же резко сократились.

Все это показывает, что в России с ее сравнительно высокой энергоемкостью производства ВВП нефть и газ не могут стать столь же мощным фактором ускорения экономического роста, каким они являлись в Кувейте, ОАЭ, Саудовской Аравии, а также Норвегии, которая, впрочем, и до этого входила в «клуб стран» с высоким уровнем развития. Таким образом, «энерго-сырьевой» тип развития, с точки зрения перспективы, не может обеспечить России устойчивого экономического роста, хотя и остается неизбежным, необходимым и целесообразным в современных условиях.

В то же время пример Японии, Южной Кореи и Тайваня, которые не располагали столь крупными месторождениями энергоносителей и столь широкой гаммой минеральных ресурсов, какие имелись в России, свидетельствует о следующем. Во второй половине XX века, на протяжении жизни двух поколений людей, оказалось возможным преодолеть экономическое отставание от стран Запада и на основе индустриального (а ныне все более и постиндустриального) типа развития добиться 15–20-кратного роста подушевого ВВП и войти в группу стран с высоким уровнем подушевого ВВП.

Конечно, из этого вовсе не следует (как это иной раз постулируется некоторыми исследователями и особенно публицистами), что наличие

³ Подсчитано по: *Содружество Независимых Государств (далее – СНГ) в 2003 г. Статистический ежегодник. М., 2004; С.768–771; World Development Report 2005. P.256–257.*

богатой и разнообразной сырьевой базы скорее препятствует, чем способствует экономической динамике тех или иных стран. США располагают богатыми запасами и широкой гаммой природных ресурсов, что отнюдь не препятствовало высоким темпам экономического развития этой страны в XIX веке. Вообще, на ранних стадиях процесса индустриализации наличие богатых месторождений энергоносителей и других видов минерального сырья при прочих равных условиях способствовало ускорению темпов экономического роста. Но там и тогда, где и когда сохраняются традиционные докапиталистические, либо антирыночные структуры и институты, усиленная эксплуатация энергоносителей и других видов минерального сырья, сравнительно высоко оцениваемых мировым рынком, может способствовать сохранению и воспроизводству отживших свой век структур и институтов. А это создает серьезные препятствия на пути всесторонней модернизации народного хозяйства и общества в развивающихся странах.

Думается, что в свете мирового исторического опыта в такой огромной по территории и крупной по численности населения стране, к тому же обладающей сравнительно развитым человеческим потенциалом, какой является Россия, реальную перспективу ускорения экономического роста и придания ему устойчивого характера, а также всесторонней модернизации производства, общества и государства может обеспечить только индустриальный и постиндустриальный тип будущего развития.

Некоторые геоэкономические и геополитические выводы

Как нам представляется, приведенные выше материалы международной статистики и сделанные на их основе выводы достаточно убедительно свидетельствуют о следующем. Почти все межстрановые сопоставления обобщающих экономических показателей, и в первую очередь, ВВП и его модификаций, практически всегда отличаются многовариантностью и не могут претендовать на абсолютную точность. Этот вывод справедлив даже для 1990-х и начала 2000-х годов. Именно поэтому составители наиболее известных справочных изданий Всемирного банка в последние годы публикуют данные о подушевых показателях ВВП стран мира, рассчитанных по ППС валют, с точностью до 10 (а не как ранее до 1) долларов. Правда, и такая мера точности помещаемых там цифр преувеличивает степень их соответствия реальным изучаемым величинам. Что же касается мате-

риалов, отстоящих от нашего времени на 50 и тем более 100 лет, то здесь уже примерный интервал, в границах которого находятся искомые показатели, может достигать 50–100 долларов.

Между тем вплоть до настоящего времени даже самые серьезные исследователи межстрановых различий в контексте экономической истории часто приводят сведения о величине подушевого ВВП различных стран в 1900 или 1913 гг. с мнимой точностью до 1 доллара. Изучая эти данные, необходимо помнить о значительной мере условности подобных цифр и не преувеличивать реальное значение различий показателей, измеряемых несколькими долларами или даже двумя–тремя десятками долларов. Этот тезис приходится повторять потому, что сугубо научные проблемы, связанные с измерениями сравнительных уровней экономического развития тех или иных стран (в упрощенном виде – подушевых показателей ВВП), имеют отношение к аргументам, зачастую используемым в политических дискуссиях, ведущихся вокруг судеб России, ее прошлого, настоящего и будущего.

Одним из таких аргументов является утверждение, что «Россия, которую мы потеряли», т.е. пореформенная императорская Россия, двигалась семимильными шагами по пути экономического роста и должна была в короткие исторические сроки догнать передовые страны Запада. Далее обычно высказывается мысль, что это движение было прервано некоей исторической случайностью – Октябрьским переворотом 1917 г. Приведенные выше расчеты (независимо от выбранного варианта) показывают, что накануне Первой мировой войны подушевой ВВП России был либо немного ниже, либо практически равен среднемировому показателю. Даже в самый лучший довоенный, 1913, год Россия по величине этого индикатора находилась между группой наиболее развитых стран того времени, включавшей государства Западной Европы, Северной Америки и Океании (Австралия и Новая Зеландия), и основным массивом колониальных и зависимых стран Азии, Африки и Латинской Америки. Относительный уровень ее развития более или менее соответствовал величине аналогичных показателей в некоторых странах Южной и Восточной Европы (Португалия, Болгария, Румыния). Если взять весь период с 1870 по 1913 г., то окажется, что среднегодовой темп увеличения подушевого ВВП в Российской империи (1–1,1%) был ниже не только аналогичных показателей по Франции, Германии и Италии (соответственно 1,45; 1,61; 1,26%), но и среднего индикатора по Западной Европе (1,33%), не говоря уже о США (1,82%) и странах Латинской Америки

(также 1,82%). Уже в тот период и Япония развивалась более быстрыми темпами, чем Россия (1,48%)⁴. По динамике экономического роста Россия обгоняла лишь страны Азии и Африки (0,42 и 0,57%). К тому же показатели России оказались ниже и среднемирового индикатора (1,3%).

Здесь, однако, необходимо сделать важное уточнение. Сравнительно невысокий темп прироста подушевого ВВП в 1870–1913 гг. объясняется главным образом весьма низкой цифрой увеличения всего и подушевого ВВП в первые 20 лет после отмены крепостного права, т.е. в 1860-е и 1870-е годы, когда его среднегодовой темп не превышал 0,7%⁵. В 1885–1913 гг., когда начался процесс индустриализации и ускорилось развитие аграрного сектора, среднегодовой прирост подушевого ВВП России также ускорился. Пол Р.Грегори дает две оценки величины этого индикатора – 1,65 и 1,15. Российский исследователь экономического роста России, а также крупных стран Востока и Запада В.А.Мельянцеv полагал, что в конце XIX – начале XX века величина этого показателя достигала 1,4–1,6%, что в целом соответствовало средним индикаторам по странам Запада и Японии в период их промышленного рывка⁶. В свою очередь, Ангус Мэддисон в первом издании труда, посвященного мировой экономической истории, приводил следующие данные об увеличении ВВП в России и других странах за период с 1900 по 1913 г. (в процентах): в России – 22, США – 29, Германии – 22, Франции – 21, Италии – 43, Японии – 18⁷.

В свете высказанных ранее соображений о невысокой мере точности всех материалов, относящихся к началу XX века, и не придавая особого значения разнице в одну или две десятых процента, когда речь идет о темпах роста подушевого ВВП, можно тем не менее сделать несколько выводов (см. таблицу 8).

⁴ Maddison-2003. P.263.

⁵ Gregory P.R. *Before Command. An Economic History of Russia from Emancipation to the First Five-Year Plan. Princeton, 1994. P.24.*

⁶ Мельянцеv В.А. *Россия, крупные страны Востока и Запада: контуры долговременного экономического развития // Россия и окружающий мир: контуры развития. М., 1996. С.130.*

⁷ Подсчитано по: Maddison A. *Monitoring the World Economy 1820–1992. Paris, 1995 (далее – Maddison-1995). P.194–197, 200–201.*

Таблица 8

Россия в окружающем мире. 1913–2003 годы⁸

Страны	1913			1990			2003		
	Население	ВВП	ВВП/чел.	Население	ВВП	ВВП/чел.	Население	ВВП	ВВП/чел.
	млн.	млрд.\$	долл.	млн.	млрд.\$	долл.	млн.	млрд.\$	долл.
США	97,6	517,4	5301	250	5803	23201	291	10978	37750
Китай	437,1	241,3	552	1118	2109	1858	1288	6410	4980
Германия	65,1	237,3	3648	79,4	1264,4	15929	83	2279	27610
Индия	303,7	204,2	673	822	1098	1309	1064	3062	2880
Англия	45,7	224,6	4921	57,5	944,6	16430	59	1643	27690
Франция	41,5	144,5	3485	56,7	1026,5	18093	60	1652	27640
Италия	37,2	95,5	2564	56,7	925,6	16313	58	1546	26830
Япония	51,6	71,6	1387	123,5	2321	18789	128	3629	28450
Россия	А.170–175 Б.156–159 В.90–92	220-260 200-240 115-140	1300-1500 1300-1500 1300-1500	289 148	≈2000 ≈1200	≈6900 ≈8100	145	≈1300 (1500-1600*)	≈9000 (10500-11000*)
США	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%
Китай	445	47	10,4	447	36,3	8	443	58,4	13,3
Германия	67	46	68,8	31,8	21,8	68,7	28,5	20,8	73
Индия	310	40	12,7	329	18,9	5,6	366	27,9	7,7
Англия	45	43	92,8	23	16,3	70,8	20,3	15	73
Франция	43	28	65,7	22,7	17,7	78	20,6	15	73
Италия	38	19	448,4	22,7	16	70,3	19,9	14,1	71
Япония	53	15	26	49,4	40	81	44	33	76
Россия	А.175-180 Б.160-163 В.92-94	43-50 39-46 22-26	24-28 24-28 24-28	116 60	≈34-35 ≈21	≈30 ≈35	≈50	≈12 (≈14*)	≈24 (27*)

Примечания.

1) Все данные о ВВП за 1913 и 1990 г. даны в долларах 1990 г.; данные о ВВП в 2003 г. – в долларах 2003 г.

2) Россия: **А** – Российская империя (включая Финляндию и часть Польши); **Б** – Российская империя без Финляндии и Польши; **В** – Россия в границах современной Российской Федерации.

3) Все данные о ВВП России в 2000-х годах округлены.

* Эти данные относятся к 2004 году.

⁸ Составлено и подсчитано по: Илларионов А. Как Россия потеряла XX столетие // Вопросы экономики. 2000. №1. С.6; Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987. С.373; Maddison-1995; Maddison-2003.

Первое. На протяжении всего периода после отмены крепостного права и до начала Первой мировой войны Россия не только не сокращала, но увеличивала свое отставание от ведущих стран Запада. В начале XX в. темпы ее экономического роста значительно повысились, но и тогда они примерно соответствовали аналогичным показателям по странам Западной Европы, оставаясь несколько ниже величины соответствующего индикатора в США. Таковы реальные факты, и нет никакого смысла ни преувеличивать, ни преуменьшать исторически сложившийся уровень экономического развития России и его динамику во второй половине XIX и начале XX столетия.

Второе. Роль России в качестве одного из ведущих «игроков» на сцене общеевропейской и мировой политики определялась не относительным уровнем ее экономического развития, а такими важнейшими геополитическими и геоэкономическими факторами, как размеры территории, общая численность населения, а также абсолютные размеры народного хозяйства. В связи с этим достаточно красноречивы следующие цифры. Территория Российской империи составляла 22–22,5 млн. км² (в зависимости от того, включать ли в нее часть Польши и Финляндию), тогда как во Франции, Германии, Италии, Испании и собственно Великобритании величина аналогичного показателя не превышала 300–500 тыс. км². Даже территория США (около 9,4 млн. км²) была в 2,5 раза меньше территории Российской империи. Конечно, огромные колониальные владения Британской империи и Французской республики значительно увеличивали их «вес» в мировой политике, но все же вряд ли правильно просто суммировать территории метрополий и их колоний.

Что касается численности населения, то и здесь Российская империя (с Польшей и Финляндией) с ее 170–175 млн. жителей значительно превосходила такие страны, как Франция (41,5 млн.), Германия (65 млн.), Италия (37,3 млн.) и Великобритания (45,6 млн.), а также США (97,6 млн.). Разумеется, приведенные цифры по Великобритании, Франции, Италии и Германии также не включают данных о численности населения их колониальных владений. Но приходится повторить, что простое суммирование численности населения метрополий и колоний не вполне корректно⁹. Ведь речь идет о роли и значении различных

⁹ *Центральная Азия и Кавказ, даже если их без всяких оговорок рассматривать в качестве колоний Российской империи, в отличие от колониальных владений Великобритании, Франции, Италии или Германии того времени, не были отделены от метрополии морями*

стран в общеевропейской политике, которая накануне Первой мировой войны во многом и определяла мировую политику, а США в тот период не играли той активной и тем более решающей роли, которая принадлежит им в мировой политике начала 2000-х годов. Как видно из этих цифр, масштабы различий в численности населения между Российской империей и крупнейшими государствами Западной Европы были меньше, чем по размерам их территорий; это относится и к США.

Что касается абсолютной величины ВВП Российской империи и крупнейших стран Запада, то здесь сложилась совершенно иная ситуация. Даже с учетом Финляндии и части Польши весь ВВП Российской империи в 1913 году достигал 220–260 млрд. долл. (в зависимости от того, какой подушевой показатель ВВП мы берем за основу), а без Польши и Финляндии аналогичные цифры не превышали 200–240 млрд. долл. Между тем величина ВВП Франции в том же году составляла 144–145 млрд., Германии – 235–240 млрд., Италии – 95–96 млрд. и Великобритании – 224–225 млрд. долл.; ВВП США накануне Первой мировой войны составлял уже 515–520 млрд. долл.

Таким образом, если по величине территории Российская империя превосходила любую из крупных западноевропейских стран в несколько десятков раз, а по численности населения – в 2–3 раза, то по абсолютной величине ВВП она (даже с учетом Финляндии и части Польши) вряд ли превосходила Германию и Великобританию и примерно вдвое уступала США. Так изменялось соотношение ключевых геоэкономических и геополитических индикаторов Российской империи и стран Запада в зависимости от того, какой из них брать за основу сопоставлений. А поскольку экономическая мощь той или иной страны в значительной мере и определяет ее положение на мировой, континентальной и «региональной» арене, можно сказать следующее. В 1913 г. эти основные показатели в Российской империи, Германии, Великобритании оказались более или менее сопоставимы, поскольку разница между их величинами в каждой из этих стран носила скорее количественный, но не качественный характер. В то же время США уже накануне Первой мировой войны по своей экономической мощи примерно в 2–2,5 раза превосходили любую из крупных европейских стран. Однако в тот период по ряду причин они еще не втянулись в решение европейских дел, и полная реализация их экономических и политических возможностей и амбиций стала реальностью середины и второй половины XX столетия.

и океанами, а составляли единое «территориальное» целое.

Третье. После 1917 года СССР шел по пути «социалистической модернизации», представлявшей собой по сути один из вариантов догоняющего типа развития. На основе индустриализации, технического перевооружения основных секторов народного хозяйства, мобилизации людских и материальных ресурсов в условиях тоталитарной государственной политико-экономической системы было достигнуто существенное ускорение темпов экономического роста. Несмотря на страшные человеческие и материальные потери в годы Великой Отечественной войны и колоссальные жертвы, принесенные народами страны в период репрессий и террора 30–40-х гг., к началу 70-х гг. разрыв в уровне развития между СССР и США был существенно сокращен. Но и в этот период Советский Союз отставал от США по уровню производства подушевого ВВП примерно в 2,5 раза (а не в 4, как это было в 1913 г.). В то же время аналогичный разрыв по уровню потребления товаров и услуг, особенно с учетом различий в их качестве в обеих странах, продолжал оставаться гораздо большим.

В 70-е и 80-е годы антирыночная, командно-административная экономическая и политическая система СССР все более отчетливо обнаруживала черты застоя и загнивания. При этом парадоксальную роль сыграли так называемые нефтяные шоки 70-х годов, в результате которых в несколько раз повысились доходы от экспорта из СССР энергоносителей, главным образом нефти и газа. Это позволяло правящей номенклатуре, так сказать, поддерживать на плаву экономику, не проводя назревших и перезревших социально-экономических и политических реформ. В этот период темпы экономического роста СССР постепенно снижались. Но все же даже к концу 80-х годов масштабы отставания СССР от США по уровню производства (не потребления) подушевого ВВП оставались меньшими, чем в 1913 г. С учетом многовариантности имеющихся данных можно констатировать, что этот разрыв достигал не 4, как это было в 1913 г., а примерно 3 раз.

Еще более глубокие, радикальные сдвиги произошли в геоэкономическом и особенно геополитическом положении СССР. Прежде всего существенно изменилась геоэкономическая ситуация в Европе. Так, в 1913 г. абсолютная величина ВВП Российской империи была более или менее сопоставима с аналогичными показателями по Германии и Великобритании, несколько превосходя соответствующие цифры по Франции и Италии. А к 1989 году ВВП СССР (около 2 трлн. долл.) примерно вдвое превосходил величину аналогичных показателей во Франции (1 трлн. долл.), Италии (0,9 трлн. долл.), Великобритании (0,94 трлн.

долл.) и даже Германии (1,1–1,3 трлн. долл.). Таким образом, СССР, по-видимому, вдвое улучшил по сравнению с 1913 г. соотношение между своим экономическим потенциалом и размерами экономической мощи каждой из крупных европейских стран. Но по-иному изменилось соотношение экономических сил между СССР и США. Если в 1913 г. США примерно вдвое превосходили Российскую империю по своему экономическому потенциалу, то к концу 80-х годов абсолютная величина ВВП СССР оказалась меньше аналогичного показателя по США уже в 2,8 раза. Это было связано, в первую очередь, с различной динамикой демографических индикаторов в обеих странах: за период с 1913 по 1989 г. численность населения в СССР по сравнению с Российской империей возросла примерно в 1,5–1,6 раза, а в США за тот же период – в 2,5 раза. Таким образом, несмотря на сокращение отставания от США по уровню подушевого ВВП, общее соотношение экономических сил между СССР и США к концу 80-х гг. оказалось менее благоприятным для СССР, чем соотношение экономической мощи США и Российской империи в 1913 г.

Но было бы неправильно ограничиваться сопоставлением только геоэкономических показателей этих двух стран. Благодаря победе в Великой Отечественной войне СССР распространил свое влияние на государства Восточной и Центральной Европы. Ценой колоссальной централизации материальных, трудовых и интеллектуальных ресурсов в стране был создан мощный ракетно-ядерный потенциал и в 70–80-х годах достигнут военно-стратегический паритет с США. В результате СССР стал одной из двух сверхдержав, которые во многом определяли судьбы мира.

Однако именно чрезмерное напряжение материальных, трудовых и интеллектуальных ресурсов, связанное с милитаризацией всей экономики СССР (по ряду авторитетных оценок, военные расходы, в широком смысле этого термина, охватывали до 15–20% ВВП на протяжении 2–3 послевоенных десятилетий), послужило одним из важнейших факторов, обусловивших в конечном счете распад СССР. Разумеется, этот распад объяснялся комплексом экономических, социально-политических и иных проблем и противоречий, анализ которых выходит далеко за пределы этой работы. Но необходимо подчеркнуть, что с распадом СССР и появлением на его месте 15 новых независимых государств (ННГ) произошёл крупнейший геополитический сдвиг, сравнимый по своим масштабам с долговременными последствиями великих мировых войн XX столетия. И это не случайно. По сути дела, закончилась третья, «холод-

ная», война, в результате чего выиграло все человечество, избавившееся от угрозы вселенской ядерной катастрофы. Но в нашем реальном мире общечеловеческие интересы далеко не во всем совпадают с интересами национально-государственными или блоковыми. Приходится признать, что и в холодной войне были свои победители и свои побежденные. В результате произошло изменение баланса сил не только между Западом и Россией, перед которой стоит задача возрождения и развития на суженной демографической и экономической базе, но и между Россией и Востоком, где группа стран, в том числе такие азиатские гиганты, как Китай и Индия, ныне не только демонстрируют высокий динамизм развития, но и все более уверенно выходят на авансцену мировой политики и экономики. Если в 1913 г. Индия была английской колонией, а Китай являлся объектом экономической и политической экспансии стран Запада, а в дальнейшем и Японии, то ныне без этих стран невозможно решать ключевые вопросы мировой экономики и политики.

Четвертое. Три основных фактора обусловили изменение положения России в 90-х – начале 2000-х годов: распад СССР, отрицательная демографическая динамика в собственно России, а также глубокий экономический кризис 90-х годов и пришедший ему на смену восстановительный экономический рост 1999–2005 гг. В результате распада СССР территория РФ составила примерно 77% от территории СССР, ее население – примерно половину, а ВВП – около 60% от показателей по СССР конца 80-х годов. Отрицательная демографическая динамика привела к тому, что на место естественного прироста пришла «естественная убыль» населения. И, несмотря на то что, по официальным данным, положительное миграционное сальдо в 1991–2003 гг. составило около 4 млн. чел., общая численность населения в том же году не превышала 145 млн., т.е. сократилась за эти 12 лет более чем на 3 млн. чел.¹⁰ Глубокий экономический кризис трансформационного типа обусловил сокращение ВВП России в 1989–1998 гг. более чем на 40%; но в результате восстановительного экономического роста в 2004 г. он достиг 83%, а в расчете на душу населения – 85–86% от «советского» максимума производства, зафиксированного в 1989 г. Это означает, что еще через 2–3 года, при отсутствии крайне неблагоприятных изменений внешне- и внутриэкономического положения России, будет достигнут наивысший показатель советского периода российской истории, и притом – в ином качественном наполнении, в гораздо большей степени

¹⁰ См.: СНГ в 2003 г. С. 99, 110.

учитывающем потребности людей. Таков итог разнонаправленного действия политических, экономических и демографических факторов, обусловивших современное положение России в окружающем ее мире.

Как же подвести итоги ее развития не за какой-то ограниченный период времени, а на протяжении всего XX столетия? Известный российский исследователь межстрановых экономических сопоставлений А.Илларионов опубликовал интересную статью под красноречивым названием «Как Россия потеряла XX столетие»¹¹. Основные выводы статьи сводились к следующему. Если в 1913 году ВВП России на душу населения составлял 28% от американского и 96,7% от среднемирового показателя, то в 1998 г. соответствующие цифры не превышали 14,4% и 66,1%¹². Все данные за 1913 г. А.Илларионов привел из цитировавшейся ранее работы А.Мэддисона, опубликованной в 1995 г., а показатели за 1998 г. были рассчитаны им по материалам раунда международных сопоставлений 1993 г., продолженным по индексам производства ВВП за 1993–1998 гг.

По нашей оценке, цифра А.Мэддисона за 1913 г. несколько преувеличена, и реальный показатель колеблется, по-видимому, в пределах 24–26%. Что же касается цифры за 1998 г., то с использованием материалов раунда международных сопоставлений 1993 г. она действительно могла достигать 14–15%. Но очередной раунд международных сопоставлений 1996 г., несмотря на продолжавшееся снижение индекса производства ВВП в 1993–1996 гг., дал более высокий показатель по сравнению с 1993 г. (соответственно 24 и 20%). Таким образом, по материалам этого раунда подушевой ВВП России в 1998 г. мог составлять около 22% от американского показателя. Однако в следующем, 1999, году был проведен новый раунд международных сопоставлений по той же программе, согласно которому величина аналогичного показателя не превышала 18%, а последующий раунд 2002 г. дает уже цифру в 22%.

Сопоставление этих материалов позволяет выдвинуть следующее предположение. Использование какого-то одного раунда международных сопоставлений для подсчетов, охватывающих быстро меняющуюся, разнонаправленную экономическую конъюнктуру трансформирующейся экономики России, в данном случае привело к занижению ее уровня развития в 1998 г., когда экономический кризис достиг в России своей низшей точки. Что же касается 2003–2004 гг., то быстрый восстанови-

¹¹ См.: Илларионов А. Указ. соч. С.4–26.

¹² См.: Там же. С.9.

тельный экономический рост вновь значительно улучшил не только внутри-, но и внешнеэкономическое положение РФ. В результате ВВП на душу населения в 2003 году достиг около 24%, а в 2004–2005 гг. – не менее 26–27% от уровня США, как это и показано в таблице 8.

Если приведенные цифры будут подтверждены дальнейшими расчетами и материалами очередного раунда международных сопоставлений 2005 г., то это будет означать, что современная Россия по существу восстановила свой уровень развития по отношению к США, который был характерен для 1913 года. В таком случае трудно будет говорить о том, что Россия «потеряла XX столетие», по крайней мере, в своем «современии» с США. Правда, США в XX веке развивались медленнее, чем крупнейшие страны Западной Европы (кроме Великобритании), а также Япония или столь далекая от нас Бразилия. Но вряд ли на этом основании можно говорить, что Россия «потеряла XX столетие»: ведь в таком случае пришлось бы признать, что его «потеряли» и США, не говоря уже о Великобритании, Австралии, Новой Зеландии, а также Индии и даже... Китае.

Другое дело (и это не менее важно!), что в России, в отличие от США, стран Запада и Японии, не произошло перехода от энергосырьевой структуры экономики к хозяйственной структуре, базирующейся на производстве высокотехнологичных товаров и услуг. В результате трансформационного кризиса и частичной дезиндустриализации производства остается незавершенным даже переход от аграрно-сырьевой к промышленной стадии развития. Именно поэтому восстановительный и поствосстановительный экономический рост в России остается неустойчивым и в еще большей степени, чем раньше, зависит от колебаний внешнеэкономической конъюнктуры на мировом рынке энергоносителей и промышленного сырья. В этом смысле Россия (по крайней мере, отчасти) действительно «потеряла XX столетие».

Измерение среднемирового уровня развития (в текущих ценах и тем более в долларах 1990 г.) за весь период с 1913 по 2003–2004 гг. – очень трудное дело. Поэтому опубликованные в книгах А.Мэддисона показатели за 1913 год в будущем почти наверняка будут не раз пересматриваться. Но даже если воспользоваться этими данными, то выясняется, что в России уровень душевого ВВП более или менее соответствовал среднемировому показателю за 1913 г., но оказывается существенно выше его в 2003–2004 гг. Итак, и по этой второй важнейшей характеристике вряд ли справедлив вывод о том, что Россия «потеряла XX столетие».

Однако к началу XXI века соотношения *абсолютных* демографических и экономических потенциалов России – будь то с США или другими крупными странами Запада и Востока – действительно радикально изменились (см. таблицу 8). В 1913 году ВВП России составлял не менее 40–45%, а по максимальной оценке (с включением Финляндии и части Польши) – даже 45–50% экономического потенциала США и более или менее соответствовал величине аналогичных показателей Великобритании и Германии, почти втрое превосходя соответствующую цифру по Японии. К 2003–2004 гг. соотношение экономических сил между всеми этими странами резко изменилось. Теперь уже весь ВВП России не превышает 12–14% от аналогичного показателя по США и в лучшем случае соответствует экономическим размерам Англии, Франции и Италии, более чем в 1,5 раза уступая Германии и почти в 2,5 раза Японии.

Но теперь уже недостаточно только этих, так сказать традиционных, межстрановых сопоставлений: в мировой экономике неуклонно возрастает роль таких «стран-континентов», как Китай и Индия. И в связи с этим достаточно показательно, что из пяти крупнейших по экономическому потенциалу стран мира три находятся в Азии. Если принять за 100 экономический потенциал США в 2003 г. и расположить другие страны мира в соответствии с относительной величиной их ВВП, то второе место займет Китай (58%), третье – Япония (33%), четвертое – Индия (28%) и лишь пятое достанется крупнейшей западноевропейской стране – Германии (21%). И хотя по общему уровню экономического развития Китай и особенно Индия во много раз отстают не только от США, но и стран Западной Европы (а от России Китай отстает уже не в 2,5 раза, как это было в 1913 г., а менее чем вдвое), отнюдь не случайно Япония, Индия, а также латиноамериканский гигант – развивающаяся Бразилия – являются основными кандидатами на включение в состав постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Все эти геоэкономические и геополитические сдвиги свидетельствуют о том, что в условиях глобализации неуклонно продолжается процесс диверсификации и усложнения всех экономических и социально-политических структур современного мира. Десять лет назад в одной из работ, написанной совместно с М.Ф.Видясовой, я высказал следующее предположение: «...даже при самых благоприятных условиях (если подъем в России начнется с 1996–1997 г., если он станет непрерывным, а темпы экономического роста составят около 5% в год), потребуется 10–15 лет только для того, чтобы восстановить прежние объ-

емы производства. Но, поскольку и другие страны не будут стоять на месте, положение России в системе мировых экономических координат вряд ли резко изменится в лучшую сторону»¹³. Как показывают приведенные выше факты, в целом этот прогноз оправдался; правда, экономический рост начался не в 1996–1997 гг., а в 1999 г., но темпы его оказались выше 5%. Реалии современного мира и положение в нем России целесообразно учитывать при определении приоритетов ее внутренней и внешней политики, рассчитанной на среднесрочную перспективу. Настало время отказаться от прежних мессианских устремлений и обеспечивать благоприятные внешние условия для ускоренного экономического роста страны. Только последовательная модернизация всех хозяйственных и социально-политических структур при выдвижении на первый план «человеческого измерения» необходимых реформ позволит устранить накопившиеся деформации и расширить экономический потенциал страны, обеспечив разумный баланс ее внутренних и внешних, западных и восточных интересов¹⁴.

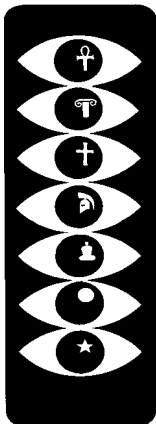
* * *

В конце сентября 2005 г. опубликован «World Development Report 2006» с данными о ВВП и ВНД стран мира за 2004 г.

- 1) Подтвержден наш вывод о том, что по результатам 2004 г. Россия впервые после 1991 г. перешла в подгруппу стран с «верхнесредними» доходами. Ее ВВП составил 582 млрд. долл. по обменному курсу и около 1600 млрд. долл. по ППС валют. В расчете на душу населения это примерно 11 тыс. долл. Следовательно этот показатель был равен 28 % подушевого ВВП США (39,7 тыс. долл.).
- 2) Саудовская Аравия по итогам 2004 г. вошла в группу стран с высокими доходами.

¹³ Фридман Л.А., Видясова М.Ф. Положение СНГ–Евразии в меняющейся структуре современного мира // *Россия и окружающий мир: контуры развития*. С.52.

¹⁴ В первой части статьи, опубликованной в предыдущем номере журнала, допущена опечатка. На с. 131 в таблице 5 в графе Южная Корея вместо (11588:820) = 14,1 следует читать (15869:820).

КОНЦЕПТЫ «РУСЬ» И «РУССКАЯ ЗЕМЛЯ» В МИРОВОЗЗРЕНИИ ДРЕВНЕРУССКИХ КНИЖНИКОВ XI–XV ВВ.

The author presents a new interpretation of «rus/Rus» and «Russian land» concepts origin and traces their genesis back to the specific mentality of ancient Russian scribes of the 11th-15th century. The author offers a new perusal of the phrase: «отъ варягъ боя прозвашася русью» («took their name "rus" from the varangians»). The conventional interpretation of this phrase from the «Povest' vremennykh let» («Chronograph») original manuscript corpus is that the very name «rus» was derived from the name of some varangian tribe which bequeathed its name to another ethnic group. The author insists that the phrase should be read as follows: «varangians called them "rus"». According to a mentality and a world view of ancient Russian scribes the name «rus» was derived under influence of Byzantine chronicles from the elected Biblical tribe Рўζ. Upon acceptance of Christianity in Russia a new concept «Russian land» appeared. That concept described a territory where the Orthodox faith dominated. As a Constantinople fell in 1453 and Moscow Russia emancipated itself from the Mongol-Tatar yoke in 1480 notions «Russian» and «believer in Orthodox faith» became synonymous while Moscow Russia as the only independent Orthodox state was perceived as the guardian of the Orthodox faith until the doom day which was expected to come in year 7000 (1492).

я
я
я

В науке, как отечественной, так и зарубежной, до сих пор не прекращаются споры о происхождении названий *русь*, *русский*: варяжском, южнорусском, греческом и т.д. До конца не определены и понятия, этими словами обозначаемые. Не существует и единого мнения о формировании и значении концепта *Русская земля*. И я не ставлю перед собой цель разобрать в данной статье различные точки зрения на поставленные выше вопросы¹ и выявить (**на основе уже моего субъективного мнения**) более предпочтительные ответы, поддерживая ту или иную научную гипотезу.

Мне бы хотелось взглянуть на проблему, так сказать, «изнутри», глазами древнерусских писателей, то есть предпринять попытку рассмотреть генезис концептов *русь/Русь* и *Русская земля* в мировоззрении древнерусских книжников XI–XV вв. и попытаться выяснить, что же они сами вкладывали в эти понятия.

«...От варягъ бо прозвашася Русью...»

Наиболее часто и концептуально осознанно понятия *Русь* и *Русская земля* используются в раннем русском летописании. И связаны они с общей историософской концепцией начальной русской истории, осмысленной через призму Священного Писания и изложенной древнерусскими книжниками в «Повести временных лет». Рассмотрим, когда же впервые используется концепт *Русь* и как понимает его летописец.

Древнейшая русская летопись, в недатированной части, начинает свое повествование с космографической теории расселения народов – потомков библейского Ноя праведного – после всемирного потопы: «По потопе трие сынове Ноеви разделиша землю, Симъ, Хамъ, Афетъ». Симу достались восточные страны, Хаму – «яся полуденная страна», «Афету же яшася полунощныя страны и западныя», в том числе и «реки Десна, Припеть, Двина, Волховъ, Вольга». И здесь впервые летописец перечисляет народы, которые оказываются в Иафетовой части земли: «В Афетове же части седают *русь* (здесь и далее выделено курсивом мной. – А.У.), чюдь и вси языци: меря, мурома, весь, морьдва, заволочьская

¹ См. обзор различных точек зрения в работах: Горский А.А. Проблема происхождения названия *Русь* в современной советской историографии // История СССР. 1989. №3. С.131–137; Петрухин В.Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т.1 (Древняя Русь). М., 2000.

чюдь, пермь, печера, ямь, угра, литва... Ляхове же, и пруси, чюдь преседять к морю Варяжскому. По сему же морю седять варязи...»².

**НЕСТОРЪ ПИШЕ ЖИТІА І ЛѢТА, ТРЪЖДІСА:
Ѧ КНИГИ ЖИВОТѦ Ѧ БѢЧУНОТѦ НА НѢБѢ ВПИСАА.**

Преподобный Нестор Летописец – монах Киево-Печерского монастыря в работе над «Повестью временных лет». Гравюра Л.Тарасевича из «Киево-Печерского патерика» 1702 г.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что летописец поместил *русь* среди других народов, причем чюдь упоминается в этом небольшом отрывке дважды: то в соседстве с русью, то в соседстве с варягами (отдельно названа заволочьская чюдь). Но, что важно, летопи-

² *Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси (далее – ПЛДР). XI – начало XII века. М., 1978. С.22–24. Далее страницы указываются в тексте статьи.*

сец не отождествляет русь и варягов. Более того, и в дальнейшем перечислении народов «колена Иафета» русь и варяги упоминаются отдельно, как самостоятельные народы, живущие в разных местах: «Афетово бо и то колено: варязи, свеи, урмане, готе, *русь*, агняне, галичане, во-льхва, римляне, немци, корлязи, веньдици, фрягове и прочие...» (С.24)³.

Таким образом, летописец сообщил о появлении на исторической арене нового народа – *руси*, географически разместив его среди европейских народов. Далее приводится языковая идентификация *руси*. По разрушении Вавилонского столпа, разделении народов и языков, потомки Иафета «прияша западь и полунощныя страны. От сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ словенескъ, от племени Афетова, нарци, еже суть словене. По мнозехъ же времянех сели суть словени по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. От техъ словенъ разидошася по земле и прозвашася имени своими, где седше на которомъ месте. <...> Тако же и ти словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане седоша в лесех <...> Словени же седоша около езера Илмеря, и прозвашася своимъ имянемъ, и сделаша градъ и нарекоша ѿ Новъгородъ. А друзии седоша по Десне, и по Семи, по Су-ле, и нарекошася северъ. И тако разидеся словенъский языкъ, темже и грамота прозвася словенская» (С.24–26).

Итак, согласно космографической теории летописца, словенский народ расселился на восток, дав начало восточнославянским племенам – полянам, древлянам, дреговичам, полочанам, новгородским славянам и т.д. И хотя племена были разные, у них сохранилось языковое (родовое) единство, поскольку общей грамотой была славянская: «Се бо токмо словенескъ языкъ в *руси*: поляне, древляне, ноугородьци, полочане, дреговичи, северъ, бужане, зане седоша по Бугу, послеже же вельняне. А се суть инии языци, иже дань дають *руси*: чюдь, меря, весь, мурома, черемись, морьдва пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нерома, либь: си суть свой языкъ имуще от колена Афетова, иже живутъ въ странахъ полунощныхъ» (С.28).

Надо полагать, что под «словенским языком» летописец подразумевает не славянскую речь (т.е. собственно язык в нашем понимании), а единство славянских родов (племен), составляющих *русь*. Ей, *руси*, противопоставлены «инии языци», которые также ведут свой род от колена Иафетова⁴, но имеют иную, не славянскую речь. «Бе единъ языкъ

³ Не могу поэтому согласиться с утверждением В.Я.Петрухина о том, что «русь имеет варяжское происхождение» (См.: Петрухин В.Я. Указ. соч. С.61).

⁴ Нельзя поэтому признать удачным перевод Д.С.Лихачевым приведенного пассажа:

словенескъ: словени, иже седаху по Дунаеви, их же приаха угри, и морави, и чеси, и ляхове, и поляне, яже ныне зовомая русь⁵. Симъ бо первое преложены книги мораве, яже прозвася грамота словенская, яже грамота есть в руси и в болгарех дунайскихъ» (С.40).

Общность славян и руси подчеркивается и одним их христианским учителем – апостолом Павлом. Поскольку «словенску языку учитель есть Павелъ, от него же языка и мы есмо русь, темъ же и нам руси учитель есть Павелъ, понеже учил есть языкъ словенескъ и поставилъ есть епископа и намесника по собе Андроника словенску языку. А словенский языкъ и русский одно есть, от варягъ бо прозвашася русью, а первое беша словене; аще и поляне звахуся, но словенская речь бе. Полями же прозвани быши, зане в поли седаху, а язык словенски един» (С.42).

Из приведенных выше пассажей получается, что восточнославянские племена, объединенные славянской речью, а затем и христианской верой, и представляют собою русь⁶.

«Вот кто только говорит по-славянски на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане... А вот другие народы, дающие дань Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимгола, корсь, нарова, ливонцы, – эти говорят на своих языках, они – потомство Иафета, живущее в северных странах» (С.29). Из перевода получается, во-первых, что Русь – это некая территория (государство), а во-вторых, по-разному переводится термин «язык»: то как славянская речь, то как народ, хотя в древнерусском тексте подразумевается одно понятие – народ (род). В связи с этим более удачным следует признать перевод О.В.Творогова: «Вот кто только славянские народы (выделено мной. – А.У.) на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане... А это другие народы, дающие дань Руси: чудь, весь, меря, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимгола, корсь, нарова, ливы, – эти говорят на своих языках, они от колена Иафета и живут в северных странах» (Библиотека литературы Древней Руси. Т.1. СПб., 1997. С.69). Но, как видим, разница наблюдается только в переводе первой фразы.

⁵ Из этого уточнения летописца получается, что теперь русью называются поляне как приемники целого колена Иафета, прежнее название которого ныне перенесено на одно из славянских племен.

⁶ Я умышленно пишу слово русь со строчной буквы, как оно обычно и писалось в рукописях. Публикаторы летописей поднимали первую букву по своему усмотрению там, где предполагали, что древнерусскими авторами подразумевается некое государственное образование Русь, и оставляли строчную там, где подразумевали народ русь. Это вносит путаницу в понимание концепта русь, поскольку искажает его восприятие древнерусским

Стало быть, концепт *русь* для древнерусского летописца имел и более древнее и более широкое значение, нежели *словене*. Хронологически их упоминание можно выстроить в следующей последовательности: *русь* → *словене* → восточнославянские племена. *Русь* воспринимается как библейский народ (а не государственное образование, которое подразумевается, когда это слово пишется с большой буквы), происходящий от Иафета. *Словене* и племена – как последующие в историческом времени производные образования, потомки библейской руси, а стало быть, по-прежнему – *русь*.⁷ Такое восприятие *руси* как библейского народа сохранится в древнерусском восприятии вплоть до XV века (см. ниже).

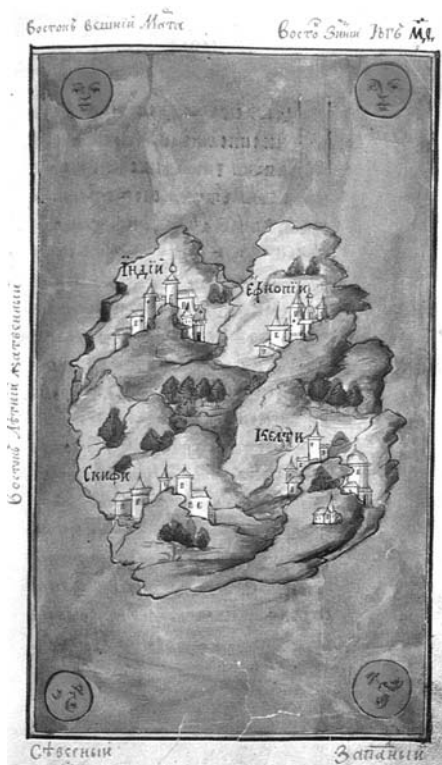
Характерно, что и византийцы в IX веке воспринимали *русь* как некий таинственный народ, отождествляя его с библейским народом Ρώς, упоминаемом в пророчествах и «Апокалипсисе».

Исследовавший этот вопрос М.Я.Сюзюмов пишет: «В греческом переводе пророка Иезекииля раз встречается название Ρώς: "И бысть слово Господне ко мне, глаголя, сыне человекъ, утверди лице свое на Гога и на землю Магога, князя Рос (Ρώς)". В "Апокалипсисе" указывается, что Гог и Магог перед концом света во главе бесчисленных войск сатаны подойдут к "священному граду". При том интересе, с каким византийцы относились к пророчествам о гибели мира, совершенно естественно, что схоластические комментаторы Библии стали искать, где же обитает этот страшный народ Ρώς. Большинство церковных комментаторов помещали страну Гога и Магога по ту сторону Кавказских гор, вообще куда-нибудь подальше на север, называя их гиперборейскими народностями (т.е. народами Севера) и скифами. Итак, название Ρώς было хорошо знакомо византийскому обществу задолго до появления русских. Опустошительные набеги русских в начале IX в. навели ужас на византийцев. К тому же созвучие названия "русь" с библейским

книжником. Концепт русь несет в себе понятие языковой (позднее – и религиозной) общности библейского народа, разделившегося в ходе своего исторического развития на восточнославянские племена и вновь объединившегося после крещения в единый русский народ, пасомый православной церковью. Этим, возможно, и объясняется титул митрополита Киевского и всея Руси, т.е. всего православного славяноязычного народа даже в тот период, когда киевский митрополит окормлял православных христиан сопредельного государства – Литвы.

⁷ В определенном смысле В.Я.Петрухин прав, когда говорит, что «начальная русь не принадлежала "словенскому языку"» (Петрухин В.Я. Указ. соч. С.61): это «словенский язык» принадлежит руси, поскольку происходит от нее.

"рос", конечно, не могло остаться незамеченным. Невольно могла зародиться мысль, что выступивший на историческую сцену русский народ – это и есть библейский народец Рѡс, ужасный своим именем, связанным с эсхатологическими пророчествами»⁸.

Страны света: Индеи, Скифи, Эфиопи, Кельти.

Миниатюра из рукописной «Христианской топографии Козмы Индиколопова», XVII в.

Посмотрим, где же географически древнерусский летописец помещает *русь*: «Поляномъ же жившимъ особе по горамъ симъ, бе путь изъ варягъ въ греки и изъ грекъ по Днепру, и верхъ Днепра волокъ до Ловоти, и по Ловоти внити в Ылмень озеро великое, из него же озера поте-

⁸ Сюзюмов М.Я. К вопросу о происхождении слова Рѡс, Рѡсѣа, Россия // Вестник древней истории. 1940. №2. С.121–122.

четь Волховъ и вѣтечь в озеро великое Нево, и того озера внидеть устье в море Варяжское... Днепръ бо потече из Оковскаго леса, и потечеть на полдне, а Двина ис того же леса потечет, а идетъ на полунощье и внидеть в море Варяжское. Ис того же леса потече Волга на вѣстокъ, и вѣтечь семьюдесять жерель в море Хвалисское. Темже и из Руси (руси)?⁹ – А.У.) можеть ити по Волзе в Болгары и въ Хвалисы, и на вѣстокъ дойти въ жребий Симовъ, а по Двине въ Варяги (варяги. – А.У.), изъ Варягъ (варяг. – А.У.) до Рима, от Рима же и до племени Хамова. А Днепръ втечь в Понетское море жереломъ, еже море словеть Руское, по нему же училь святой Оньдрей, братъ Петровъ...» (С.26).

Следует обратить внимание на три обстоятельства. Во-первых, летописец помещает *русь* на пути из варяг в греки, то есть от одного народа к другому. Во-вторых, один народ – варяги – дал название Варяжскому морю на севере, другой народ – *русь* – дал название Русскому морю на юге, т.е. в противоположной стороне. В-третьих, через апостола Андрея, занимавшегося просветительской деятельностью по берегу Русского моря, ветхозаветная (языческая) история *руси* связывается с новозаветной – христианской историей нового богоизбранного народа *русского*.

Логика повествования летописца здесь очевидна. Коль *русь* является библейским народом, то и о ней должно быть пророчество, касающееся ее новозаветного будущего. Вот почему, отправившись путем из греков к варягам, апостол Андрей промыслительно остановился у Днепровских гор. «И заутра вставъ и рече к сущимъ с нимъ ученикомъ: "Видите ли горы сия? – яко на сихъ горахъ восияеть благодать Божья; имать градъ великъ быти и церкви многи Богъ въздвигнути имать". И вышедъ на горы сия, благослови я, и постави крестъ, и помоливъся Богу, и сълезъ съ горы сея, идеже послеже бысть Киевъ» (С.26).

Сказывается в истории русских и еще одно пророчество. Живущим в погибели по языческим обычаям восточнославянским племенам летописец противопоставляет жизнь по христианским законам уже крещеного народа. Господь не дал погибнуть славяноязычным, избрал свой новый народ и вывел его из рабства греха и хазарского владычества, как когда-то одарил десятью заповедями (Законом) народ Моисея и вывел его из-под владычества фараона.

⁹ Конечно, если Варяги пишутся с прописной, то и Русь следует писать с прописной; однако не было государства Варяги! Очевидно, что летописец указывал путь от одного народа к другому, а не от одного государства к другому.

Монахи Сийского монастыря составляют житие Антония Сийского.
Миниатюра из рукописи 1648 года «Житийная повесть об Антонии Сийском»

По замечанию В.Я.Петрухина, «вводная космографическая часть "Повести временных лет" завершается рассказом об избавлении славян (племени полян) от хазарской дани и власти русских князей над хазарами, подобно тому, как "погибоша еюптяне от Моисея, а первое быша работающе имь". Таким образом, обретение полянами своей земли в Среднем Поднепровье и утверждение там власти русских князей сопоставлялось с избавлением избранного народа от египетского плена и обретением земли обетованной – будущей христианской Руси... Это отождествление Русской земли с "новым Израилем" становится характерным для русского самосознания задолго до формирования идеи "Святой Руси"»¹⁰.

¹⁰ Петрухин В.Я. Указ. соч. С.67.

Так завершается недатированная космографическая история *руси* – славяноязычного народа, потомка племени Иафета, то есть, по сути своей, библейского народа. Хочу обратить внимание, что в этой дохронологической части «Повести временных лет» употребляется только один концепт – *русь* – и ни разу не упоминается понятие *Русская земля*, широко используемое книжниками в хронологической части древнерусской летописи. Исходя из этого можно предположить, что в концепте *русь/Русь* отразилось особое средневековое представление о синергетическом слиянии в слове *русь* двух понятий: народа и страны (как Греки и Варяги), в которой проживает этот народ. Однако, как мы знаем, такой страны с единым институтом княжеской власти еще не было, поэтому значение народ в концепте *русь* превалирует.

История Русской земли – нового государственного образования под объединяющей княжеской властью начинается с точной даты – 852 года, когда в царствование византийского царя Михаила «нача ся прозвати Руска земля. О семь бо уведахомъ, яко при семь цари приходиша Русь (народ русь, а не целое государство! – А.У.) на Царьгородъ, якоже пишется в летописаньи гречьстемь. Темже отसेле почнем и числа положимъ <...> А от перваго лета Михаилова до перваго лета Олгова, рускаго князя, лет 29 ...» (С.34). То есть ранее описанное княжение в Киеве трех братьев – Кия, Щека и Хорева – относится еще к дохронологическому периоду – космографической истории *руси*. Олег же становится *русским* князем потому, что стал князем народа *русь*. В этом акте воплотились воля и свободный выбор самого этого народа, но в нем уже чувствуется и прообраз выбора христианства при Владимире Святославиче.

Спустя десять лет от первого упоминания Русской земли в греческом летописании, сначала изгнав варяг за море, новгородцы опять призывают их княжить в свою землю: «"Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нетъ. Да поидете княжить и володети нами". И избрашася 3 братья с роды своими, пояша по собе всю *русь* <...> И от техъ варягъ прозвася Руская земля...» (С.36).

Приведенная цитата из «Повести временных лет», кажется, перечеркивает все сказанное прежде о двух разных народах – *руси* и варягах. Традиционно выражение «пояша по собе всю *русь*» переводят как «и взяли с собой всю *русь*» (С.37). Иными словами, отправляясь в Новгородскую землю, варяги прихватили с собой и «всю *русь*». То есть целый народ! Однако историки до сих пор не могут найти в Скандинавии следов существования ни народа *русь*, ни народа *рос*¹¹, поскольку такого

¹¹ Там же. С.100.

народа там, по всей видимости, никогда и не было. А фразу из летописи правильнее было бы перевести как «покорили себе всю русь»¹² (в древнерусском языке существует выражение «поима (от пояти) землю или городы», т.е. покорил землю или города, но не взял с собой!¹³).

Проведенный А.А.Шахматовым текстологический анализ «Повести временных лет» показал, что сообщения об идентификации *руси* и варягов являются позднейшей вставкой, поскольку их нет в Новгородской первой летописи младшего извода, отразившей более ранний, чем дошедшая до нас редакция «Повести временных лет», летописный свод¹⁴. Правда, и в Новгородской первой летописи младшего извода имеется свидетельство, что «от тех Варягъ, находникъ техъ, прозвашася Русь, и от тех словет Руская земля»¹⁵. Как же тогда воспринимать эти слова летописца? Их можно понимать как свидетельство, что пришлые варяги прозвали подчиненный ими народ *русь*, а территорию, ими занимаемую, Русской землей. То есть приведенное выше выражение «от тех Варягъ...» можно переводить как «теми варягами, пришлыми теми, прозвались *русью*, ими прославлена Русская земля»¹⁶.

В связи с этим интересно еще одно пророчество о Русской земле, вложенное летописцем в уста пришедшего в Киев варяга Олега: «И седе Олегъ княжа въ Киеве, и рече Олегъ: "Се буди (т.е. еще будет в будущем, но не сейчас! – А.У.) мати градомъ русьскимъ". И беша у него варязи и словени и прочи, прозвашася *русью*» (С.38). Интересная деталь, отмеченная летописцем: варяги, славяне и прочие народности прозвались *русью*, т.е. стали называться *русью* в силу складывающихся обстоятельств – приходом в Киев!

¹² «Словарь русского языка...» так объясняет второе значение слова пояти (пояша – производное от него): «Взять себе (в свое распоряжение, владение), забрать, завладеть, захватить» – и приводит в качестве примера к этому толкованию разбираемую нами фразу (См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1992. Вып.18. С.94).

¹³ См.: «Батый всю землю Рускую поима» (ПлДР. XIII век. М., 1981. С.344); «Ростислав же с смоляны поима въ вѣлости ихъ 4 городы» (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып.18. С.94).

¹⁴ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С.284–340.

¹⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т.III. М., 2000. С.106.

¹⁶ См. многочисленные тому примеры: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1987. Вып.13. С.175–178.

Хочу обратить внимание, что определение (новый концепт) *русский* является притяжательным прилагательным, указывающим на принадлежность кому-то или чему-то. Русский князь, и города русские, и мать-столица принадлежат *руси* – народу (не территории!). То есть доисторический библейский народ *русь* в новый, исторический период, соотносимый с новозаветной христианской историей греков (они зафиксировали его пребывание на исторической сцене), трансформировался в новый *русский* народ.

Пророческие слова Олега о Киеве как о будущей *русской* столице соответствуют греческому термину *μητρόπολις* – мать городов, метрополия, столица¹⁷. Если же вспомнить и более раннее благовествование апостола Андрея о том, что «на сихъ горахъ восияеть благодать Божья; имать градъ великъ быти и церкви многи Богъ въздвигнути имать», то мы получим пророчество о новой христианской столице нового христианского народа – *русского*.

Тема нового богоизбранного – *русского* – народа становится доминирующей в «Слове о Законе и Благодати» пресвитера Илариона, прочитанном в церкви Благовещения на Золотых воротах в Киеве в субботу 25 марта, на престольный праздник в канун Пасхи 1038 года¹⁸.

Промыслительное появление *русского* народа на исторической сцене обусловлено, по мнению Илариона, самим Священным Писанием: «Приде бо Спасъ, и не приать бысть отъ Израиля. И по еуагельскому слову: "Въ своа прииде, и свои его не приаша". От языкъ же (т.е. другими народами. – А.У.) приать бысть. Яко же рече Иаковъ: "И ть чаяние языкомъ". Ибо и въ рождении его вълсви от языкъ прежде поклонишася ему, а иудеи убити его искааху, его же ради и младенця избиша. И събытсья слово Спасово: "Яко мнози отъ Вьстокъ и Западъ приидут и възлягутъ съ Авраамомъ, и Исакомъ, Иаковомъ въ царствии небеснемъ, а сынове царствия изгнани будутъ въ тму кромешнюю". И пакы: "Яко отиметъ от васъ царство Божие, и дасться странамъ, творящимъ плоды его". Къ ним же посла ученикы своа, глаголя: "Шедьше въ весь миръ проповедите еуагелие всеи твари. Да иже веруетъ и крстьитсья спасенъ будетъ! И шьдше научите вся языки крестяща я въ имя Отца и Сына и Святаго Духа, учяще а блюсти вся, елика заповедахъ вамъ"»¹⁹.

¹⁷ Данилевский И.Н. *Древняя Русь глазами современниками и потомков (IX–XII вв.)* М., 1999. С.176.

¹⁸ Ужанков А.Н. *Из лекций по истории русской литературы XI – первой трети XVIII вв.* «Слово о Законе и Благодати» Илариона Киевского. М., 1999. С.5–24.

¹⁹ Там же. С.88. Далее страницы указаны в тексте статьи.

Собственно, эта история христианизации народов и была описана летописцем частично в доисторической (недатированной) части «Повести временных лет», в которой упомянуто крещение славян апостолом Павлом, частично в «Речи философа», частично в рассказе о крещении языческой руси князем Владимиром. Совершенно очевидно, что летописец искал место крещеной *руси – русских* – уже среди «исторических» христианских народов.

Крещение князя Владимира Святославича и его дружинников.
Миниатюра из Радзивилловской летописи XV в.

Тем же поиском был озадачен и Иларион: «Лепо бо бе Благодати и Истине на новы люди вѣсиати. Не вѣливають бо, по словеси Господню,

вина новааго учения благод/е/тна въ мехы ветхы, обетьшавши въ иудестве, аще ли то просядутся меси и вино пролетется. Не могъше бо Закона стена удержати, но многажды идоломъ поклонявшися, како истинныя Благодати удержати учение? Нъ ново учение – новы мехы – новы языки, и обое съблюдется. Яко же и есть. Вера бо благодатнаа по всеи земли простресе, и до нашего языка рускааго доиде» (С.88–90).

Итак, спасительная благодатная вера дошла до русского народа. В этом и заключается промыслительно-исторический путь распространения христианства – оно приходит на Русскую землю: «Тогда тма бесослуганиа погыбе, и слово еугагельское землю нашу осиа» (С.104).

Особая заслуга в этом «великааго кагана нашае земли» Владимира Святославича, который «не въ худе бо и неведоме земли владычествоваша, нъ в Руське, яже ведома и слышима есть всеми четырьми конци земли». И деяния его приравниваются к апостольскому подвигу императора Константина, который «въ елинехъ и римлянехъ (т.е. в языческих народах. – А.У.) царство Богу покори», а русский князь – «въ руси» (С.114). Аналогичная оценка заслуг князя Владимира содержится и в «Чтении о Борисе и Глебе», написанном преподобным Нестором до 1088 года²⁰: «Бысть бо, рече, князь въ тьи годы, володый всею землею Рускою, именовъ Владимиръ <...> Вчера не ведаше, кто есть Иисусъ Христось, днесъ проповедатель Его явися; вчера елинь Владимиръ нарицаея, днесъ кръстьянь Василий наричаея. Се вторый Костянтинъ в Руси явися»²¹.

Можно предположить, что с установлением института династической княжеской власти у восточных славян название доминирующего единопзычного этноса *русь* определило в X веке и название государства с центром в Киеве – Русь. На такое двойственное понимание концепта *русь* вроде бы указывает инициатива Олега в 911 г. «положити ряд межю Русью и Грекы» (С.46), т.е. заключить с Византией (а не просто с греками!) межгосударственный договор, для чего и было послано князем Олегом посольство к византийским соправителям Льву, Александру и Константину. В таком случае народы Русь и Греки олицетворяют собой сами государства. Однако, как следует из самого договора, заключен он все же между двумя народами – греками и *русью*. И здесь примечательно еще одно смысловое их противопоставление – уже по

²⁰ Ужанков А.Н. *Святые страстотерпцы Борис и Глеб: К истории канонизации и написания житий // Древняя Русь: Проблемы медиевистики. 2000. №2. С.28–50; 2001. №1(3). С.37–49.*

²¹ *Абрамович Д.И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пгд., 1916. С.4.*

конфессиональному признаку. Прибывшие в Византию мужи свидетельствуют, что они «от рода рускаго» и «послани от Олга, великого князя рускаго <...> на удержание и на извещение от многих лет межи христианы и Русью бывшею любовью». И еще раз будет подчеркнута, что прибывшие послы стремятся укрепить договором «любовь, бывшую межи хрестьяны и Русью» (С.46).

В самом договоре греки фигурируют как христиане, им противопоставлены русины: «Аще кто убьет или хрестьянина русин, или хрестьянинъ русина, да умрет, идеже аще сотворит убийство. <...> Аще украдетъ что любо русин у хрестанина, или аки хрестьянинъ у русина...» и т.д. Для нас весьма существенным является это противопоставление христиан-греков и язычников-руси. Русь, стало быть, воспринимается древнерусским летописцем как «ветхозаветный» языческий народ, но уже включенный в мировой исторический процесс контактами с византийцами.

Важно отметить, что и в XI–XII веках концепт *русь* воспринимался как народ, а не государство. Например, описывая борьбу Ярослава Мудрого со Святополком, автор «Сказания о Борисе и Глебе» замечает: «В лето 6526 приде Болеславъ съ Святополкомъ на Ярослава с Ляхы. Ярославъ же, съвкупивъ Русь, Варягы, Словени, поиде противу...»²². В данном контексте совершенно очевидно, что слово *русь* использовано для обозначения этноса и поэтому должно писаться со строчной буквы, как и варяги и словени, а не с прописной, как у издателей летописи, и, соответственно, цитате из нее.

**«Откуда есть пошла
Руская земля ...
и откуда Руская земля
стала есть»**

Уже само название древнейшей русской летописи, составленной в начале XII века в Киево-Печерском монастыре монахом Нестором, дважды использует понятие *Русская земля*: «Се повести времяных лет, откуда есть пошла Руская земля, кто въ Киеве нача первое княжити, и откуда Руская земля стала есть». Здесь нет, как может показаться на первый взгляд, тавтологии. Летописец обещал рассказать, откуда пошла Русская земля, т.е. ее историю (или происхождение) до первого киевского князя. Собственно, эта часть уже рассмотрена нами: Русская земля происходит от библейского народа *русь* – из колена Иафетова. Остается рассмотреть становление *Русской земли* и определить самое понятие. Оно также связано с эсхатологическим осмыслением человеческой истории.

²² Там же. С.45.

Характерны в этом плане названия древнерусских летописей, например, Новгородской первой летописи: «Временникъ, еже есть нарицается летописание князеи и земля Руския, и како избра Богъ страну нашу на **последнее время...**»²³. Или «Софийского временника», включенного в Тверскую летопись: «Временникъ Софейскый, иже глаголется летописецъ Рускихъ князей, и како избра Богъ страну нашу на **последнее время...**»²⁴. Или самой Софийской первой летописи: «Временникъ, еже нарицается Летописецъ рускихъ князь, и како избра Богъ страну нашу на **последнее время...**»²⁵.

Из приведенных примеров явствует, что понимание *Русской земли* как новой обетованной (христианской) земли формируется в процессе осмысления «последнего времени». Стало быть, русская история осмысливается новгородскими и тверским летописцами так же, как и киевскими, – как Промысл Господень перед концом света. Характерно, что и само древнерусское летописание велось до «конца времен» – Страшного суда²⁶.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что понятия *Русская земля* и *русь* связаны в древнерусских произведениях с действиями (поступками) князей, митрополитов или святых. Князья владывают в Русской земле, митрополиты носят титул «митрополита Киевского и всея Руси», святые молятся пред Богом за землю Русскую.

Характерно, что среди *руси* святых не было, поскольку это был языческий народ, однако «родъ праведныхъ благословиться, рече пророкъ, и семя ихъ въ благословении будеть»²⁷, и они просияли в *Русской земле*. Заслуга в том – Владимира Крестителя (сначала язычника, а потом христианина), при котором и стал складываться концепт *Русская земля* как христианская земля: «Сущю самодръжьцю въсеи Русьскеи земли Володимиру, сыну Святославлю, вьнуку же Игореву (русский род князей. – А. У.), иже и **святыимъ крщениемъ всюю просвети сию землю Русьску**»²⁸. А его сыновья пошли путем Христовым и стали первыми русскими святыми, которые ныне «ни о единомъ бо граде, ни о двьу, ни о

²³ *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т.3. М., 2000. С.103.*

²⁴ *Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью // ПСРЛ. Т.15. М., 2000. С.26.*

²⁵ *Софийская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. Т.6. Вып.1. М., 2000. С.11.*

²⁶ *Ужанков А.Н. «Совестные книги» Древней Руси (Русское летописание и Страшный суд) // Россия XXI. М., 1999. №4. С.151–177.*

²⁷ *Абрамович Д.И. Указ. соч. С.27.*

²⁸ *Там же.*

вси попечение и молитву въздаста, нь о всеи земли Русьскеи». Но они не только стали молитвенниками Русской земли, но и связали ее со всем христианским миром, создавая уже ее новозаветную (христианскую) историю.

«О Христова угодника! – продолжает автор жития святых. – Блаженъ по истине и высокъ паче всехъ градъ Русьскихъ и вышій градъ, имый въ себе таковое скровище, ему же не тъчнь ни весь мирь! По истине Вышегородъ наречеса: вышій и превышій городъ всехъ, въторый Селунь явися въ Русьске земли, имый въ себе врачество безмъздное. Не нашему единому языку тъкъмо подано бысть Бъгъмь, нь и всеи земли спасение, отъ всехъ бо странъ ту приходяще туне почерьплоть ицеление, яко же и въ святыхъ евангелиихъ Господь рече святымъ апостоломъ, яко туне прияста, туне и дадите»²⁹. Благодаря тому, что Господь послал таких святых целителей Русской земле, теперь она посещается стала православными паломниками со всех стран. То есть уже географически оказалась связанной со всем христианским миром. Сам святой Георгий направляет слепого человека к святым страстотерпцам: «Иди къ святыма мученикома Бориса и Глеба, <...> тема есть дана благодать отъ Бога – въ стране сеи земля Русьске прашати и исцелити всяку страсть и недугъ»³⁰. Таким образом, в начале XI века Русская земля, в которой появляются свои христианские святые, становится оплотом православия, и это констатируют древнерусские книжники.

**Формирование
конфессионального понятия
Русская земля
в XIII–XIV вв.**

Наблюдения Б.А.Рыбакова над летописными определениями понятия *Русская земля* в XI–XII вв. привели его к выводу «о существовании трех географических концентров, одинаково называемых *Русью* или *Русской землей*: 1) Киев и Поросье; 2) Киев, Поросье, Чернигов, Переяславль, Северная земля, Курск и, может быть, восточная часть Волыни, т.е. лесостепная полоса от Роси до верховьев Сейма и Донца; 3) все восточнославянские земли – от Карпат до Дона и от Ладоги до степей Черного (Русского) моря»³¹.

²⁹ Там же. С.50.

³⁰ Там же. С.59–60.

³¹ Рыбаков Б.А. Древние русы // Советская археология: Сборник статей. М., 1953. Вып. XVII. С.29.

Это, если так можно выразиться, чисто географическое осмысление *Русской земли*. Однако выделение трех разных по величине «географических концентров» свидетельствует, что не одно лишь территориальное (географическое) понятие вкладывалось древнерусскими писателями в выражение *Русская земля*. Подразумевалось нечто более значимое, объединяющее все перечисленные княжества в одно государство: исповедание единой православной веры и очерчивание территории, на которой она была распространена, возможное при четком определении всех неправославных соседей. Между тем, надо полагать, такое религиозное понимание названия *Русская земля*³² появилось не сразу, а только в XIII веке.

Наблюдения А.В.Соловьева показали, что широкое понимание термина *Русь* как совокупности всех восточнославянских княжеств имело постоянное значение в двух случаях. Во-первых, во взаимоотношении с западноевропейскими странами; во-вторых, в сфере церковной жизни. Он же отметил, что расширительное понимание Руси или Русской земли как всей страны было присуще периоду 911–1132 годов. И даже смоляне и новгородцы (примечательно, что Смоленск и Новгород никогда не входили территориально в тот узкий географический ареал, который выражался в XI–XII вв. понятием *Русская земля*) в договорах с иностранцами назывались «русинами»³³.

³² После того, как я предложил такое широкое религиозное понимание названия Русская земля (См.: Ужанков А.Н. Некоторые наблюдения над «Словом о погибели Русской земли» (к вопросу о написании и времени присоединения его к «Житию Александра Невского») // *Герменевтика древнерусской литературы*. Сб.9. М., 1998. С.114–117), аналогичное толкование представил спустя год и И.Н.Данилевский: «Пожалуй, самой сильной (а для средневекового книжника и наиболее важной) чертой, которая, помимо общего происхождения, роднила народы и земли, было и остается единое вероисповедание их населения. Если именно этот признак составители "Слова о погибели" и "Списка городов" рассматривали в качестве существенного при отнесении каких-либо территорий или географических пунктов к категории "русский", что само по себе весьма вероятно, то следует сделать вывод: под термином "русский" они имели в виду скорее всего этноконфессиональную общность, близкую тому, что сейчас именуется термином "православный" (См.: Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.) М., 1999. С.174).

³³ См.: *Der Begriff «Russland» im Mittelalter. Von Alexander Soloviev (Genf) // Studien zur älteren Geschichte Osteuropas. I. Teil. Festschrift für Heinrich Felix Schmid. Graz. Köln, 1956. S.149–150.*

В период же феодальной раздробленности, особенно со второй половины XII в., оно закрепилось преимущественно за Киевской областью. Широкое понимание названия *Русская земля* в этот период сузилось, по мнению А.Н.Робинсона, до древних границ Среднего Поднепровья, ранее населенного полянами, т.е. включало в себя бывшее Киевское княжество, Переяславское княжество и большую часть Черниговского княжества³⁴.

В обстановке распада *Русской земли* на удельные княжества, по мнению ученого, «само определение "русские" обычно не применялось, судя по летописям, ни к княжествам, находившимся за указанными пределами "Русской земли", ни к населению этих княжеств, в которых жили "суздальцы", "ростовцы", "новгородцы", "смоляне", "рязанцы", "черниговцы" и др. (по названиям столичных городов)...»³⁵.

В рассматриваемый период феодальной раздробленности возникает концепция самостоятельных земель – «Суздальской земли», «Смоленской земли», «Северской земли», «Новгородской земли» и т.д. – и появляется «новая концепция "Руси" – "Русской земли"», уже не объединявшей многие восточнославянские «земли», а противопоставляемой этим «землям»³⁶.

По мнению А.Н.Робинсона, «во второй половине XII в. "широкая" концепция "Русской земли" существовала преимущественно как историческое предание, а "узкая" концепция – как обычная политическая реальность», причем не только в летописании, но и в «Слове о полку Игореве» (правда, в несколько расширительном значении, за счет северских и союзных с Игорем князей)³⁷.

Интересно отметить, что понятие «Русская земля» в «Слове о полку Игореве» имеет своего антипода – понятие «Половецкая земля»³⁸, точно так же, как в двух литературных памятниках XIII века («Слово о гибели Русской земли» и «Галицкая летопись») «Русская земля», или просто «Русь», имела антиподами всех своих соседей – «Ляхов», «Угров», «Ятвягов» и т.д.

Если продолжить сопоставление понятий *Русская земля* в исторических сочинениях XII века и в «Слове о гибели...», то мы обнаружим

³⁴ См.: Робинсон А.Н. *Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII вв. М., 1980. С.225.*

³⁵ Там же. С.226.

³⁶ Там же. С.225–226.

³⁷ Там же. С. 226; 227–229.

³⁸ Там же. С.233.

совершенно противоположную концепцию в памятнике XIII века. И это при том, что социально-историческая обстановка ничуть не изменилась, более того, дальнейшее обособление княжеств еще усилилось, как и их дробление.

Тем не менее понятие *Русская земля* в «Слове о погибели...» трактуется в самом широком смысле и включает в себя все восточнославянские земли, населенные православными людьми, в том числе и западно- и северорусские, что, опять же, роднит этот памятник с «Галицкой летописью».

Уже в самом начале ее автор, говоря о Романе Галицком, замечает: «По смерти же великаго князя Романа, приснопамятнаго самодержьца всея Руси... велику мятежу воставшу в земле Руской, оставившима же ся двейма сынома его...»³⁹. Или в рассказе об истории основания новой столицы княжества – города Холма: «..созда град... егоже татарове не возмогоша прияти, егда Батый всю землю Рускую поима»⁴⁰. Совершенно очевидно, что выражение «вся земля Руская» использовано здесь в самом широком значении, не ограниченном ареалом Киево-Черниговских, или – шире – южнорусских земель, а подразумевает и Владимирские, Суздальские, Рязанские и Галицко-Волынские земли, то есть те земли, через которые прошли полчища Батыея.

И еще на одном примере уместно будет остановиться, поскольку он характеризует взгляды первого автора «Галицкой летописи» («Летописца Даниила Галицкого») ⁴¹.

В заключительной части своего труда, в описании поездки князя Даниила в Орду за ярлыком, он дважды использует выражение *Русская земля*: «О злее зла честь татарская! Данилови Романовичю, князю бывшу велику, обладавшу Рускою землею, Киевомъ и Володимеромъ и Галичемъ со братомъ си, инеми странами... Его же отець бе царь в Руской земли, иже покори Половецкую землю и воева на иные страны все»⁴². Интерес представляет это указание на царство князя Романа в Русской земле и на владение ею его сыном Даниилом. Дело в том, что и Роман Мстиславич, и его сын Даниил Романович владели Киевом временно и непродолжительный срок, но автору, видимо, было достаточно самого факта для создания их обобщенной характеристики как «само-

³⁹ «Галицко-Волынская летопись» // ПЛДР. XIII век. С.236.

⁴⁰ Там же. С.344.

⁴¹ См.: Ужанков А.Н. «Летописец Даниила Галицкого»: проблема авторства // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1992. Вып.3. С.149–180.

⁴² ПЛДР. XIII век. С.314.

держцев Русской земли». В связи с этим хотелось бы обратить внимание на следующие обстоятельства. Князь Даниил никогда не управлял Русскою землею из Киева, но только из Галицкого княжества: первоначально из Галича, а с конца 30-х годов из Холма.

При устойчивом употреблении автором выражения *Русская земля* относительно Галицких земель и *Русь – русский* – относительно жителей княжества напрашивается вывод, что Холм, как новая столица княжества, становится административным центром Русской земли во времена владения Киевом князя Даниила Романовича (т.е. в первой половине 40-х годов XIII в.), во всяком случае, в представлении самого автора.

Могло ли такое быть?

Как известно, к концу XII в. «Киев не только утратил свое значение столицы ("матери") всех городов, но даже лишился суверенных прав в собственном княжестве. Киевского княжества как государства более не существовало, так как городом Киевом владел в интересующее нас время (середина 80-х гг. XII в.– А.У.) один князь... а землями Киевщины – другой»⁴³. В Киеве княжил Святослав Всеволодович до своей смерти в 1194 г., а Киевскими землями управлял в то же время Рюрик Ростиславич.

Практически закат былой славы Киева как центра Русской земли начался с его разорения в 1169 г. Андреем Боголюбским. Затем Киев часто стал переходить от одного князя к другому.

Батыево нашествие завершило этот процесс, но не только потому, что Киев был фактически разрушен до основания и истреблены его жители (Михаил Черниговский по возвращении в Киев в 1245 г. не смог даже жить в нем), а и потому, что с этого момента Киев перестал быть центром русской православной церкви – митрополичьим городом. Не позднее 1240 г. митрополит-грек Иосиф покидает Киев из-за угрозы монголо-татарского нашествия, а в 1243 г. князь Даниил Романович назначает «печатника» Кирилла новым митрополитом «всей Руси». Именно ему, по моему мнению, и принадлежит первая редакция «Летописца»⁴⁴. Но тогда выражение *Русская земля* – в широком смысле – обретаёт под его пером новое звучание и значение для XIII века.

Кирилл писал свое сочинение, будучи уже названным митрополитом «всей Руси». И для него, естественно, *Русская земля* не ограничивалась только Киевским, Черниговским и Переславским княжествами. Для него *Русская земля* – это тот географический ареал, на котором проживают православные христиане. Он называл «христианами» католиков,

⁴³ Робинсон А.Н. Указ. соч. С.225.

⁴⁴ Ужанков А.Н. «Летописец Даниила Галицкого»... С.150–180.

венгров и поляков, но тем не менее всегда отличал их от жителей православной Руси, равно как и от языческой Литвы и ятвягов. Поэтому его понятие *Русская земля* было гораздо шире устоявшегося в XII в. и включало в себя помимо традиционно называемых в XI–XII вв. центральных территорий еще и Галицкое, Волынское, Смоленское и др. княжества. Фактически он подразумевал всю территорию восточных славян, говоря о Русской земле. Описывая западных соседей Русской земли, он повествует о венграх, поляках, чехах, ятвягах, литве и немцах. Обращаю на этот факт внимание умышленно, поскольку эти же западные соседи Русской земли перечисляются и в «Слове о погибели...». И, думается, не случайно, поскольку автор использовал выражение *Русская земля* в самом широком смысле, подразумевая под ним территорию, населенную православным народом и окруженную язычниками и «не правочерными христианами» – католиками. Этот момент в «Слове о погибели» подчеркивается особо. Перечислив всех западных, северных и восточных соседей, автор замечает, что расположенная между ними территория была покорена «Богом крестичаньскому языку», то есть правочерному крестичаньскому народу – православным.

«О, светло светлая и украсно украшена, земля Руская! И многими красочами удивлена еси: озера многими удивлена еси, реками и кладязьми месточестными, горами крутыми, холми высокими, дубравами чистыми, польми дивными, зверьми различными, птицами бещисленными, города великими, селы дивными, винограды обителными, дома церковными, и князми грозными, бояры честными, вельможами многими. Всего еси исполнена земля Руская, о правочерная вера крестичаньская!»

Отселе до угорь и до ляховь, до чаховь, от чахов до ятвязи и от ятвязи до литвы, до немець, от немець до корелы, от корелы до Устюга, где тамо бяху тоймици погани, и за Дышнучимь моремь; от моря до болгарь, от болгарь до буртась, от буртась до чермись, от чермись до морьдвы, – то все покорено было Богомь крестичаньскому языку...»⁴⁵.

Стало быть, и в понимании митрополита Кирилла, автора первой редакции «Летописца», и в понимании автора «Слова о погибели...» Русская земля – это населенная православным народом земля, которую окружают неправочерные народы. То есть концепт *Русская земля* использован в этих двух памятниках в самом широком смысле: и по отношению к соседям, и в религиозном понимании.

⁴⁵ ПЛДР. XIII век. С. 130.

Складывается впечатление, что если во второй половине XII – начале XIII в., т.е. в период феодальной раздробленности, концепт *Русская земля* воспринимался в узком смысле, как Киевское, Черниговское и Переяславское княжества – Среднее Поднепровье – (т.е. подчиненные двум соправителям Святославу Всеволодовичу и Рюрику Ростиславичу как главам родов Ольговичей и Мономаховичей), то с появлением монголо-татар, т.е. внешних врагов, завоевавших Русскую землю, границы ее в представлении русских средневековых книжников значительно расширились, как об этом свидетельствует «Слово о погибели Русской земли». И одновременно за ней закрепляется понятие земли православной⁴⁶.

Особенно заметно соединение двух понятий – *Русской земли* и *христианской веры* – в повестях Куликовского цикла, в частности в «Задонщине»: «...Царь Мамай пришел на Рускую землю... Князи и бояря и удалые люди, иже оставиша вся дома своя и богаество, жены и дети и скот, честь и славу мира сего получивши, главы своя положиша за землю Рускую и за веру христианскую». «И положили есте головы своя за святыя церкви, за землю за Рускую и за веру крестьянскую»⁴⁷ и т.д.

Ощущая себя народом библейским, но «народом новым» – христианским, древнерусские книжники показывают причастность своего Отечества к течению истории, определяемой Богом.

В этом отношении характерно вступление «Задонщины», созданной в конце XIV в. или в XV в.⁴⁸: «Пойдем, брате, тамо в полунощную страну – жребия Афетова, сына Ноева, от него же родися русь православная (весьма существенное добавление, свидетельствующее о переосмыслении концепта *русь* в новое, уже христианское, время. – А.У.). Взыдем на горы Киевския и посмотрим славного Непра и посмотрим по всей земли Руской. И оттоля на восточную страну – жребий Симова, сына Ноева, от него же родися хиновя – поганья татаровя, бусормановя. Те бо на реке на Каяле одолеша родь Афетов. И оттоля Руская земля седить невесела...»⁴⁹.

⁴⁶ «Появление самоназвания как показатель сложившегося самосознания этноса всегда предполагает и осознание иноэтничного и инокультурного – "чужого" – окружения; самоназвание не только выделяет собственный "свой" народ, но и противопоставляет его другим народам», – замечает В.Я.Петрухин (См.: Петрухин В.Я. Указ. соч. С.33).

⁴⁷ *Задонщина* // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С.7, 13.

⁴⁸ Дмитриев Л.А. Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. С.307–310; Он же. *Задонщина* // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч.1. А–К. Л., 1988. С.345–350.

⁴⁹ *Задонщина*. С.7. – Обращает на себя внимание то обстоятельство, что издатель

Предопределенность такого развития событий для автора «Задонщины» очевидна: «А казнил Богъ Рускую землю за своя согрешения»⁵⁰. Очевидна она и для автора «Сказания о Мамаевом побоище»: «Попущением Божиимъ за грехы наша, от навождения диаволя въздвижеса князь от вѣсточныа страны, имянем Мамай, еллинъ сый верою (т.е. язычник. – А.У.), идоложрецъ и иконоборецъ, злый христьянский укоритель»⁵¹.

Битва на Куликовом поле в 1380 году.

Миниатюра из рукописи XVII в. «Сказание о Мамаевом побоище»

повести Л.А.Дмитриев «русь православную» напечатал со строчной буквы, подразумевая, видимо, под этим понятием народ, а не государство.

⁵⁰ Задонщина. С.13.

⁵¹ Сказание о Мамаевом побоище // Сказания и повести о Куликовской битве. С.25.

Однако «уподобилася еси земля Руская милому младенцу у матери своей: его же мати тешить, а рать лозою казнит, а добрая дела милуеть его. Тако Господь Богъ помиловал князей русских... на поле Куликове, на речки Непрядве. <...> И помилова Богъ Рускую землю, а татарь пало безчислено многое множество»⁵². Но и русских воинов пало немало, а потому и сетует великий князь Дмитрий Иванович: «Братия, бояра и князи и дети боярские, то вам сужено место меж Доном и Непром, на поле Куликове на речке Непрядве. И положили есте головы своя за святыя церькви, за землю за Рускую и за веру крестьяньскую. Простите мя, братия, и благословите в сем веце и в будущем»⁵³.

Автор «Задонщины» часто использует рефрен «за землю за Рускую и за веру крестьяньскую». Его нельзя воспринимать как литературное клише. В сознании древнерусского человека XV в. понятие *Русская земля* неразрывно было связано с христианской (а точнее – правоверной, т.е. православной) верой. Об этом свидетельствует и «Краткая летописная повесть»: «...Князь великий Дмитрей Ивановичь, собравъ воя многы, поиде противу их (Мамая и его рати. – А.У.), хотя боронити своея отчины и за святыя церькви и за правоверную веру христианьскую и за всю Руськую землю»⁵⁴. И в «Пространной летописной повести» Дмитрий Иванович обращается с призывом к «брату своему Владимирю и къ всем княземъ рускимъ и воеводам: "Поидемъ противу сего окааннаго и безбожнаго, нечестиваго и темнаго сыроядца Мамаю за правую веру крестьяньскую, за святыя церькви и за вся младенца и старьци и за вся крестьяны сущаа и не сущаа; възьмемъ съ собою скипетръ царя небеснаго, непобедимую победу, и възприимем Аврамлю доблесть"»⁵⁵. Не менее важно и само осмысление князем Дмитрием ратного подвига, совершающегося в день праздника Рождества Пресвятой Богородицы: «Приспе, братие, время брани нашеа; и прииде праздникъ царици Марии, матере Божии Богородици, и всех чиновъ Госпожи и всеа вселеняи и честнаго еа Рожества. Аще оживем – Господеви есмы, аще ли умрем за мирь – Господеви есмы»⁵⁶. То есть, если живы останемся или погибнем за православных, в обоих случаях Господу принадлежим, в Его воле пребываем.

⁵² *Задонщина. С.13.*

⁵³ *Задонщина. С.13.*

⁵⁴ *Краткая летописная повесть // Сказания и повести о Куликовской битве. С.14.*

⁵⁵ *Пространная летописная повесть // Сказания и повести о Куликовской битве. С.16.*

⁵⁶ *Там же. С.19–20.*

Промысл Господень все время ощущается древнерусскими авторами: «Господь же наш Богъ, царь и творецъ всеа твари, елико хоцеть, ть и творить»⁵⁷. Но столь же важно для них понять предопределение Божие о судьбе Русской земли: «И възвыси Богъ родъ христианскый, а поганыхъ уничижи и посрами ихъ суровство, яко же въ пружня времена Гедеону надъ мадиамы и преславному Моисею надъ фараономъ»⁵⁸. Осмыслению Промысла Господня о новом христианском народе способствует библейская ретроспективная аналогия. Русский народ осмысляется как носитель Божественной воли.

Осада Царьграда турками в 1453 году.
Миниатюра лицевого летописного свода XVI века.

⁵⁷ Сказания и повести о Куликовской битве. С.25.

⁵⁸ Там же.

Интересно, что освобождение *руси* от хазарской дани происходит в конце «ветхозаветного периода» – перед началом новой, хронологической истории. Освобождение Русской земли от монголо-татарской дани происходит в «конце времен» – перед ожидаемым по окончании 7 000 лет (в 1492 г.) концом света.

В осмыслении «последних времен» и формируется понятие русского народа как нового исторического народа – православного, избранного Богом на «последнее время».

С падением в 1453 году Константинополя, столицы православной Византии, не осталось больше ни одного независимого православного государства. В древнерусских сочинениях происходит не переосмысление, а закрепление понятий: концепт *русский* стал синонимом *православного*: «Того же лета (1453 г. – А.У.) взят был Царьград от царя турскаго от салтанаа, а веры Рускыя не преставил, а патриарха не свел, но один в граде звон отнял у Софии Премудрости Божия, и по всем церквам служат литергию божественую, и завтреню и вечерню поют без звону, а Русь к церквам ходят, а пения слушают, а крещение Руское есть»⁵⁹.

Так к концу XV века, когда ожидался «конец света» и Страшный суд, окончательно сложилось у древнерусских книжников понимание *руси* как библейского народа, избранного Богом перед «концом времен», а *Русской земли* как земли православной, поэтому и определения *русский* и *православный* становятся взаимозаменяемыми понятиями.

* * *

Таким образом, уже в начальный период русской истории, отразившийся в русском летописании, в концепт *русь* древнерусскими книжными людьми вкладывалось особое понятие библейского народа, потомков сына Ноя Иафета. Этот народ, как в свое время народ израильский, был избран Богом в «последние времена» – в преддверии Страшного суда – для определенной эсхатологической миссии – сохранения Православия. Исполняя этот Промысл Господень, языческая *русь* принимает христианство, становится *русским* народом – носителем и хранителем Православия, а земля, на которой он проживает, становится *Русской землей*. После падения православной Византийской империи в 1453 г. и освобождения от монголо-татарского ига в 1480 г. Московское государство в полной мере ощутило свою миссию – защитника Право-

⁵⁹ Тверской сборник // ПСРЛ. Т.15. СПб., 1897. С.495.

славия до ожидаемого в 1492 г. «конца света», что еще больше закрепило в сознании древнерусских книжников тождественность концептов *русский* и *православный*.

В первой трети XVI века в Московском государстве стала формироваться новая эсхатологическая концепция «Москва – Третий Рим», концепция последнего перед Страшным судом праведного христианского *царства*. Зримое ее воплощение началось с венчания в 1547 г. на *Московское царство* первого русского монарха Иоанна IV Васильевича и признания его верховенства в православном мире восточными патриархами.

Так стал складываться в русском православном сознании новый концепт – *Московское царство* как оплот Православия, просуществовавший до петровских преобразований начала XVIII века, когда усилиями Петра I стала строиться светская *империя*. Пока мировоззрение книжников было религиозным, и осмысление отечественной истории было христианским – через призму Священного Писания как проявления Божественного Промысла. С обмирщением сознания и история Отечества стала превращаться в «гражданскую историю», складывающуюся из поступков наделенных свободой воли отдельных людей...

Владимир Бородулин

**«НЕ СМОТРЕЛИ БЫ
МОИ ГЛАЗА
НА ВСЕ ЭТО!»**

**ОБ ОДНОМ СТРАННОМ ПРИЗНАНИИ
УЧЕНОГО И О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ
ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ ШКОЛ**

РЕДАКЦИОННАЯ ПОЧТА

In history of Russia, the imperial as well as the Soviet, the Military medical academy (MMA), together with Moscow University, has always been the leading center of medical science and education. In 1920s its faculty was decorated with names of prominent representatives of medical and biological science: physiologist I.P.Pavlov, pharmacologist N.P.Kravkov, anatomist V.N.Tonkov, clinicians including surgeon S.P.Fedorov, therapists N.Ya.Chistov and M.V.Yankovski etc. Activity of these remarkable people set the exceptionally high level of the Academy's scientific output. Such was the historical medical canon. As any canon it is not devoid of certain mythologizing and has reverse side. Correspondence between I.P.Pavlov and N.P.Kravkov which is being published by V.I.Borodulin, the historian of medical science, is an eloquent testimony of the real moral and work climate which prevailed in that period in MMA (and, obviously, not only in this institution). V.I.Borodulin also examines the role which has the civil position of a scientific school founder and some other issues of scientific schools formations.

«**О**днажды, вскоре после моего вступления в эту лабораторию, я сидел в библиотеке института и читал какую-то статью. Вошел И.П. Он начал быстро перебирать новые журналы. Я видел, что он остался чем-то недоволен. Держа в руках книжку журнала, он перечитывал заголовки статей и сказал в сердцах: "Да, если так работать над такими вопросами и над такими объектами, то далеко не уедешь". Он бросил книжку на стол и, уходя, еще добавил: "Не смотрели бы мои глаза на все это". Я был очень озадачен. Сейчас же я взял брошенную книжку и стал рассматривать ее содержание. Там излагались исследования над отдельными клетками, над мышцами, над нервами, трактовались вопросы о природе возбуждения, о проводимости. Мне все это казалась тогда в высшей степени интересным и ценным. Признаюсь, что и теперь, через 30 лет, я так смотрю на это, как и тогда. Общая физиология возбудимых тканей оправдывает свое существование и не нуждается в специальной защите. Но мне кажется, что я понимаю, что руководило И.П., когда он так неодобрительно и даже неприязненно относился к упомянутому направлению физиологических исследований. Все эти исследования... казались ему несвоевременными, они не стояли в его представлении на очереди. Его талант увлекал его совсем в другую сторону, и это великое счастье для науки, что И.П. умел и дерзал отметить многое из тех направлений в физиологии, которые были ему на пути».

Итак, начинающий исследователь встречается в библиотеке своего руководителя – маститого ученого – и слышит от него резкие взволнованные слова, свидетельствующие о полном неприятии им того направления в современной им физиологической науке, которое, казалось бы, признается одним из ведущих. Очевидное их расхождение в оценке значимости того или иного направления в науке не может, конечно, привлечь внимание подготовленного читателя, поскольку полное единство взглядов присутствует только там, где нет развития науки. Интересны нам, прежде всего, сами участники этого эпизода – Иван Петрович Павлов (И.П.) и Александр Филиппович Самойлов – классики отечественной науки, учитель и ученик. Цитированный текст, принадлежащий ученику, опубликован в 1946 г.¹, когда обоих участников эпизода уже не было в живых. А.Ф.Самойлов (настоящие имя и фамилия Александр Фишелевич Шмуль)² родился в 1867 г. в Одессе, окончил

¹ Самойлов А.Ф. *Избранные статьи и речи*. М.; Л., 1946. С.94.

² *Российская еврейская энциклопедия*. Т.3. М., 1997. С.17.

Дерптский университет (1891). Упомянутая в тексте лаборатория находилась в петербургском Институте экспериментальной медицины, возглавлял ее Павлов³; здесь с 1892 по 1894 г. начинал свой путь в науку Самойлов. О пиетете к учителю красноречивее всего свидетельствуют собственные слова ученика: «...именно у Вас в лаборатории я тогда стал человеком. Все остальное уже шло само собою... Только благодаря Вашей помощи и влиянию я мог сделаться Вашим товарищем "по благороднейшему оружию". Примите мою искреннюю благодарность за все. Ваш А.Самойлов»⁴. Эти слова написаны много позднее, их автор – уже не ученик, а маэстро (которому привычно соблюдать «политесы»), но у нас нет оснований сомневаться в их искренности, поскольку они вполне согласуются с психологическим портретом автора, представленным в литературе⁵.

И все же в 1894 г. Самойлов ушел от такого учителя, как Павлов, и устроился сверхштатным лаборантом к И.М.Сеченову – в физиологическую лабораторию Московского университета. В конце XIX в. именно Сеченов был не только «отцом», но и признанным главой отечественной физиологии⁶; напрашивающиеся поэтому подозрения о карьерных

³ И.П.Павлов (1849–1936) с 1890 по 1925 г. был профессором Военно-медицинской академии; в 1891 г. он был назначен также действительным членом созданного тогда в С.-Петербурге Института экспериментальной медицины, где возглавил физиологическую лабораторию и проработал до конца жизни.

⁴ Григорян Н.А. Александр Филиппович Самойлов. М., 1963. С.19.

⁵ Широта интересов (не только научных; известна, в частности, его музыкальная одаренность), скромность, доброжелательность, простота в общении, мягкое остроумие – такой портрет обаятельного человека рисуют нам его современники. Такой же облик проступает в его письмах («Жизнь серьезна и порой тяжела, не следует терять юмора, он облегчит ее», – писал он Эйнтховену в 1923 г.) и научных трудах. Известный московский кардиолог профессор Центрального института усовершенствования врачей А.З.Чернов, который работал под руководством выдающихся советских терапевтов Д.Д.Плетнева, Е.Е.Фромгольда, М.С.Вовси, на мой прямой вопрос – чей он все-таки ученик? – без колебаний ответил: «Прежде всего, Самойлова». А.З.Чернов рассказывал мне о нем не только с положенным ученику пиететом, но неизменно – с теплотой, преклонением перед личностью Учителя.

⁶ Иван Михайлович Сеченов (1829–1905) – автор знаменитых «Рефлексов головного мозга» (1863), основоположник медицинской психологии и физиологии труда, учения о газах крови и т.д. Он руководил кафедрами физиологии Медико-хирургической (в дальнейшем Военно-медицинской) академии (с 1860 г.), Новороссийского университета в Одессе (с

соображениях можно исключить: и Самойлов был ученым, чрезвычайно далеким от какого-либо карьеризма, и от Павлова никто никуда из подобных соображений не уходил. Павлов высоко ценил и выделял этого сотрудника, и нет никаких свидетельств какого-либо изменения его отношения к Самойлову к концу их совместной работы. Однако решительный поворот в судьбе молодого ученого все же произошел.

Расхождение между учителем и учеником в вопросах стратегии, методологии научного поиска, так выпукло изображенное в приведенных воспоминаниях Самойлова, ставит нас перед проблемой формирования научной школы⁷: что в личности Учителя способствует, а что препятствует созданию школы? Редкая по мощи творческого таланта, волевым качествам, страстности и необузданности характера (основные черты которого как бы гипертрофированы), по «колориту» в целом фигура И.П.Павлова представляет удачную модель для рассмотрения этой проблемы. Не претендуя, разумеется, на всесторонний охват темы, я остановлюсь на двух частных вопросах. Первый вопрос: всегда ли непрекращаемый авторитет Учителя и авторитарный стиль руководства полезны для становления школы? Основанием для постановки этого вопроса служит следующее общепринятое среди историков естествознания мнение. Согласно ему, руководитель без подчиняющей воли, зажигающих идей и постоянной борьбы за их признание (часто по принципу: «кто не с нами, тот против нас») никакой серьезной научной школы не создаст, поскольку все у него «расплывется», не будет доведено до открытия, его признания и внедрения. Об этом, действительно, свидетельствует опыт многих сложившихся и, главное, несостоявшихся научных школ,

1870 г.), Петербургского (1876–1888) и Московского (1891–1901) университетов. И.М.Сеченов создал первую в России научную школу физиологов, которая разрабатывала многие актуальные проблемы физиологии и медицины.

⁷ Проблема научных школ для большинства исследователей – одна из самых актуальных в истории естественных наук, однако здесь царит полная разногласия, в т.ч. и в определении понятия «научная школа» (строго говоря, картина, представленная в советско-немецком сборнике «Школа в науке» М., 1950, за прошедшие полвека не подверглась принципиальным изменениям). Поэтому должен оговориться. Я веду речь об определенном типе школы в экспериментальном естествознании и медицине, когда в роли «центра кристаллизации» выступает личность – основатель школы, когда школа формируется в процессе многолетнего повседневного сотрудничества учителя и учеников и, следовательно, ключевыми ее понятиями являются учитель, учение и ученик.

например, так и не созданных известными московскими терапевтами советского периода Д.Д.Плетневым или В.Ф.Зелениным, учеными такого масштаба, что их можно отнести к основоположникам кардиологии в СССР⁸. Важность твердой руководящей воли в научных исследованиях сомнений не вызывает, но почему-то при этом не учитывают оборотной стороны медали: неизбежного в таких случаях подавления воли ученика. Между тем есть ведь позитивные примеры совсем другого плана. Скажем, крупнейшие интернациональные школы – в физике, созданная в 1920-х – 1930-х годах в Копенгагене великим, демократичным и обаятельным Н.Бором; в физиологии, созданная в последней трети XIX в. в Вене и Лейпциге К.Людвигом, который старался быть другом ученику и у которого учились между прочими И.М.Сеченов, И.Ф.Цион⁹ и И.П.Павлов – все великие основатели физиологии в России.

Второй вопрос: важна ли при формировании школы гражданская позиция ее основателя? К постановке этого вопроса побуждает опять-таки расхожее мнение историков естествознания, склонных в той или иной форме подчеркивать значение общественно-политического лица руководителя школы. В области истории медицины хрестоматийными примерами такой значимости служат обычно два человека. Во-первых, С.С.Корсаков – основатель московской клинической школы психиатров, среди представителей которой особенно громкое общественное звучание в первые десятилетия XX в. имел голос В.П.Сербского (никак не ответственного за действия сотрудников советского НИИ, названного его именем). Во-вторых, Ф.Ф.Эрисман, швейцарец по происхождению, социал-демократ по убеждениям. Он создал в конце XIX столетия в Московском университете научную школу гигиенистов с характерными экспериментальным направлением и широким общественным подходом к решению проблем здравоохранения. Однако и здесь опыт иных школ не позволяет принять такой ответ как аксиому.

⁸ Бородулин В.И. *Очерки истории отечественной кардиологии*. М., 1988. С.143, 144, 222–224.

⁹ *Илья Фаддеевич Цион (1842–1912) – яркая неоднозначная и скандальная фигура не только в истории отечественной науки (где он явно «отодвинут» на задний план), но и в политической истории России. Краткая объективная оценка его научного вклада дана, например, Ю.А.Шилинсом (Шилинцис Ю.А. Цион И.Ф. // Выдающиеся имена в мировой медицине. Киев, 2002. С.83–84).*

Приглядимся теперь к характерам и творческим, а также иным интересам наших основных действующих лиц. В заглавном тексте обращает внимание любопытная деталь: Павлов не просто отмежевался от нервно-мышечной физиологии; он в сердцах швырнул журнал со статьями по этой тематике на стол (и нетрудно представить себе, что он при этом мог добавить – чисто по-русски, о чем благовоспитанный ученик должен был, разумеется, деликатно умолчать). Удивляться не приходится. Ведь эмоциональность и крутость нрава великого физиолога проявлялись в самых разных научных, общественных и политических (например, в отношениях с советской властью до середины 1920-х гг.) обстоятельствах, получили отражение в многочисленных публикациях¹⁰ и потому общеизвестны. Взрывной темперамент и бескомпромиссная резкость суждений и поступков руководителя гармонировали с его авторитарным методом управления лабораторией: каждый сотрудник мог заниматься только тем и только так, что и как поручил ему руководитель. Сам же Павлов в 1890-е гг. не просто «сосредоточился», он был полностью поглощен разработкой принципиально нового направления физиологии и экспериментальной медицины, которое в начале XX в. завершилось созданием синтетической физиологии пищеварения и «физиологической хирургии» (по терминологии И.П.Павлова) желудочно-кишечного тракта¹¹. Оценка этих работ научным сообществом известна: в 1904 г. Павлов стал первым в России нобелевским лауреатом.

Самойлов прекрасно понимал, что у Павлова он будет заниматься исключительно экспериментальным изучением пищеварения у собак;

¹⁰ Не только в специальных работах по истории науки, но и в общей прессе. См., например: Тополянский В.Д. О голоде, рефлексах и запятой // Литературная газета. 1995. 22 марта. №12 (5543). С.5.

¹¹ Ко времени создания лаборатории Павлова в Институте экспериментальной медицины ему уже принадлежали крупные исследования в области физиологии пищеварения. Он разработал метод хронического эксперимента с наложением фистулы для непрерывного наблюдения за деятельностью органов пищеварения, впервые наложил постоянную фистулу протока поджелудочной железы (1879), поставил опыты с «мнимым кормлением» (1889). К 1894 году относится создание в эксперименте метода т.н. изолированного желудочка («малый желудочек», по Павлову), полностью сохраняющего связи с центральной нервной системой (См. также: Балалыкин Д.А. История становления и развития желудочной хирургии как научного и клинического направления в России XIX–XX вв. Автореф. дисс. ... докт. мед. наук. М., 2003).

методикой этих экспериментов он уже овладел, и учитель рассчитывал на его помощь. Между тем его собственные научные интересы лежали в иной плоскости, о чем свидетельствует, в частности, и приведенный текст. Молодого ученого как раз и привлекали «исследования над отдельными клетками, над мышцами, над нервами», «вопросы о природе возбуждения, о проводимости». Еще с времен Одессы, с гимназической скамьи, он «был навеки побежден электрофизиологией» и поставил себе целью увидеть и зарегистрировать то, что уже было услышано другими исследователями, – феномены, сопровождающие сократительную деятельность мышц. Другими словами, его влекло к исследованиям основных процессов жизнедеятельности клеток нервной и мышечной ткани, его интересовали возможности, которые открывало применение физико-химических, инструментальных методов¹². Этим можно было заниматься у Сеченова, и нельзя – у Павлова. Глубокое внутреннее расхождение с учителем в научных интересах, невозможность реализации собственных интересов привели к кризису: дальнейшее пребывание в школе Павлова теряло смысл. Самойлов был – в отличие от Павлова – человеком вполне уравновешенным, но не уступал учителю в таких качествах, как целеустремленность, научная принципиальность; он мог проявить твердость характера и проявил ее, ушел от Павлова, рискуя навсегда испортить отношения с учителем.

Обширная литература и богатый «фольклор», посвященные И.П.Павлову, свидетельствуют, что он был неуживчив. Его взаимоотношения с такими ближайшими его коллегами, крупнейшими представителями экспериментальной медицины того времени, как невролог и психолог В.М.Бехтерев, физиолог и фармаколог Н.П.Кравков, биохимик, патолог и радиобиолог Е.С.Лондон, мягко говоря, оставляли желать лучшего¹³. Однако изменившего ему ученика он, видимо, понял и

¹² *Гимназистом Самойлову посчастливилось присутствовать на проходившем в Одессе 7-м съезде естествоиспытателей и врачей России и слушать Н.Е.Введенского. Николай Евгеньевич Введенский (1852–1922) – один из крупнейших физиологов, ученик Сеченова – сообщил об акустических явлениях, сопровождающих сократительную деятельность мышц и выявленных при помощи исследований с применением телефона. Дальнейший творческий путь Самойлова свидетельствует, что это научное сообщение произвело на него неизгладимое впечатление.*

¹³ *Так, многочисленны свидетельства язвительного тона и доходившей до взаимных оскорблений резкости в научных спорах между Павловым и Бехтеревым – спорах, конеч-*

простил. Тому есть многочисленные свидетельства, в том числе фотодокументы¹⁴. Об этом же говорит его искренний отклик на смерть Самойлова, дающий уже иную, взвешенную оценку различных подходов в физиологических исследованиях и показывающий нам, что и сам Павлов объяснял себе уход ученика именно теми мотивами, которые приведены выше: «Я помню, как мне понравилось спокойствие, обдуманность и точность в его работе... Я очень рассчитывал долго пользоваться сотрудничеством Александра Филипповича, но он скоро, к моему большому сожалению, перебрался в Москву... главной причиной этого был склад его головы. Каждый из нас идет на то, что отвечает этому складу. ...У меня преобладали в известные периоды или даже временами исключительно применялись вивисекция и физиолого-хирургические операции, а Иван Михайлович Сеченов работал почти всегда только с химическими методами и физическими инструментами. Александра Филипповича, очевидно, влекло к инструментальной, физической физиологии»¹⁵. Следовательно, неизбежная обида на ученика не привела к непроходимой пропасти в их личных взаимоотношениях. Однако научные последствия этого разрыва очевидны.

В связи с особенностями высшего образования в России именно конец XIX в. оказался временем формирования крупнейших отечественных научных школ в естествознании. А.Ф.Самойлова с полным на то

но же, методологического характера. Оба исследовали высшую нервную деятельность, но ориентировались на принципиально различные исследовательские подходы.

Владимир Михайлович Бехтерев (1857–1927) – автор фундаментальных трудов по морфологии, физиологии и патологии нервной системы. Он видел свою задачу в комплексном изучении мозга человека морфо-физиологическими и психологическими методами и на этой основе – исследования личности. Как и Павлов (со 2-й половины 1920-х годов), он сотрудничал с советской властью, но это его не спасло. Вызванный в Москву для консультирования И.В.Сталина (что подтверждено документально), Владимир Михайлович поставил диагноз паранойи, сообщил об этом ближнему окружению вождя (по легенде) и вскоре скорострительно и при странных обстоятельствах умер, возможно насильственной смертью.

¹⁴ *Например, приведенная фотография, на которой Павлов и Самойлов идут с королевского приема в Лондоне по случаю празднования 300-летия со времени открытия У.Гарвеем кровообращения (См.: Коштыяц Х.С. Очерки по истории физиологии в России. М., 1946. С.393).*

¹⁵ *Павлов И.П. Памяти Александра Филипповича Самойлова // Казанский медицинский журнал. 1931. №4–5. С.331–332.*

основанием относят к наиболее выдающимся представителям созданной Сеченовым физиологической школы. Никто из исследователей не называет Самойлова представителем другой крупнейшей научной школы физиологов, созданной Павловым, хотя Самойлов, несомненно, его ученик. Случай весьма характерный и не столь уж раритетный в истории науки. Эта своеобразная ситуация эксплицитно выявляет важную сторону формирования научной школы: сказать, что один ученый был учеником другого, еще не значит сказать, что он принадлежит к научной школе учителя (точно так же – сказать, что одна школа больше, многочисленнее другой, еще не значит сказать, что она и крупнее). Только конкретный анализ совокупности обстоятельств, влияний, взаимоотношений, и прежде всего тематики, методологии и методики исследований, позволит отнести (или отвести) одного ученого к школе (или от школы) другого.

И.П.Павлов и А.Ф.Самойлов в Лондоне (возвращаются с королевского приема)

Основными итогами творческой жизни Самойлова, которого справедливо относят к классикам не только российской, но и мировой физиологии¹⁶, явились фундаментальные труды по проблемам химической передачи нервного импульса и гуморальной природы центрального торможения, электрофизиологии сердца, нервно-мышечной физиологии и физиологии органов чувств. Все эти направления его деятельности свидетельствуют, что он работал физико-химическими методами, продвигался сеченовским, а не павловским путем, что он принадлежит к научной школе Сеченова. Здесь трудно полностью согласиться с формулировкой Самойлова в цитированном письме Павлову: «...именно у Вас в лаборатории я тогда стал человеком. Все остальное уже шло само собою». Понятно, что исследователем он стал в лаборатории Павлова, но свой путь в науке прокладывал сначала в школе Сеченова и, надо думать, не «само собою», а под прямым влиянием второго на его пути великого физиолога. Самое время спросить себя: так можно ли считать «великим счастьем для науки» (как пишет Самойлов в заглавном тексте) умение Павлова «отметать многое из тех направлений в физиологии, которые были ему на пути»? Или это несчастье и для науки вообще, и для судьбы конкретной научной школы в частности, когда у Учителя центральное зрение (в нашем случае научное), позволяющее четко видеть предмет исследования во всех деталях, гипертрофируется настолько, что выпадает периферическое (боковое) зрение, которое для того и предназначено, чтобы ориентироваться в более широком пространстве? И тем более, хорошо ли для судьбы научной школы, если ее создатель, опираясь на свой непререкаемый авторитет Учителя, вводит свои собственные научные пристрастия в жизнь школы в качестве ее основного закона? Если бы Павлов предоставлял перспективным сотрудникам достаточную долю самостоятельности и пусть не право на инакомыслие, но хотя бы возможность удовлетворения собственных научных запросов, Самойлов остался бы (надолго ли? – это другой вопрос) в школе Павлова.

Есть и другое научное последствие, тесно связанное с первым, вытекающее из него. В 1903 г. Самойлов переезжает в Казань, куда его при-

¹⁶ *Лидер кардиологов США П.Д.Уайт в 1926 г. характеризовал Самойлова как «одного из величайших ученых мира в настоящее время». Один из ведущих венских кардиологов К.Ротбергер писал в 1931 г.: «Конечно, он принадлежит к классикам физиологии».*

гласили профессором кафедры физиологии. Создав при Казанском университете одну из лучших в Европе физиологических лабораторий, Самойлов в Лейдене (1904) познакомился с основателем электрокардиографии В.Эйнтховеном и созданным им инструментом – струнным гальванометром. Дружба двух выдающихся физиологов продолжалась всю жизнь, о чем свидетельствует их переписка¹⁷. Приобретенный же в 1906 г. для казанской лаборатории и усовершенствованный Самойловым аппарат позволил ему вслед за Эйнтховеном и раньше других исследователей¹⁸ развернуть фронт работ по электрокардиографии – сначала экспериментальных, а затем и клинико-электрокардиографических. Он смог опубликовать оригинальный обобщающий труд по электрофизиологии сердца¹⁹, первым в России (1907) записать электрокардиограмму больного сердца, организовать в Казани первый в России электрокардиографический кабинет и консультировать клиницистов Москвы и Ленинграда при создании там врачебных электрокардиографических кабинетов²⁰. Таким образом, Самойлов сыграл основополагающую роль в становлении отечественной электрокардиографии. А ведь речь идет об одном из самых информативных, а значит и ценных, диагностических методов в современной медицине. Конечно, не будь у него такой увлеченности инструментальной физиологией, поиному сложился бы первый этап становления электрокардиографии в России.

¹⁷ См. например: Григорян Н.А. Указ. соч.

¹⁸ Основоположником электрокардиографии в России, наряду с Самойловым, принято называть московского кардиолога В.Ф.Зеленина. Следует все же отметить, что первые работы С.С.Стериопуло, Зеленина и других авторов появились позже, а главное, не имели такого решающего влияния, как исследования Самойлова. За рубежом вопросы клинической электрокардиографии примерно одновременно начала изучать знаменитая берлинская терапевтическая клиника Ф.Крауса. А.Гофман в Германии, К.Ротбергер в Австрии, Т.Люис в Великобритании и другие родоначальники электрокардиографии, судя по датам публикаций, опаздывали в этой гонке пионеров метода.

¹⁹ Самойлов А.Ф. Электрокардиограммы // Русский врач. 1908. №33. С.1089–1094.

²⁰ Профессора-терапевты А.Н.Казем-Бек, М.Н.Чебоксаров и Р.А.Гурия в Казани работали в содружестве с Самойловым; в Москве под его руководством работал А.З.Чернов. Датированное январем 1922 г. письмо одного из основоположников кардиологии в СССР Г.Ф.Ланга свидетельствует, что и в Петрограде электрокардиография делала первые шаги при консультативной помощи Самойлова.

«Русский Эйнтовен» – так называли Самойлова иностранные коллеги²¹. Понятно поэтому, что Лейденский университет после смерти Эйнтовена в 1927 г. пригласил Самойлова на кафедру физиологии; он ответил, что русские ученые должны работать в России. Этим ли гражданским мотивом действительно руководствовался ученый или главенствовали другие, более прозаические соображения²², озвучить которые в ту пору не каждый решился бы, мы не знаем. Но и последние годы жизни (он умер в 1930 г.) он провел на родине, заняв в итоге почетное место в рядах классиков науки России. Рассмотрим теперь вопрос о том, насколько гражданская позиция ученого влияет на процесс формирования его научной школы.

Научная школа Павлова формировалась с начала 1890-х гг. и развивалась в течение почти полувека. При этом в дореволюционной России жизнь великого физиолога не была отмечена активной позицией в общественно-политических вопросах. Его учителями были выдающийся физиолог, убежденный монархист и шумно известный реакционер И.Ф.Цион и знаменитый клиницист С.П.Боткин, человек явно демократических убеждений. Среди коллег, с которыми он поддерживал добрые деловые отношения, были и «неблагонадежные лица» (например, киев-

²¹ Коштыяц Х.С. А.Ф.Самойлов // Самойлов А.Ф. Избранные статьи и речи. М.; Л., 1946. С.7.

²² В те же 1920-е годы некоторые ведущие клиницисты России, прежде всего московские, получили приглашения на работу в клиниках европейских университетов. В беседах с близкими родственниками и сотрудниками Д.Д.Плетнева и Е.Е.Фромгольда, принадлежавших к лидерам московской терапии, мне неоднократно приходилось слышать, что оба ясно видели динамику политических процессов в стране, но не решались на отъезд. Как потому, что рвать с Родиной, к которой прирос, это рвать по-живому, так и потому (в первую очередь), что не может быть уверенности в благополучной жизни в другой стране (здесь интересная работа, относительная материальная обеспеченность, обширные связи. А там что?). Интересно, что общественно-политическая активность как черта личности не влияла на выбор. Одинаковым было решение и Плетнева, который участвовал в общественной жизни и фрондировал и до Октябрьского переворота (кадет), и после него, и глубоко аполитичного во все времена Фромгольда. Принятое решение стоило обоим жизни: Плетнева расстреляли в 1941 г., а годом позже не выдержал условий лагерного существования и умер Фромгольд. О трагической судьбе русского человека Плетнева, ставшего при жизни «визитной карточкой» советской медицины, а после смерти – ее мифом, и «советского немца» Фромгольда см.: Бородулин В.И., Тополянский В.Д. Дмитрий Дмитриевич Плетнев // Вопросы истории. 1989. №9. С.36–54; Бородулин В.И. Тополянский В.Д. и др. Е.Е.Фромгольд и московская терапия в 20-е – 30-е годы // Проблемы социальной гигиены и истории медицины. 1994. №6. С.42–46.

ский терапевт В.П.Образцов²³, направлявший своих учеников к Павлову, чтобы в его лаборатории они выполняли экспериментальные диссертационные исследования). Ситуация резко изменилась после Октябрьского переворота 1917 г.: его сын был убит большевиками, Нобелевская премия конфискована, условия жизни в голодном и холодном Петрограде, как и условия для научной работы, были катастрофическими, за границу не выпускали. Скрывать свои антисоветские взгляды он не считал нужным, его публичное фрондерство в этот период получило достаточное отражение в литературе и не нуждается в дополнительных доказательствах. Тем не менее привожу переписку Павлова с Н.П.Кравковым²⁴. Ведь письма эти, с одной стороны, полны глубокого отчаяния («крик души») участников трагедии, которую переживала наука в годы победоносного строительства советского государства. С другой, – свидетельствуют о несломленной силе духа их авторов, являя собой документ высокого гражданского звучания.

И.С.Павлов – Н.П.Кравкову

«24 мая. Глубокоуважаемый Николай Павлович! Обращаюсь к Вам с очень большой просьбой: передайте мне Ваш шар на баллотировку кандидатов на педиатрическую профессию. Право же, почти за пятьдесят лет лабораторной деятельности я научился отличать способных от неспособных, дельных от пустоцветных. К тому же в теперешнее, невыразимо скорбное для Родины время, какой у меня может быть другой мотив, кроме искреннего желания ввести в Академию, с которой связан 45-летней работой, истинно достойного нового

²³ В истории отечественной клиники внутренних болезней Василий Парменович Образцов (1851–1920) – одна из ключевых фигур. В начале XX в., после смерти С.П.Боткина, Г.А.Захарьина и А.А.Остроумова, он был, по признанию столичных коллег, лидером российских терапевтов; создал крупную киевскую научную школу. Образцову принадлежат мировые приоритеты в области кардиологии и гастроэнтерологии. Умер Василий Парменович в годы гражданской войны от голода, холода и болезней (см.: Образцов и его школа // Бородулин В.И. Очерки истории отечественной кардиологии. М., 1988. С.65–88).

²⁴ Николай Павлович Кравков (1865–1924), ученик Сеченова, один из основоположников экспериментальной фармакологии в России, с 1899 г. был профессором Военно-медицинской академии. Создал учение о фазном действии лекарств, первым (1903) применил метод изолированных органов для физиологических и фармакологических исследований, основал научную школу.

деятеля. А проф. Н.И.Красногорского я должен считать самым энергичным, самым умственно сильным из всех моих теперь уже многочисленных научных сотрудников. Неужели будет больше справедливости и толка, если теперешний академический лидер посадит на кафедру по его личному усмотрению, кто ему будет угоден. Еще раз прошу: подарите мне хоть это утешение среди беспрерывных горестей нашей теперешней жизни. Я как-то заходил к Вам, но никак не дозволился, не достучался.

Искренне преданный Вам Ив. Павлов».

Черновое ответное письмо Кравкова

«Я так искренно глубоко Вас уважаю, так понимаю Ваши переживания, что, конечно, смело вручаю Вам свой баллотировочный шар. Но позвольте высказать Вам слезу. Я после ряда столкновений с академической бандой перестал принимать участие в конференц делах, о чем и заявил Тонкову и компании. Все мои отношения к конференции ограничились только тем, что я при ряде последних безобразных выборов в профессуры письменно опротестовывал их (конечно, безрезультатно). Выборы на кафедру общей патологии окончательно переполнили чашу моего терпения. Почитайте протоколы заседаний; И.П.Павлов и Кравков не понимают, что такое эксперимент, все члены конференции – экспериментаторы, ст. Чичава окончательно вырешил этот вопрос, указавши, что Аничков – выдающийся патолог и преподаватель, которого слушать стекаются студенты чуть ли не со всех факультетов и т.д. После такого безобразия изнасиловать кафедру я окончательно заявил теплой компании, что больше моя нога не будет в этой блудной конференции и ни слова больше не скажу даже в том случае, когда на кафедру изберут хоть дворника... Так вот видите, г.у. И.П., я теперь, давая Вам шар, оказываюсь в мучительном психологическом тупике. Я всегда старался быть прямым и последовательным, а тут я ясно выхожу из колеи. Вручая тем не менее Вам шар,²⁵ я надеюсь, что Вы меня поймете так же, как и я Вас» .

²⁵ Письма переданы мне терапевтом и историком медицины профессором

Упомянутые в письмах события происходили в Военно-медицинской академии, где их авторы заведовали кафедрами (физиологии и фармакологии соответственно) и входили в научную элиту академии. Упомянутые в них лица: В.Н.Тонков – профессор анатомии, в 1917–1925 гг. – начальник академии, генерал; Чичава – старшина, участвовал в конференции от слушателей академии; Н.Н.Аничков – патолог, будущий президент Академии медицинских наук СССР (1946–1953). Разумеется, представленная в них картина отражает общую ситуацию в высшем образовании и науке страны (общеизвестна проводившаяся в 1920-е годы погромная политика в отношении Московского и других университетов, их автономии, профессуры и т.д.).

С середины 1920-х годов взаимоотношения советской власти и И.П.Павлова вступили в новую фазу: строптивый ученый все еще позволял себе внешнюю фронду, но тигр уже был бумажным, а точнее сказать, ручным. Для этого имелись веские основания. Н.И.Бухарин по поручению Политбюро специально налаживал с Павловым контакты. Павлов стал директором (1925) созданного им (здесь еще важнее, что созданного для него) Института физиологии АН СССР. В 1926 г. в Колтушах под Петроградом открылась биологическая станция по изучению условных рефлексов. Специальными решениями партийно-правительственного руководства страны были обеспечены приемлемые условия для жизни и работы И.П.Павлова и его сотрудников. Теперь у него была возможность успешно продолжать и расширять фронт исследований – главное дело жизни Ученого; компромисс Большой Политики и Большой Науки состоялся. М.Горький являлся «визитной карточкой» советской культуры, а И.П.Павлов стал «визитной карточкой» советской науки.

Гражданская позиция Павлова претерпевала таким образом существенные изменения: отсутствие активных ее проявлений до 1917 г., диссидентство в первой половине 1920-х годов, конформизм, начиная со второй половины 1920-х годов. Имело ли это какое-либо влияние на процесс формирования его научной школы? Ни состав

Л.П.Прессманом, который получил их от вдовы Н.П.Кравкова. Год на письмах не указан, но переписку можно датировать 1921 г. В этом году на академическую кафедру педиатрии был избран не Красногорский, а М.С.Маслов. Красногорский же в следующем, 1922, году избран на аналогичную кафедру Петроградского медицинского института.

(социальный, национальный) учеников²⁶, ни научный «вес» их имен²⁷ не дают оснований для утвердительного ответа на поставленный вопрос. К аналогичным выводам приводит рассмотрение материалов, касающихся крупнейших отечественных клинических школ последней четверти XIX – первой четверти XX в.²⁸ Можно думать, что гражданская позиция основателя как фактор генезиса научной школы применительно к школам в естествознании и медицине выступает не в виде правила, а в качестве исключения.

²⁶ Численный состав в третий период, конечно, разросся, но повторюсь: не числом определяется масштаб научной школы.

²⁷ Например, академика Л.А.Орбели можно отнести к первому из названных периодов, академиком А.Д.Сперанского, П.К.Анохина соответственно ко второму и третьему.

²⁸ Имеются в виду терапевтические школы – С.П.Боткина, В.П.Образцова и М.В.Яновского; неврологическая – А.Я.Кожевникова; хирургическая – А.А.Боброва.

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩИХ НОМЕРАХ:

Сергей Кургинян
Осенний марафон

Юрий Бялый
Экономика инфляции и экспортно-сырьевой стагфляции

Александр Неклесса
Поражение России

Дмитрий Антонов
Объяснение и «парадокс» в современной исторической науке

Альберт Ненароков
Экономические взгляды В.С.Войтинского – архивные материалы

и другие статьи.

5. 2005 september-october

S o c i a l , P o l i t i c a l a n d

Theory and Practice of the Political Games

Sergey Kurginyan

Bombing in London: What are They?
How will They Influence Us and the World? ___ **4**

Geopolitics and International Policy Issues

Vladimir Degoev

«People Got Ready To Move...» _____ **50**

Aleksey Shevtsov

Challenges and Opportunities
of Russian-Belarusian Union State Building ___ **64**

The Faces of Catastrophe

Stepan Sulakshin

Real Mechanisms of Russian Economic Policy _ **80**

Russia in the World

Leonid Fridman

On Multivariance of International
Economic Comparisons (the end) _ 104

Pages of History

Alexander Uzhankov

«Rus» and «Russian Land» Concepts
in the Mentality of Ancient
Russian Scribes
of the 11th–15th Century _____ 134

Readers' Letters

Vladimir Borodulin

«I Wish My Eyes Would Not See
All That!» On a Scientist's Strange
Confession and on Certain Problems of
Scientific Schools' Emergence _____ 164